

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

III Международная научная конференция

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Санкт-Петербург

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, М. А. Игнатова, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, Н. С. Сенюшкин, И. Г. Ткаченко, А. С. Яхина

Ответственные редакторы:

Г. А. Кайнова, Е. И. Осянина

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. Т. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), В. А. Куташов (Россия), О. А. Козырева (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

История и археология: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). — СПб.: Свое издательство, 2015. — iv, 86 с.

ISBN

И90 В сборнике представлены материалы III Международной научной конференции «История и археология».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 93
ББК 63

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Давыдова А.Д.

Неравноправное положение женщин в Российской империи 1

Левин Д.В., Коренева Д.А.

Аграрная реформа начала XX века: попытка модернизации страны 3

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Попов А.А.

Проблематика флотского соперничества Германии и Великобритании на страницах англоязычной научно-исторической литературы, посвященной Великой войне в первое десятилетие XXI в. 7

Раджабов О.А.

The role of sport and physical training in the state policy of Uzbekistan during the years of independence. 10

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Джуманов С.А.

К вопросу о влиянии Аральской трагедии на здоровье населения Узбекистана и ликвидации ее последствий 12

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**Авдеева Н.В.**

Эсхатология у старообрядцев-поповцев в первой половине XVIII в. 18

Бокова Я.М., Запорожцева О.А.

Культурное влияние Запада на мировосприятие советской молодежи в период десятилетия Хрущева 20

Дуров О.Г.

Генерал К.В. Сахаров и его роль в судьбе Белой Сибири. 23

Запорожцева О.А., Бокова Я.М.

Описание некоторых аспектов в области хозяйства членом-корреспондентом, статским советником А.Ф. Ребровым 26

Зенина А.С.

«Бессмертный полк» как историко-культурный феномен России XXI века 29

Нарышкина В.С.

П.И. Макушин: развитие книжного дела в Иркутске 31

Нестеров В.В., Сысоев Н.А.

Церковная реформа. Петр I. 33

Руднев В.В.

Ветка ели. Представления о флоре в народной культуре. 35

Самуилова М.О.

К вопросу об организации охраны банков в 1920-е годы в Самаре. 37

Сафонов В.В.	
К вопросу о возникновении русского коллаборационизма в годы Второй Мировой войны	40
Синчина Е.В.	
Из истории возделывания картофеля в Кубанской области и Ставропольской губернии в 1861–1917 гг.	43
Туранов А.А.	
О местоположении крепости в Сарапуле.	46
Фот А.Г.	
Священнослужители и прихожане: контакты и противоречия	48
Чиркунов И.В.	
Место термина «кустарь» и «кустарное гнездо» в историческом контексте	55
Шигильдеева Л.В.	
Реформирование судебной системы России во второй половине XIX века: либеральные взгляды и их реализация.	57

5. АРХЕОЛОГИЯ

Гусев К.Д.	
История изучения археологического памятника «Гермонасса — Тмутаракань».	60
Кустова Е.А., Аванессов С.С.	
Библия как исторический источник.	63
Родионова И.А., Полетаева Н.А.	
Прикосновение к истокам. Археологические раскопки на острове Вёжи.	66
Эминбейли В.Х., Мамедов Э.Т.	
Древние традиции гончарного ремесла Гянджи как важный источник.	70

6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Гасанов Э.Л.	
Base de recherche innovant de l'histoire et de la littérature de Gandja.	72
Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф.	
Об одном источнике хозяйственно-культурной классификации этносов.	74

7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Подгорнов А.Н.	
Геральдика на современных монетах России как часть исторического наследия.	78
Сучкова Е.В.	
К проблеме формирования и изучения филокартических коллекций в рамках музейного дела.	80
Тиркишова Я.К.	
Глиптика и сфрагистика Древней Маргианы бронзового века	82

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Неравноправное положение женщин в Российской империи

Давыдова Анна Давыдовна, аспирант

Ставропольский государственный педагогический институт

До революции 1917 г. в России действовал режим раздельности супружеского имущества, который предоставлял жене достаточно широкие возможности, хотя и с определенными ограничениями, по распоряжению принадлежащим ей имуществом. Следует отметить, что в рассматриваемый период развития истории России приходится больше говорить о месте и роли женщины в семье, нежели в общественных отношениях. Самое главное, и что представляло жизненную выгоду для женщины тех времен — это удачное заключение брака [1, с.37].

С раннего возраста девочек начинали готовить к семейной жизни, воспитывая из них хозяек большого семейства. В основании брака лежало соглашение между сочетающимися — брак не мог быть законно совершен без взаимного и принужденного согласия жениха и невесты. Как и всякий договор, брак в любой период предполагал свободу воли и сознания. Поэтому брак, который был совершен по принуждению или обману, будет считаться недействительным, из-за отсутствия существенного элемента добровольности [2, с.14].

Из этого правила были следующие исключения: если жена до замужества принадлежала к высшему сословию, то при выходе замуж это преимущество мужу не передавалось, если жена, лишенная всех прав сословия, и по истечении определенного законом срока причислялась в сословие государственных крестьян, вступала в новый брак с лицом, принадлежащим к высшему сословию, а также в случае если жена, лишенная всех особых привилегий и преимуществ, была сослана в отдаленные губернии и вступила в брак с лицом, имеющим все права сословия, то в этих особых случаях она не приобретала права сословия мужа. Лицо императорской фамилии, вступившее в брак с лицом, не принадлежавшим к «царствующему или владетельному дому», не сообщало ему прав на престолонаследие и права на получение содержания из удельного имущества жена имела право на получение содержания от мужа — «муж обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и по возможности своей». Размер содержания определялся сословным положением «по состоянию», по которому выделяли дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели «по возможности» т.е. сообразно со своими средствами [2, с. 16].

В Российской империи семья была многофункциональным социальным институтом, целью которого было

воспроизводство человеческого рода и воспитание детей. Законодательно был закреплён институт власти мужа, патриархальная семья. В российской семье жена должна была повиноваться мужу и проживать с мужем совместно, следовать за ним, в случае перемены места жительства, пребывать к нему в любви и неограниченном послушании. Положение женщины в семье до революции регулировалось законодательством, основанном на принципах Домостроя и положениях Священного писания. Иванов С. С. в своей работе «Государство и право России в период сословно-представительной монархии (вторая половина XVI в. — первая половина XVII в.)» писал, что жена была бесправной и ее уделом было содержать дом в порядке. Телесные наказания для женщины были предусмотрены в Домострое, они могли применяться не только к детям, но и к жене. [3, с.22].

С начала XIX века женский вопрос в России, являлся сложной социальной проблемой, охватывающей экономические, политические, правовые, этнические, психологические стороны эмансипации (освобождения) женщин. Защитники их прав и интересов впервые в истории России привлекли внимание общества к разнообразным проявлениям женского неполноправия. Одной из наиболее важных сторон женского вопроса стала проблема изменения положения женщин в семье, достижения их равенства в семейно-имущественных отношениях, расширения возможностей развода. Прогрессивно настроенные юристы XIX столетия требовали пересмотра в действующем «Своде законов» статьи о том, что «жена обязана повиноваться мужу». В сохранении решающей роли родителей при заключении брака они видели «отсталость семейного законодательства», а в существовании обычая регистрировать заключенные браки в церкви — препятствие к свободе разводов и основание к ущемлению прав незаконнорожденных детей. Один из выходов из создавшегося положения мыслился как достижение экономической независимости женщин от супругов и родственников. В России господствовала консервативно-патриархальная концепция, согласно которой женщины занимали подчинённое положение. Данная концепция была основой права и правового статуса женщины в семье. Теоретической и нравственной опорой консервативно-патриархальной концепции было христианское учение, согласно которому жена сотворена после мужа, создана для мужа [4, с.105].

Зависимое и неравноправное положение женщины возникло, как нам кажется, не потому, что природа создала женский организм более слабым, чем мужской, а потому, что в обществе исторически сложилась социальная система более несправедливая к женщинам, чем к мужчинам. Известно, например, что во времена матриархата женщина занимала ведущее положение в семье и обществе, но это положение она утратила при переходе от матриархата к патриархату. И совсем не потому, что изменилась физическая структура людей, что женщины стали физически слабее, а мужчины сильнее. Физическая структура людей не изменилась, а изменилась общественная структура. Мужчина занял ведущее и затем господствующее положение в семье и обществе, а женщина оказалась в зависимом, рабском положении. Прошли тысячелетия. И то, что было создано обществом, стало казаться естественным и само собою разумеющимся [5, с.286].

Главным в правовом регулировании отношений между супругами, в соответствии с дореволюционным семейным правом России, была непререкаемая власть мужа и подчиненное положение замужней женщины. Муж считался главой семьи, и жена должна была во всем ему подчиняться и всюду за ним следовать. Личные права и обязанности супругов в период империи также претерпели существенные изменения. Власть мужа, формально сохранившаяся до 1917 года, приобретает более цивилизованные формы. Прежде всего, с восприятием европейских форм жизни изменилось само положение женщин в обществе. Законодатель в этот период все более активно пытается регулировать внутренние отношения супругов в браке. В Своде законов Российской Империи правовые последствия заключения брака сформулированы следующим образом: «Муж обязан любить свою жену, как собственное тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ей немощи», — гласит Закон гражданский. Статья 107 формулирует обязанности-жены: «жена обязана повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви и неограниченном послушании, оказывать ему всяческое угождение и привязанность как хозяйка дома» [14, с.217].

В XIX — начале XX вв. в России господствовала консервативно-патриархальная концепция, в рамках которой женщины занимали подчинённое положение. Эта концепция являлась основой законодательства, поддерживалась высшими органами государственной власти, а также значительной частью населения страны. Её теоретической и нравственной опорой являлось христианское учение, согласно которому жена сотворена после мужа — создана для мужа, не только помощница для мужа, но помощница «подобная ему». В научной и общественной среде России XIX в. появляются теории о природных предпосылках неполноценности женщин, в соот-

ветствие с которыми заявлялось, что женщины физически слабее мужчин и менее умны, что предполагает ограничение их в правах [15, с.259].

В 1912 г. Государственная дума обсуждает и утверждает проект закона о расширении наследственных прав женщин. Закон «О расширении прав наследования по закону лицами женского пола и права завещания родовых имений», подписанный императором 3 июня 1912 г., уравнивал женщин с мужчинами лишь при наследовании движимого имущества [16, с.910].

В 1914 г. Государственная дума IV созыва вносит ряд поправок в брачное законодательство, итогом которых стал закон 12 марта 1914 г. «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям» [17, с.914]. «Законодательное регулирование положения женщины в семье и браке» даёт характеристику правового положения замужней женщины в России, определяются особенности личных и имущественных прав замужних женщин, а также их прав состояния, определённых в Своде законов Российской империи [18, с. 333].

Исследуя положение замужней женщины в рассматриваемый период, можно сделать выводы о законодательном закреплении института власти мужа, в силу которого жена была обязана повиноваться ему и проживать с мужем совместно, следовать за ним, в случае перемены места жительства, пребывать к нему в любви и неограниченном послушании. К числу прав и обязанностей между супругами, установленных Сводом законов, относилась обязанность мужа доставлять жене пропитание и содержание «по состоянию и возможности своей» (СЗРИ. Т. X, ч. 1, ст. 106). В начале XX в. Свод был дополнен статьёй 1061, в соответствии с которой право жены на содержание сохранялось за ней даже в том случае, если она, по вине мужа, не проживала с ним совместно. Вместе с тем, жена не в праве была требовать себе содержания, если она уклонялась от совместного жительства с мужем, несмотря на требование мужа вернуться к нему [19, с.245].

Рассматривая содержание Закона 12 марта 1914 г. «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям», автор приходит к выводу о существенном улучшении правового положения замужних женщин, которым предоставляется право отклонять требования мужей о совместной жизни, если она «представляется невыносимой», свободно обязываться векселями, без согласия мужа получать отдельный вид на жительство. Замужние женщины, проживающие отдельно от своих мужей, по новому закону, могли не спрашивать их разрешения при найме на службу, а также и при поступлении в учебные заведения [18, с.335].

Литература:

1. Женщины в революции. М., 1959.

2. Пушкарёва, Н. Л. Русская женщина: история и современность. М.: Ладомир, 2002.
3. Иванов, С. С. Государство и право России в период сословно-представительной монархии. М., 1960.
4. Сергеева, Г. П. О концептуальном подходе к проблеме участия женщин в управлении обществом // Женский вопрос: точки зрения и подходы к новому осмыслению. М., 1991.
5. Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. 16.
6. Проф., В. М. Хвостов «Женщина и человеческое достоинство» М., 1914.
7. Юренев, П. Журнал гражданского и уголовного права. 1877.
8. Кавелин, К. Очерк юридических отношений возникающих из семейного союза. СПб., 1884.
9. Заговорский, А. И. Личные и имущественные отношения между супругами // Русская мысль. — 1897. Кн. 1.
10. Боровиковский, А. Л. Брак и развод по проекту гражданского уложения // Журнал министерства юстиции — 1902.
11. Синайский, В. И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910.
12. Цитович, П. Очерки основных понятий торгового права. Киев. 1886.
13. Невзоров, А. С. Русская женщина в действующем законодательстве и в действительной жизни. Ревель, 1892.
14. Гражданское право. Учебник. / Под ред. А. Н. Сергеева, Ю. Н. Толстого. Часть 3. М.: Проспект. 1999.
15. Васюкина, Л. А. Женщина в семье и обществе. — М.: Просвещение, 1991.
16. Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1912, отд. 1 № 107.
17. Антокольская, М. В. Семейное право: Учебник. — М.: Юрист, 2003.
18. Законы гражданские. Практический и теоретический комментарий / под ред. А. Э. Вориса, В. Б. Ельяшевича. М., 1913.

Аграрная реформа начала XX века: попытка модернизации страны

Левин Дмитрий Викторович, бакалавр

Коренева Диана Альбертовна, студент

Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

В статье рассмотрены ход и результаты столыпинских аграрных преобразований России в начале XX века. Выявлены специфические особенности, проявившиеся в ходе проведения аграрной реформы, представлен обобщенный анализ аграрных преобразований в истории страны.

В последнее двадцатилетие ученые различных направлений (исторического, экономического, юридического и политологического) активно проявляют интерес к различным аспектам, так называемой столыпинской аграрной реформе. Этот интерес можно объяснить тем, что переживаемые Россией масштабные трансформации последнего двадцатилетия так или иначе заставляют историков, юристов и экономистов обращаться к урокам и опыту системных преобразований начала XX века. При этом нужно подчеркнуть, что следует обратить пристальное внимание, прежде всего, на аграрную реформу, так как именно она имела реальную законодательную базу, ход и результаты, по которым можно оценить ее эффективность [1, с. 697].

Основной причиной реализации всего комплекса аграрных преобразований под руководством П. А. Столыпина явилось стремление к радикальному изменению правовой ситуации, сложившейся в российской деревне к началу XX столетия [2, с. 29]. В сельских общинах сохранялись сословные учреждения самоуправления, порядок совершения которого определялся обычаем и традицией, а не правовым механизмом регулирования [3, с. 41].

Революционные события в России 1905—1906 гг. обострили земельный вопрос, который не смогла решить реформа 1861 года. Так как сельское хозяйство для Российской империи являлось основной отраслью экономики. Правительство под руководством П. А. Столыпина было вынуждено провести аграрную реформу, вошедшую в историю под именем столыпинской. Целью реформы являлось уничтожение общинного землевладения и создание крепких единоличных самостоятельных крестьянских хозяйств, а также перестройка всего сельского хозяйства на капиталистический уклад. Программа реформ включала в себя: передачу наделных земель в собственность крестьян, широкое кредитование крестьян, скупка помещичьих земель для перепродажи крестьянам на льготных условиях. Решение проблемы малоземелья крестьян и создание зажиточного слоя собственников на селе, по замыслу авторов реформы, должно было снять «массовое недовольство на селе», а также ускорить процесс интеграции крестьянства в рыночную экономику страны.

П. А. Столыпин был назначен министром внутренних дел 26 апреля 1906 г. Депутаты I Думы были приняты царем на другой день — 27 апреля. Нет сомнения, что

Столыпин получил свой пост именно под Думу в том смысле, что ему было доверено проложить политический курс в новых, совершенно непривычных для царизма исторических условиях — обеспечить сожительство до этого ничем не стесненного самодержавия с «народным представительством» [4].

II Государственная дума была избрана Столыпиным как испытательный полигон для будущего бонапартистского курса. Хотя после долгих колебаний и борьбы в верхнем эшелоне власти решили II Думу созвать по старому избирательному закону, уже с первых дней ее существования для всех было ясно, что она обречена, и самый ход избирательной кампании показал, что цезаризм в форме общения с крестьянами отброшен. Избирательная кампания проходила в обстановке грубого произвола и репрессий со стороны властей всех рангов. Сенатские «разъяснения» исключили из числа избирателей большие группы крестьян и рабочих. Преследовались левые выборщики, запрещались избирательные собрания, масса манипуляций была пущена в ход по части рассылки избирательных повесток, назначения дня и места выборов и т.д. Тем не менее итоги выборов, хотя они происходили уже в обстановке сильного спада революции, оказались для «верхов» еще более разочаровывающими.

Резкое ослабление кадетского «центра» и столь же явное усиление левого крыла уже говорило о том, что возможность соглашения между правительством и Думой стала еще более призрачной. Но если в I Думе Столыпин, памятуя об обстановке в стране, пытался демонстрировать лояльность и заинтересованность в сотрудничестве с «народным представительством», то теперь тон резко изменился. Премьер провоцировал Думу на открытые конфликты с правительством, приближая ее разгон.

II Дума начала свою работу 20 февраля 1907 г., и уже 6 марта Столыпин выступил перед ней с правительственной программой реформ. Список открывал знаменитый указ 9 ноября и другие аграрные мероприятия. Несколько законопроектов касались свободы совести. Были обещаны законопроекты о неприкосновенности личности и введении волостного земства, рабочим — профессиональные союзы и государственное страхование, стране в целом — реформа образования. Большое значение в программе придавалось «возрождению» боевой мощи армии и флота, утраченной в русско-японскую войну.

Ни у кого не было сомнений, что II Дума будет распущена. Искали только предлог и вскоре нашли. Было выдвинуто обвинение социал-демократической фракции II Думы в подготовке ею военного заговора. На этом основании Столыпин 1 июня потребовал немедленного отстранения от участия в заседаниях 55 депутатов социал-демократов и лишения 16 из них депутатской неприкосновенности, чтобы их можно было немедленно арестовать.

Столыпин надеялся, что в Думе удастся сколотить приемлемый для правительства «центр», куда войдут кадеты, октябристы и умеренные консерваторы. Но когда

с первых же дней обнаружилось, что эта надежда нереальна, мысль о необходимости изменения избирательного закона стала уже идеей фикс не только правительства и царя, но и всей правобуржуазной контрреволюции, начиная с Совета объединенного дворянства, штаба всероссийской дворянской организации, возникшей в 1906 г., и кончая октябристами. Именно в это время появились многочисленные проекты нового избирательного закона.

Социально-политический смысл акта 3 июня сводился к тому, что цезаризм был окончательно перечеркнут: Дума «крестьянская» превращалась в Думу «господскую» [4]. Это было достигнуто путем коренного перераспределения квот выборщиков в пользу помещиков и буржуазии за счет крестьян и рабочих, лишения избирательных прав целых народов и территорий, уменьшения общего числа членов Думы с 524 до 442 и других ограничений [5].

Начало столыпинских аграрных преобразований тесно связано с именным указом от 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», который был издан в порядке 87-й статьи Основных законов Российской империи, позволявшей правительству принимать меры законодательного характера (в перерывах между сессиями Думы с последующим их внесением на ее утверждение). Указ от 9 ноября 1906 г. провозгласил, что крестьяне могут свободно выходить из общины и требовать от односельчан выделения им наделенной земли с последующим оформлением ее в личную собственность. Так же указ позволил отвод укрепленной земли к одному месту с целью образования отрубов или хуторов. Крестьянская община была обязана удовлетворить требование об укреплении земли в личную собственность домохозяина, а в случае уклонения от исполнения или затягивания этого вопроса укрепление производилось губернской администрацией [6, с. 769—770].

С началом проведения аграрного законодательства в жизнь на местах проявилось резкое отрицание крестьянской общиной тех, кто хотел ее «покинуть» и укрепить землю в единоличную собственность. Против разрушения системы общинного землевладения выступили крестьяне-бедняки, которые обычно выдвигали предложения и требования на сельских сходах. Для них крестьянская община и система общинного землевладения являлась своеобразным гарантом от полного разорения и обнищания. Принудительные решения, разрешавшие крестьянам выход из общины с землей, при поддержке земских начальников, нередко выражались в антиправительственных выступлениях крестьянского общества. Аграрные волнения с весны 1906 г. возобновились с большей силой, к моменту роспуска I Думы количество инцидентов достигло исторического максимума. 1906 г. оказался неурожайным. Правительство интенсивно оказывало дорогостоящую продовольственную помощь, которую сельское население, привыкшее считать ее обязательным подарком («царевым пайком»), принимало без благодарности. Ситуация продолжала оставаться неопре-

деленной. Хотя правительство уже подготовило (или активно готовило) основополагающие документы реформы, последующие события могли развиваться различными путями.

Правительственная агрономическая организация сосредоточилась исключительно на помощи единоличным крестьянским хозяйствам. Агрономы землеустроительных комиссий селились в центрах хуторских поселений, хотя эти поселения и находились на краю агрономических участков. В результате агрономы играли двойственную роль. Приезжая в селение, где жили общинники и единоличные владельцы, агроном последним предлагал семена для опытов даром, а когда к нему обращались общинники, им говорили, что эти семена они могут получить лишь в ссуду, то же относилось и к опытам с удобрениями [7].

Деятельность агрономических организаций при землеустроительных комиссиях существенно отставала от деятельности земских агрономических организаций. Специалисты землеустроительных комиссий нередко выполняли обязанности чиновников по особым поручениям, их деятельность сводилась также к содействию выработке простейшей системы полеводства, рассчитанной на ближайший этап развития с единственной целью поддержать хозяйства в трудное для них время перехода к частному землевладению.

Земства с 1905 г. становятся организаторами сельскохозяйственного производства на местах. На организацию агрономической помощи из суммы земского сбора выделяются огромные суммы; сильное развитие получает сельскохозяйственное образование; устанавливается более тесное сотрудничество между земствами и местными сельскохозяйственными кооперативными организациями [6, с. 770].

Большинство исследователей сходились во мнении, что основу крестьянского правосознания определяла его многовековая социальная практика, особенности экономического уклада. Возникает закономерный вопрос, чем же специфичность правосознания крестьянства в начале XX столетия? Прежде всего, надо отметить, что подавляющее большинство крестьян общинников не обладало, даже элементарными, представлениями о законности и о своих гражданских правах. Собственно «законным» крестьяне считали такое решение или такой поступок, которые соответствовали волеизъявлению земского начальника. Их обезличенная гражданственность, сочетавшаяся с общей малограмотностью, порождала суеверный страх перед формальным законом. Обычное для этого периода бесправие крестьян общинников воспринималось как вполне естественное и закономерное даже должностными лицами. Законность отождествлялась с капризной волей вышестоящего начальства, основная масса крестьянского населения было абсолютно уверено в том, что за благорасположение властей можно и нужно платить. Подношение и подаяние любого должностного лица стал прочным компонентом обычного права. Крестьяне воспринимали коррупци-

онные отношения как необходимость и само собой разумеющееся обстоятельство [2, с. 31].

Наращение капиталистических отношений в деревне способствовало социальному расслоению крестьянской общины, что в свою очередь становилось основной угрозой разрушения общинного землепользования. В результате таких изменений обычное право крестьян общинников все сильнее попадало под влияние формальной законности. Крестьянские правоотношения становились неоднородными, разобщенными и тем самым возникало состояние противоречивой двойственности. Самые предпримчивые и восприимчивые к новым капиталистическим условиям ведения сельского хозяйства начинали сильнее, в своей жизнедеятельности, ориентироваться на законодательство, в то же время подавляющее большинство крестьян общинников, вопреки всему, предпочитало руководствоваться, в своей жизнедеятельности, опираясь на обычное право. В системе крестьянского самоуправления функционировала автономная административно-судебная ветвь власти — это сельские старосты и волостные старшины, а также волостные суды. Словесные суды являлись консервантом общинного землевладения и землепользования на протяжении второй половины XIX века.

Взваливая на себя огромную часть подсудности, руководствуясь при вынесении решения в основном местными обычаями, волостные суды способствовали сохранению зависимости крестьян от сельского общества. Проведение столыпинской земельной реформы не ослабило, а усилило крестьянское движение, которое обогатилось новыми формами борьбы. Доминирующую роль в крестьянской борьбе стала играть активная защита своих прав, упорное сопротивление правительственной администрации. Крестьянское мировоззрение исключало частную собственность на землю, поскольку она в глазах крестьян означала быстрое измельчание земельных наделов — с ликвидацией общины исчезла возможность компенсации растущих семей за счет мельчавших, поскольку традиционно каждый родившийся ребенок давал возможность получить дополнительную землю. Либо частная собственность на землю должна была в итоге привести к введению единонаследия, что, в свою очередь, вело к нарушению равенства между членами семьи, разделяя их на имущих и неимущих от рождения. Малоземельные и средние хозяйства видели в общине единственное спасение от разорения и нищеты [8, 41]. Большую роль в переводе экономики страны на капиталистические рельсы в начале XX века сыграла активная политика правительства Российской империи по укреплению банковской системы [9, с. 72].

Экономисты утверждают, что главная идея земельной реформы, получившей название «столыпинской», состояла в создании условий для формирования нового слоя крепких собственников, которые станут прочной опорой порядка. П. А. Столыпин призывал «дать крестьянину свободу трудиться, богатеть, избавить его от кабалы отжившего общинного строя». При этом предлагался путь

развития смешанной, многоукладной экономики, где государственные формы хозяйства конкурировали бы с коллективными и частными, широкое использование кооперации, развитие мелиорации, введение трехступенчатого сельскохозяйственного образования, предоставление дешевого кредита, образование земледельческой партии. Эти институты созданы были для реального представления интересов крестьян [10].

Исключительной чертой реформ как таковых является то, что они осуществляются сверху, власть имущими. Следовательно, реформаторы по логике вещей должны ставить перед собой сугубо прагматическую цель, заключающуюся в том, чтобы повысить эффективность своей политики, обеспечить экономический рост и благосостояние населения, а не стремиться в первую очередь учесть интересы различных классов и групп, поскольку это в принципе невозможно [11].

Итоги столыпинской аграрной реформы выражаются в следующих цифрах. К 1 января 1916 г. из общины в чересполосное укрепление вышло 2 млн. домохозяев. Им

принадлежало 14,1 млн. дес. земли. 469 тыс. домохозяев, живших в беспередельных общинах, получили удостоверительные акты на 2,8 млн. дес. 1,3 млн. домохозяев перешли к хуторскому и отрубному владению. Кроме того, на банковских землях образовалось 280 тыс. хуторских и отрубных хозяйств — это особый счет. Но и другие приведенные выше цифры нельзя механически складывать, поскольку некоторые домохозяева, укрепив наделы, выходили потом на хутора и отруба, а другие шли на них сразу, без чересполосного укрепления. По приблизительным подсчетам, всего из общины вышло около 3 млн. домохозяев, что составляет несколько меньше третьей части общей их численности в тех губерниях, где проводилась реформа.

Таким образом, социальные цели, поставленные правительством, не были достигнуты. Но реформа ускорила расслоение в деревне — формировалась сельская буржуазия и пролетариат. Очевидно, что разрушение общины открывало дорогу капиталистическому развитию, т.к. община была феодальным пережитком.

Литература:

1. Баранова, Е. В., Дябкина А. Ю. Проведение аграрной реформы в начале XX века // Молодой ученый. 2014. № 3. с. 697–699.
2. Котляров, С. Б. Правосознание крестьян Симбирской губернии накануне столыпинских аграрных реформ // История государства и права. 2014. № 9. с. 29–33.
3. Тараканова, Н. Г. Противоречия крестьянской волостной юстиции в России второй половины XIX — начала XX века // История государства и права. 2011. № 18. С. 41–45.
4. Хасянов, О. Р. Кризис идентичности российского дворянства в начале XX века: региональный аспект // Россия в многополярном мире: поиск путей инновационного и креативного развития. Ульяновск, 2010. с. 171–175.
5. Хасянов, О. Р. Дворянство Симбирской губернии в период подъёма революции 1905–1907 гг. // Молодежь и наука XXI века. Материалы II международной научно-практической конференции молодых ученых. Ульяновск: УГСХА, 2007. с. 422–425.
6. Финаев, А. В., Новичков И. В. К вопросу об отношении местных органов самоуправления Среднего Поволжья к столыпинской аграрной реформе начала XX века // Молодой ученый. 2014. № 4. с. 769–771.
7. Котляров, С. Б. Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии (1906–1917): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2005.
8. Котляров, С. Б. Итоги аграрной реформы П. А. Столыпина к 1917 г. (на примере Симбирской губернии) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. Т. 30. № 2. с. 38–46.
9. Видяйкин, с. В., Котляров С. Б. Деятельность крестьянского поземельного банка в Симбирской губернии в процессе реализации столыпинской аграрной реформы // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 2. с. 72–77.
10. Скальная, М. М. Современность реформ П. А. Столыпина в становлении среднего класса на селе // Агропродовольственная политика России. 2012. № 4. с. 20–22.
11. Богомазов, Г. Аграрная реформа Петра Столыпина // Экономическая политика. 2011. № 5. с. 21–34.

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Проблематика флотского соперничества Германии и Великобритании на страницах англоязычной научно-исторической литературы, посвященной Великой войне в первое десятилетие XXI в.

Попов Артем Андреевич, соискатель

Тюменский государственный университет, Ишимский филиал

В статье анализируются результаты научных изысканий англоязычных историков начала XXI вв. по вопросам англо-германской гонки морских вооружений. Ключевое внимание уделено работам Р. Хобсона, Н. Стоуна, М. Гастингса, К. Кларка, а также их взглядам на развитие флотской гонки между европейскими странами, как одной из предтеч военной кампании 1914–1918 гг.

Ключевые слова: современная британская историография, А. Тирпиц, англо-германский морской антагонизм, флотское соперничество, Вильгельм II, Первая мировая война.

Рассуждения маститых ученых англоязычной историографии относительно природы военно-морской конфронтации на протяжении последних десятилетий протекали в основном в русле признания основной доли ответственности Германского рейха в развязывании флотского антагонизма. Вместе с тем по совокупности раскрытия ранее малоизученных фактов и введением в исторический оборот новых архивных материалов стали появляться работы с более объективным подходом к проблеме англо-германского морского соперничества.

Одной из таких монографий заслуживающих упоминания следует указать книгу Р. Хобсона «Imperialism at Sea: Naval Strategic Thought, the Ideology of Sea Power and the Tirpitz Plan» опубликованную в 2002 г. [12]. Основу научного интереса историка составило препарирование такого явления как «морской империализм». На основании проведенного исследования Р. Хобсон пришел к выводу, что бурный судостроительный бум II-го рейха вызванный концепцией А. Тирпица не был каким либо исключительным явлением способным развиваться в условиях политико-экономической действительности немецкого государства [12, с. 34]. Досконально изучив предвоенное состояние противоборствующих европейских военных блоков, автор указывает на наличие подобных морских проектов во многих государствах. Хотя и с определенными нюансами аналогичные мероприятия проводили и Туманный Альбион, и Третья Республика, а также Дунайская монархия. Таким образом, подытоживая свои рассуждения Р. Хобсон пришел к выводу, что процесс создания флотской мощи являлся закономерным и был характерен для широкого спектра развитых держав независимо от блокового статуса [12, с. 41].

Исследование Р. Хобсона вызвало неоднозначную реакцию ученой общественности. Взгляды автора получили спорную оценку в среде историков-маринистов. Вместе

с тем такой подход весьма понятен, ведь долгое время в западноевропейской историографии англо-германского флотского соперничества господствовал тезис об особой роли трагических шагов немецкой нации на пути к катастрофе 1914 г., в то время как любое утверждение отличное от канона вызывало стойкое неприятие.

Интересной работой отражающей подобные явления следует считать книгу известного британского историка-германиста М. Хьюитсона опубликованную в 2004 г. [11]. Тезисы отстаиваемы автором во многом сходны со взглядами признанного мэтра западногерманской историографии Ф. Фишера [7–9] и продолжают развитие идеи «немецкой вины». Ведя многоплановый анализ состояния экономической и военно-политической сфер общественной жизни кайзеровского государства в 1900-е г. автор отмечал сильнейшее влияние высшего руководства рейха в форсировании событий англо-германской морской конфронтации. По мнению М. Хьюитсона ярые милитаристы, к числу которых принадлежал и сам император Вильгельм II, были убеждены в чистоте своих амбиций и выучке своих солдат, ввиду чего склоняли нацию к скорейшему переходу к военным действиям, как единственному залогам процветания государства, используя при этом июльский кризис 1914 гг. Таким образом, труд М. Хьюитсона устанавливает преемственность научной полемики разыгравшейся в 60-е — 70-е гг. XX столетия [1, с. 83; 3].

Впрочем, спорность данного подхода к освещению военно-морской проблематики начала оспариваться в западногерманской историографии уже к концу 70-х гг. породив тем самым «контroversию фишеровской концепции», в свою очередь, приводя в публикации разноплановых изысканий. Подобная тенденция сохранилась и на современном этапе развития научного исследования

военного-маринизма, характерным представителем которого явилась монография Р. Хобсона.

Однако взгляды Р. Хобсона имели и своих последователей, что в конечном итоге вылилось в определенную переоценку ценностей англоязычной исторической науки и дало мощный толчок к публикации новых изысканий связанных с аспектами внешней и военно-морской политики кайзеровской Германии, но уже с учетом последних тенденций. Характерным примером подобного подхода могут служить исследования целого ряда ученых, в числе которых видное место занимают работы Н. Стоуна [15], М. Гастингса [10], Х. Стрэхэна [16], К. Кларка [6], а также авторского тандема Дж. Горна и А. Крамера [13]. Указанные выше представители британского исторического сообщества в большей степени аккумулировали предыдущие наработки, связанные с флотской тематикой, но при этом внося в разработку свои оригинальные положения.

Так, например Дж. Горн и А. Крамер сосредоточили свои усилия на более детализированном представлении предвоенной политики Германской империи, т.е. они продолжали работу в рамках устоявшийся дискуссии оправдания действий Второго рейха. Итогом проделанной работы явилась публикация многостраничной книги «German Atrocities 1914: A History of Denial» [13]. Опираясь на недавно открытые архивные материалы авторы утверждают, что немецкая военная угроза для европейских соседей была надуманным фактором, приводившим к росту дестабилизации политического климата в регионе с целью подорвать экономическое развитие державы кайзера. Защищая выдвинутое положение, историки ссылаются на аналогичные события в сухопутных армиях и флотах других государств, в качестве примера приводятся Великобритания и Российская империя. Таким образом, по мысли Дж. Горна и А. Крамера морские противоречия Берлина и Лондона, а также последующая Великая война были всего лишь удобными случаями для переложения ответственности за необузданную колониальную политику на перспективное немецкое государство. Однако память о «тевтонских злодеяниях» как подчеркивают историки надолго определяла курс развития историографии Первой мировой войны [13, с. 22].

Широкий круг исследователей, в число которых вошли Н. Стоун, К. Кларк, М. Гастингс и Х. Стрэхэн направили свои усилия на препарирование широкого спектра вопросов связанных с проблематикой кампании 1914–1918 гг. но уже в глобальном масштабе. При этом, стараясь не обойти вниманием предтечи грандиозного военного противостояния.

В частности Н. Стоун в своей книге «First World War» подошел к рассуждению над причинами морской гонки вооружений с позиции необузданного колониализма вдохновленного не слишком прагматичной империалистической политикой. Конец XIX в. ознаменовался научно-техническим бумом ведущее место, в среде которого занимали страны так называемого «нового капитализма». Германская империя в полной мере являлась таким го-

сударством [15, с. 33]. Мощное военно-техническое развитие вкупе с экономической экспансией подталкивали немецкое руководство к более радикальным мерам утверждения своего положения на международной арене. Выразителем колониально-промышленного благоденствия, по мнению историка, был боееспособный флот построенный, прежде всего для нападения на сильнейшую державу того времени — Великобританию.

Более консервативная в ведении «дел» Британская империя естественно болезненно отреагировала на подобный судостроительный вызов мощным усилением своего Грант Флит, что вело, в конце концов, к трагическому результату. Однако хоть Н. Стоун подчеркивает о «вине всех перед всеми», но все-таки центральное место в определении решающего толчка Европы к необузданной гонке морских вооружений и катастрофе 1914 г., ученый закрепляет за «игрой мускулов» побуждаемой неконтролируемыми амбициями кайзера Вильгельма II [15, с. 35]. При этом он почему-то забывает, что «буревестником» открытой гонки морских вооружений стало создание англичанами нового типа боевого корабля «Dreadnought» в 1905 г., на что немцы, как известно, дали свой дредноутный ответ в виде флотских новелл 1906 и 1908 гг. [2; 4].

В «стоуновском» ключе идут рассуждения известного британского военного историка М. Гастингса. Работа автора под заглавием «Catastrophe 1914» аккумулировала многие наработки предыдущих лет и рассматривала влияние взаимосвязи военно-культурологических факторов на течение англо-германского флотского антагонизма и последующей Первой мировой войны. На основании проведенного исследования историк пришел к выводу, что симметричный патриотический подъем немецкой и британской наций вызванный наращиванием темпов судостроительных мощностей был обусловлен всего-навсего опасением перед возможными действиями противника. Такие питательные условия по версии М. Гастингса более чем способствовали развитию алармистских настроений на европейском континенте [10, с. 125]. С этим тезисом ученого нельзя не согласиться, поскольку действительно в период 1904–1911 гг. Германия и Великобритания жили в состоянии перманентного ожидания войны [5].

Монографии Х. Стрэхэна и К. Кларка по-своему отражали протекание морской гонки между рейхом и Туманным Альбионом. Так, Х. Стрэхэн в работе «The First World War: A New Illustrated History» настаивал на неумеренности империалистических воззрений ведущих держав, спровоцировавшей в конечном итоге разрушительное флотское соперничество имеющие далеко идущие последствия [16, с. 82].

Несомненно, стоит упоминания выдающаяся публикация исследователя профессора Кембриджского университета К. Кларка «The Sleepwalkers: How Europe went to War in 1914» опубликованная в 2012 г. и выдержавшая множество переизданий на многих языках мира. В своей работе ученый отошел от давно устоявшейся фишеровской концепции трактовки причин начала Великой войны,

хотя и признавая ее еще вполне жизнеспособной, и более детально старался развить положение о всеобщей ответственности. Отсюда выводится главнейший тезис книги К. Кларка — ключ к пониманию процессов военной кампании 1914–1918 гг. кроется в сложной паутине политических противоречий на пути к июлю 1914 г. [6, с. 15] В числе особенно ярких разногласий автор традиционно приводит проблему агломерации военных блоков и острое морское соперничество немцев и англичан. Анализируя противоречивую обстановку в конце XIX — начале XX вв. К. Кларк подчеркивает недопустимость выделения какой-либо одной виновницы раскручивания гонки морских вооружений. По мнению историка сама политическая обстановка того времени подталкивала антагонизирующие стороны к силовому разрешению конфликта флотских интересов [6, с. 44].

Однако, несмотря на довольно большой интерес проявляемый к изысканиям К. Кларка, а также оригинальную трактовку предтеч Первой мировой войны, в научном плане работа ученого представляет собой компиляцию идей предшествующих лет до сих пор не потерявших своей актуальности. Речь, прежде всего, идет о взглядах немецкого историка Ф. Фишера, смягченная версия которых продолжает доминировать в западной исторической науке. Что касается непосредственно «кларковской» концепции, то положения автора отличались самобытностью постановок вопросов и введением в исторический оборот архивных материалов таких стран как Германия, Австрия и Россия, что

не могло не сказаться на увеличении продуктивности тематики англо-германского флотского антагонизма.

Таким образом, работы англоязычных историков периода 2001–2012 гг. носили крайне дискуссионный характер, что в свою очередь позволило сформировать ряд новых направлений исследования военного маринизма. К их числу можно отнести изучение проблем международных отношений в период острого кризиса начала века и сопутствующих ему изменений оборонной стратегии Германской и Британской империй.

Отличительной особенностью указанных выше трудов было еще и то, что весомую долю по отношению к капитальным публикациям занимали и научные статьи в специализированных изданиях. Актуальность проблемных вопросов поставленных учеными явилась показателем «живучести» темы.

Впрочем, такая детальная разработка указанных вопросов не привела к снижению познавательного интереса к теме, что доказывает появление огромного числа так называемых «юбилейных работ», среди которых немало места уделено морскому соперничеству.

Тем не менее, несмотря на все достигнутые результаты представленный историками анализ ни в коем случае не ставил точку в проблемных рассуждениях посвященных вопросам военного маринизма, тем самым стимулируя активную публикацию новых работ, в том числе и отечественных [1–5; 14].

Литература:

1. Синегубов, С. Н. Англоязычная историография германо-британского морского соперничества начала XX века // XXIII Ершовские чтения: Межвуз. сб. науч. ст. Ч. II. Ишим: ИГПИ им. П. П. Ершова, 2013. с. 11–14.
2. Синегубов, С. Н. Германо-английские военно-морские противоречия и проблема разоружения в 1906–1907 гг. // Альманах современной науки и образования. 2008. № 6 (13). с. 191–198.
3. Синегубов, С. Н. Особенности западногерманской историографии военно-морской политики кайзеровской Германии в конце XIX–начале XX вв. // Вестник ИГПИ. История. 2013. № 2. с. 124–131.
4. Синегубов, С. Н. Подготовка к принятию флотской новеллы 1906 г. в Германии и германо-английские отношения // Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. номер 6. Альбионика. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. с. 262–273.
5. Синегубов, С. Н. Угроза германо-английской войны в июле–ноябре 1911 г.: Миф или реальность? // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Общ. и гум. науки. 2009. № 12 (90). с. 37–45).
6. Clark, C. The Sleepwalkers: How Europe went to War in 1914. — Kindle, 2012.
7. Fisher, F. Die Neutralität Englands als Ziel deutscher Politik 1908–1914. West Berlin, 1983.
8. Fisher, F. Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschlands. Düsseldorf, 1961.
9. Fisher, F. Krieg der Illusion. Die deutsche Politik von 1911–1914. Königstein, 1978.
10. Hastings, M. Catastrophe: Europe Goes To War 1914. — London: William Collins, 2014.
11. Hewitson, M. Germany and the Causes of the First World War. Oxford N. Y., 2004.
12. Hobson, R. Imperialism at Sea. Naval Strategic Thought, the Ideology of Sea Power and the Tirpitz-Plan. 1875–1914. Boston. 2002.
13. Horn, J., Kramer A. German Atrocities, 1914: A History of Denial. — Yale University Press., 2001.
14. Popov, A. Criticism of A. von Tirpitz and of His Developmental Strategy of Naval Forces of the German Empire in Papers of Spokesmen of the German Naval Serving Officers in the 1920s and the 1930s of the 20th Century // Young Scientist USA. Vol. 3. 2015. № 3 S. 131–137.
15. Stone, N. World War One. A short history. — New York: Basic Books, 2009. 16. Strachan H. The First World War: A New Illustrated History. — Simon & Schuster Press., 2003.

The role of sport and physical training in the state policy of Uzbekistan during the years of independence

Раджабов Озодбек Аминбаевич, студент

Ургенчский государственный университет имени Ал-Хорезми (Узбекистан)

Each nation's future life and development of the country depends on physical and moral condition of the youth. Nowadays, intergovernmental communication is developing day by day by the help of highly produced technologies and transportation. It reasons intergovernmental competitions, that can be: sport and education or intellectual activity.

On the other hand, improvement of the nation's intellectual-physical capacity and forming special conditions for these is becoming the key of development and flourishing of the country in the XXI century. We should realize it deeply. Our president Islam Abduganiyevich Karimov paid great attention to the role and improvement of educating healthy and mature generation and made it the main part of public policy from early days of independence. The important thing is that it is involved in not only physical training sport of youth but also whole nation's physical condition, it must be uninterrupted and integral. Islam Abduganiyevich Karimov suggests increasing the number of sport competitions and arrangements. Such competitions should be held in our country continuously. [1.p. 36]

Only 24 years passed since our country has become independent and during this short period many changes have happened in the field of science, education, economy, and also sport. Independence gave these fields great chance to develop. Many sport competitions are being held continuously and it reasons healthy lifestyle of youth and foundation of many new sport resources. It can be seen our president's such words: "Great country can be built only by healthy generation, strong nation."

In other words, upbringing and educating of healthy and intellectually developed children or youth means great future of the country. And it plays an important role on the freedom and peace of the country and it is the key of forming community of legal citizenship.

The years of independence shows that such kind of activities are widely spread over the country and gave many successful results. We know, without health person can't manage anything. So that in our country much attention is paid for the development of physical training and sport. By such activities not only sport increases but also they have an influence on upbringing of young generation morally healthy.

The other side of such attention to sport and physical training is that healthy and physically fit generation and at the same time they should be also well-educated and they should have their own opinion.

Because sport develops nation's pride and gives them an encouragement and moral power. And this pride unites nation around one idea. It is important that sport's development in our country prevents youth spending much time for non-

sense. Sport makes young generation do their best in sport competitions and it becomes main part of their life. We know nothing can make the country popular as sport all over the world quickly. By the different competitions and Olympic Games our young sportsmen achieved many gold, silver and bronze medals. All the people of the world get acquainted with our country and they know the country named Uzbekistan by such competitions.

If sportsman always takes part in competitions and Olympic games and always works hard on his own and at the result of it the body and spirit will be healthy. The biggest aim of the sportsmen becomes winning in the competitions and Olympic games and being winner. Other ideas can't interrupt him.

We can't imagine healthy generation without sport. After independence many laws and decrees are accepted: "National program of personnel preparation." This program includes all rules and opportunities for developing sport and physical training and the basis of upbringing and educating the youth. Only 5 months after independence, on the 14th of January, 1992 a new law on "Physical training and sport was adopted" [2.c 63]. There are 28 articles in this law. It is important that none of the countries had a law on sport. In 1993 decree on founding the fund of "Perspective generation" was accepted. Later, on 27th of May a law № 241 "Developing physical training and sport in Uzbekistan" was accepted. This law is investigated by the deputies of Oliy Majlis and then a new law on "physical training and sport" was approved on the second session of second convocation of Oliy majlis.

The president of the republic Islam Abduganiyevich Karimov realizes sport's actuality and pays attention its spreading among all the strata of the population of the country and says: "Nothing can make the country popular as sport over the world". The Uzbek always wish people health sincerely when they meet and say good bye.

Nowadays the youth know the value of their health and take care of it themselves and they take part in sport from the childhood and rely upon physical training and sport for keeping their body fit.

After independence regard for improving physical training and sport become the main part of state policy. First of all its legal basis is formed. As we know, nowadays the number of convocation, order and law on physical training and sport are over than 20.

— On the 21st of January, 1992 National Olympic Committee is founded and on the 27th of May Uzbekistan become formal representative of International Olympic Committee.

— On the 18th of March, 1993 Vazirlar Mahkamasi (the Cabinet) adopted decree on "Spreading football to mass".

— On the 4th of March, 1993 the president of Uzbekistan, Islam Abduganiyevich Karimov adopted orden “ Healthy generation”.

— On the 13th of March, 1996 Vazirlar Mahkamasi accepted decree on “ The ways of developing football in Uzbekistan”.

— In 1994 President’s cup was founded on tennis.

— On September, 1998 World competition on Kurash was held in Tashkent for the first time.

— In 1999 decree was announced on “ Developing Kurash in Uzbekistan” by the president of Uzbekistan. [3.p. 18]

— On the 1st of February, 1999 President’s order was accepted on “ Supporting international Kurash assosiation”

In 2000 the decree of the President of the republic of Uzbekistan on “Three staged” sport competitions.

— On the 24th of October the decree of the President of the republic of Uzbekistan on “ Founding the fund of developing children’s sport in Uzbekistan” and on the 31st of October, 2002 Vazirlar Mahkamasi adopted order № 347 on “ The fund of developing children’s sport”.

— On the 25th of December, 2002 the Ministry of higher and secondary special education accepted decree on “ Founding student’s sport fund ”

— In 2003 the Ministry of higher and special secondary education adopted order on “ Spreading students’ competitions to mass”.

— On the 27th of September, 2004 the president of the republic accepted and announced order on “ Founding the ministry of culture and sport”.

— On the 29th of August, 2004 the decree of the republic of Uzbekistan was adopted for fulfillment of the order № 348 PF by Vazirlar Mahkamasi on “ The measurements of improving the activity of the children’s fund” was adopted.

— On the 1st of May, 2006 the president adopted decree on “ Developing sport activities in Uzbekistan”.

Specialists over the world acknowledged that there are some sport competitions among the pupils and students but there is any basis of physical training and sport’s development for teenagers and the youth. And they emphasizes that the basis of attracting the youth to physical training is perfect and uninterrupted. It is interesting that already many specialists from the countries over the world have an interest on this system.

The information about “ Three staged” sport competitions announced in Almata, the republic of Qarakalpagistan, in the state of the USA Vetriniya Vech in the international conference. Much positive idea are spoken about these competitions.

We can see the role of such competitions’ system in the Universiade of students which is held in Namangan in 2000 and “Perspective generation” sport competitions that is held in Jizzah in 2001.

None of the countries of the world hold competitions among the students of higher and secondary special education system. So that when the president of National Olympic committee took the golden medal of “Perspective generation” sport competition, said: “ It is real Olympia”.

From the academic years in 2001—2002, the first stage of these system has begun with holding the competition “ Umid nihollari” among the pupils of the schools. The final stage of competition was began in April, 2002.

We can express our conclusion by the words of the president of our republic: “ By sport the worldview of the child change. The child who was playing wondering in the streets not to know what to do, can change his future and his opinion about his parents if he learns something or take part in sport competitions”. [4.p. 370]. And affection among the family members intensifies.

References:

1. Karimov I. A. «O`zbekistonning o`z istiqlool va taraqqiyot yo`li». T.: O`zbekiston, 1992.
2. Akramov A. K. “O`zbekistonda jismoniy madaniyat va sport tarixi” o`quv qo`llanma. T. O`zDJTI, 1997.
3. Abdumalikov R. A., Alibekov Sh., Norqulov Sh. «Xalq milliy o`yinlari mazmunida ma`naviyat masalalari». Toshkent, 1995.
4. Karimov I. A. «O`zbekiston XXI asrga intilmoqda». T., 1999.

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

К вопросу о влиянии Аральской трагедии на здоровье населения Узбекистана и ликвидации ее последствий

Джуманов Санжарбек Абдуразакович, ассистент

Самаркандский государственный университет имени Алишера Навои (Узбекистан)

В статье раскрываются экологические проблемы, возникшие в результате высыхания Аральского моря, и меры по предотвращению этой глобальной экологической трагедии, предпринятые руководством Узбекистана. Одним из главных путей решения проблемы стало расширение международного сотрудничества.

Ключевые слова: Международный фонд сохранения Арала, Нукусская декларация, Всемирный банк, интенсивные сады, поезд «Здоровья», экодвижение, ГЭС Рогун.

Аральское море считается редким даром природы. Оно появилось 2,5 млн. лет назад из-за слияния двух рек Сырдарьи и Амударьи, которые находятся в Центральной Азии. Древняя история таких народов, как узбеки, казахи, каракалпаки и туркмены непосредственно связана с Аральским морем. Побережье Аральского моря считается центром развития вышеперечисленных народов. В этом регионе с древних времен по мере развития орошительного земледелия население занималось хлопководством, а также получало высокие урожаи винограда, персиков, абрикосов и других фруктов и бахчевых культур. В целом судьба народов, проживавших на побережье Арала, была взаимосвязана с Амударьей и Сырдарьей. В конце XIX века, член Петербургской академии наук Н. И. Воейков [1, с 564] предложил осушить Аральское море из-за его предполагаемой бесполезности. Российская империя не успела осуществить это ошибочное предложение. Но советское правительство продолжило колониальную политику, и воплотило эту идею в жизнь. Из-за погони советского государства за увеличением орошаемых площадей, беспощадно эксплуатировались крупнейшие в регионе реки, такие как Амударья, Сырдарья, Зарафшан и Чирчик, что привело к Аральской трагедии. После 1960 года за последующие 20–30 лет Амударья и Сырдарья были загрязнены сбросом химических отходов, что ещё больше усугубило экологические проблемы Арала. Объем воды в Аральском море уменьшился на 60%, а высохшая часть составила 2 млн. гектаров. [2, с 587]

Аральская проблема не обсуждалась в свое время учеными и общественными деятелями, наоборот, она всячески скрывалась, долгое время держалась в тайне. Не обращалось внимание на мнение общественности и ученых. В 1986–1988 годах были приняты два постановления по

решению данной проблемы. Но в то время для этого не нашлось средств, так как СССР уже находился в тяжелом положении из-за общественно-экономических проблем. По этой причине данные постановления остались только на бумаге [1, с 569]. За это время уровень воды в Аральском море продолжал уменьшаться, и к 1990 году понизился на 14,5 метров, а объем воды достиг 54% от предыдущего показателя. На берегу, где вода отступила на 70–100 километров, из-за бурь в течение одного года поднялось в атмосферу 50–70 млн. тонн соли [3, с 53].

Из-за необдуманной и безконтрольной политики советского правительства, население оказалось в кризисной ситуации. По мнению президента И. А. Каримова: «Аральский кризис — одно из самых больших экологических и общественных бедствий, которое повлияло на 3,5 млн. населения, проживавшего на его берегу» [4, с 124]. Особенно серьезно аральское бедствие повлияло на здоровье живущего там населения. Оно привело к распространению таких болезней, как анемия, почечная и печеночная недостаточность, желудочно-кишечные заболевания, болезни дыхательных путей, сердечно-сосудистые и другие заболевания.

Аральская трагедия в особенности повлияла на здоровье матерей и детей. Из-за отрицательных изменений в природе, начиная с 1980 года, количество случаев заболеваний анемией увеличилось в 550 раз, число заболевших составило 1160 на 10000 человек. В то время этот показатель в России составлял только 2–3 случая. Количество случаев повышения артериального давления за последние двадцать лет увеличилось в 60 раз, показатели по мочекаменной болезни и заболеваниям печени увеличились в семь раз.

Каракалпакстан поднялся на первое место среди республик СССР по заболеванию раком желудка, ту-

беркулёзу, вирусному гепатиту, аллергии, брюшному тифу. Увеличилась смертность среди детей и женщин. Дети умирали из-за токсичности материнского молока. В 1984—1985 годах смертность на 1000 новорождённых до годовалого возраста в Узбекистане составила: в Каракалпакстане — 62, в Бухарской области — 42,9, в Сурхандарье — 55,2, в Самаркандской области — 50,3. Увеличение детской смертности и рост количества заболеваний говорили о том, что человеческий организм не смог противостоять ударам экологических изменений.

Имели место также осложнения течения беременности, что повлияло на генофонд местного населения. Необходимо было ликвидировать проблему в районах, считавшихся эпицентром катастрофы, в Казахстане (Кызылорда), в Туркменистане (Ташхавуз), в Узбекистане (Республика Каракалпакстан, Хорезмская, Навоийская и Бухарская области). По этому поводу, в начале 1990-х годов, страны, на территории которых произошла катастрофа, привлекли внимание мирового сообщества. В годы независимости Узбекистан стал инициатором организации межгосударственной комиссии по развитию и стабилизации водного хозяйства. В 1993 году руководителями 5 государств Центральной Азии был подписан договор о совместном устранении Аральской проблемы и совместной работе по экологическому оздоровлению и социально-экономическому развитию. В январе 1993 года Узбекистаном, Туркменистаном, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном был создан фонд по сохранению Аральского моря. Главными задачами этого фонда были сохранение биоразнообразия Аральского побережья, уменьшение воздействия экологической катастрофы на население побережья. За последние годы данный фонд разработал и воплотил в жизнь две программы по оказанию помощи и обеспечению экологической безопасности населения побережья Аральского моря. В этих целях было потрачено 2 млрд. долларов [6, с 2].

На заседании Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 1993 года президент Узбекистана поднял этот вопрос и привлек внимание мирового сообщества к проблеме Аральского моря. [7, с 2]. В целях усиления сотрудничества государств Центральной Азии по решению проблемы Аральского моря в 1995 году была подписана “Нукуская декларация”, в рамках которой была воплощена совместная программа.

Узбекистан является одним из основных государств, вложивших большой вклад в устранение последствий Аральской катастрофы. Особое внимание Узбекистан уделил сотрудничеству с ВССА (Всемирное Сообщество по Спасению Арала), проводил работу по его укреплению. К примеру, в 1997—1999 годах Узбекистан был председателем ВССА и предпринял меры по развитию правовой базы. В сентябре 2000 года президент Узбекистана И. Каримов выступил в ООН с предложением созвать совет по спасению Аральского моря.

В Узбекистане была разработана программа по оздоровлению побережья Аральского моря, рассчитанная на несколько лет. В программу были включены города Каракалпакстана, а также многие райцентры. В ходе реализации программы, они были обеспечены питьевой водой и природным газом. Кроме этого были вложены крупные средства в создание лесного хозяйства и саксаульных полей. 3 апреля 2004 года был издан указ «О создании благотворительного фонда по защите генофонда Приаралья». В нем были перечислены условия и назначены ответственные организации по охране окружающей среды Аральского побережья и по оздоровлению населения [8, с 16].

К этому времени, из-за увеличения потребности, возник дефицит пресной воды. Это, в свою очередь, привело к понижению объёма воды, вливаемой в Аральское море. Если до 2000 года сезон маловодья происходил каждые 6—8 лет, то в последние годы это повторялось каждые 3—4 года. Эта ситуация создавала большие неудобства для населения, живущего в бассейне Аральского моря. По этому поводу в республике были усилены работы по сбережению и эффективному использованию водных ресурсов. 6 мая 2003 года в Узбекистане, первыми среди стран СНГ, был принят закон о правильном использовании воды.

Кроме этого в республике было принято 11 постановлений по защите и оздоровлению 8 рек, протекающих через территорию Узбекистана (Кашкадарья, Сурхандарья, Чирчик, Зарафшан, Карадарья, Нарын, Амударья, Сырдарья) и подземных ресурсов пресной воды.

В стране было разработано несколько способов по сбережению воды и поэтапно проведены необходимые мероприятия. К примеру, каждый год очищаются 5 тыс. километров оросительных, 12 тыс. км коллекторно-дренажных систем, было очищено 5 тыс. км арычных узлов, свыше 200 км каналов, 30 км лотков, 500 км коллекторных узлов, реконструировано свыше 400 гидротехнических сооружений, а также много других объектов [9].

Вместе с этим диверсификация производства сельского хозяйства также привела к экономии водных ресурсов. В годы независимости был сокращен посев хлопчатника, риса и других растений, которые требовали много воды. Вместо них поля были засеяны зерновыми культурами, овощами, бахчевыми культурами, расширены виноградные поля и фруктовые сады. К примеру, хлопковые поля были сокращены на 50%, а рисовые поля на 75% по сравнению с 80-ми годами [9].

В результате проведенных мероприятий, была уменьшена техническая потеря, осуществлена фильтрация, а также достигнута своевременная и качественная доставка воды населению.

Применяются новые технологии, среди них важное место заняло капельное орошение. Этот способ давал возможность экономить воду на 20—60%. Для развития

и распространения этой системы в стране были приняты меры для производства нужного оборудования. В результате, в республике стало доступно 95 % нужного оборудования.

За последние годы, в Узбекистане были предприняты комплексные меры по облегчению последствий бурь, что рассматривалось как задача государственной важности. В частности, были приняты законы по защите окружающей среды, а действующие законы усовершенствованы. Узбекистан присоединился к международной конвенции по защите трансграничных водных потоков и защите международных озёр.

Были осуществлены обширные работы по социально-экономическому развитию регионов, входящих в Аральский бассейн — Республики Каракалпакстан и Хорезмской области. Особенно большое внимание уделялось развитию лесного хозяйства. В частности, в высохших частях Аральского моря, для задержания солевых бурь были сооружены «зелёные щиты». Каждый год на территории 10—15 тыс. гектар сеются и сажаются такие растения, как саксаул, черкез, кандым [10, с. 4].

Для решения этих проблем были предприняты меры по расширению международного сотрудничества. Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов в своем докладе в августе 2007 года в Бишкеке четко изложил вышеуказанную точку зрения Узбекистана по использованию трансграничных водных потоков в регионе. Кроме этого, 12 марта 2008 года была организована международная конференция на тему «Проблемы Арала, их влияние на генофонд населения, растительный и животный мир и меры международного сотрудничества для смягчения их последствий». О его значении говорит участие в работе конференции специалистов из Германии, Греции, Израиля, Индии, Китая, Нидерландов, России, Японии, государств Центральной Азии и других государств, а также международных и региональных организаций. Программа, разработанная на данной конференции, составила основу третьей программы на 2011—2015 годы, которая предусматривала план действий по оказанию помощи странам, находящимся на побережье Аральского моря [7, с. 2]. В осуществлении этого плана было предусмотрено участие Всемирного банка.

В 2008 году были продолжены работы по развитию Республики Каракалпакстан и Хорезма. В регионе Аральского моря были поэтапно разработаны и внедрены программы по улучшению экологического состояния, по предотвращению эрозии почвы, оздоровлению населения, развитию фермерства, малого бизнеса и частного предпринимательства, поднятию уровня сельского хозяйства, и получения при этом дополнительного дохода. Здесь были построены десятки объектов здравоохранения и учебные заведения.

В высохшей части Арала были посажены растения на тех землях, которые в меньшей степени подверглись воздействию засухи и засоления. Были созданы условия для использования ранее не использованных земель в каче-

стве пастбищ. В районе дельты Амударьи были сооружены водяные бассейны площадью 150 тыс. гектаров. Всё это послужило экономическому развитию, увеличению занятости населения, помогло развить биоразнообразие, а также улучшить климат.

К 2000 году многие международные организации, в частности, агентства, входящие в состав ООН, финансовые организации (Всемирный Банк, Азиатский банк развития) и другие, помогли сбалансировать ситуацию в Аральском бассейне с помощью Глобального экологического фонда, Нукусским филиалом были разработаны 22 программы и некоторые из них были осуществлены [11, с. 2].

Начиная с 2010 года, была удачно осуществлена программа под названием «Укрепление защиты по сохранению лесного хозяйства на амударьинском побережье в Каракалпакстанской республике». Особенно важными были работы по развитию земледелия на 47398 гектаров земли [10, с. 4]. Это доказало, что «зеленые щиты» являются эффективной системой против образования пустыни.

В 2011 году был создан государственный биосферный резерват части Амударьи. В дельте Амударьи были построены локальные бассейны, 5 водовыкачивающих сооружений, 45-километровая дамба. На основе инженерных работ был построен бассейн с площадью 70 тыс. гектаров. В годы независимости для защиты генофонда побережья Амударьи были созданы общественно-благотворительный фонд, комитет по ирригации и дренажу при министерстве сельского и водного хозяйства, а также фонд при министерстве финансов по улучшению орошаемых земель. С их стороны были разработано большое количество программ. В итоге за последние годы эффективность разработанных программ возросла.

Постановление президента Республики Узбекистан от 19 апреля 2013 года «О мерах по дальнейшему улучшению мелиоративного состояния орошаемых земель и рациональному использованию водных ресурсов на период 2013—2017 годы» предполагает бережное использование водных ресурсов, развитие на площади 25 тыс. гектаров капельного орошения, на площади в 45,6 тыс. гектаров осуществить орошение плёночным методом, а на 34 тыс. гектаров проложить переносные трубы для орошения. Для осуществления данной программы, 21 июня 2013 года был принят указ «О мерах по эффективной организации внедрения и финансирования системы капельного орошения и других водосберегающих технологии полива».

На основе изменений в статье 367 налогового кодекса Республики Узбекистан, юридические лица, использующие капельное орошение на своём земельном участке, освобождаются от земельного налога на 5 лет с момента использования. Со стороны Совета Министров Республики Каракалпакстан была разработана программа на 2015 год по сбережению воды методом

капельного орошения с использованием транспортируемых гибких труб.

В последние годы были проведены работы по размножению плодородных деревьев, устойчивых к засухе и болезням. В результате в Республике начались работы по созданию интенсивных садов. По инициативе глав республики, из Украины и Польши были привезены саженцы карликовых яблок, груш, слив, черешни и персика, которые в основном они были посажены в фермерских хозяйствах Ташкента и Самарканда.

Саженцы быстро приспособились к климату и почве республики и за короткий срок, начиная с 2011 года, с каждого гектара садов было получено 50–70 центнеров урожая [12, с 2].

Программа по созданию интенсивных садов расширялась из года в год. К примеру, если в 2014 году площадь садов по республике составляла 8 тыс. гектаров, то из них 5,6 тыс. гектаров составляли интенсивные сады. Кроме этого, были реконструированы 4,1 тыс. гектаров непригодных садов и 6,1 тыс. гектаров виноградников. Это, вместе с другими факторами, повлияло на стабилизацию объёма воды в Аральском море. В общем, с 2004 год по 2014 годы, на программы по решению проблем побережья Аральского моря Узбекистан выделил свыше 1,2 млрд. долларов США [6, с 2].

Были проведены вышеуказанные работы по бережному использованию воды и управлению водными ресурсами. В результате этого, за годы независимости, несмотря на то, что население увеличилось с 20 до 30 млн. человек, производимый объём воды по сравнению с 80-ми годами, снизился с 64 млрд. м³ до 51 млрд. м³. Потребление воды на душу населения снизилось с 3 тыс. м³ до 1,7 тыс. м³. Это, в свою очередь, способствовало увлечению потоков на побережье Амударьи [6, с 2].

За последние годы большое внимание было уделено обеспечению населения чистой питьевой водой. Из-за техногенных факторов 35–38% известных ранее источников оказались негодны для питья. Республика Каракалпакстан, Хорезм и Бухарская область почти лишены своих источников питьевой воды [13, с 2].

Поэтому в эти регионы, для снабжения населения чистой питьевой водой, был проведен трубопровод из Самаркандской и Кашкадарьинской областей. За эти годы в зонах катастрофы Арала было возведена лесное хозяйство площадью 740 тыс. гектаров а на высохшем дне на 310 тыс. гектаров. Кроме этого были проведены работы по оздоровлению населения и акции со стороны Международного благотворительного фонда «Соғлом авлод учун» (За здоровое поколение). Этот благотворительный фонд был организован 23 апреля 1993 года, его специалистами была разработана медицинская программа. Данный фонд, в основном при помощи поездов «Саломатлик» (Здоровье), оказывал первую медицинскую помощь в зонах экологического риска, в таких регионах, как Республика Каракалпакстан, Хорезм, Бухара и Навои. Совместно с государственным акционерным обществом

«Ўзбекистон темир йўллари» (Железные дороги Узбекистана) в Республику Каракалпакстан, Сурхандарью, Навои, Кашкадарью, Хорезм и Бухару были отправлены 19 поездов «Саломатлик».

С 2000 по 2013 годы жителям этих регионов была оказана гуманитарная помощь на сумму 4,681 млн. долларов США и 562 млн. сумов [14].

Дополнительно к этому, с 1997 по 2012 годы были возведены современные амбулаторные поликлиники, построены и реконструированы медицинские учреждения, рассчитанные на 5,8 тыс. мест, 840 сельских врачебных пунктов начали свою деятельность. В результате предпринятых мер, число смертности матерей в Республике Каракалпакстан уменьшилось в 2,4 раза, а детей с врожденными дефектами стало меньше в 3,1 раз в сравнении с 1997 годом [7, с 2].

В этих действиях участвовало и экологическое движение Узбекистана. Впервые в мировой практике в парламенте страны было выделено 15 квот для депутатов экологического движения. Также был принят закон «Об экологическом контроле». С помощью вышеуказанных программ уменьшены многие экологические проблемы.

Но, несмотря на это, за последние 50 лет общий объём вливания вод Амударьи и Сырдарьи в Арал уменьшился почти в 5 раз, уровень воды в Арале сократился в 14 раз, а его засоление увеличилось в 25 раз [15, с 1].

За 1960–2010 годы, из-за отбора воды из рек Амударьи и Сырдарьи, водное пространство Аральского моря сократилось в 8 раз. Средняя глубина воды снизилась с 54,3 до 29 метров [6, с 2]. Этот процесс нанес непоправимый урон флоре и фауне Аральского побережья. В результате резко сократилось число диких животных. В частности, были уничтожены 12 видов млекопитающих, 26 видов птиц, 11 видов растений находятся под угрозой полного уничтожения [15, с 1]. Половина генфонда биологического разнообразия была уничтожена. Также к проблеме высыхания Арала добавилась еще одна проблема, связанная со строительством Рогунской ГЭС в соседнем Таджикистане. Данный проект угрожает экологической, социальной и экономической стабильности стран Центральной Азии. Строительство ГЭС означает уменьшение водотока реки Вахш на 14 куб километров на 8–10 лет. Это приведет к катастрофе в районах, и без того нуждающихся в питьевой воде. Несмотря на предупреждения всемирно известных экспертов-экологов, правительство Таджикистана продолжает осуществлять этот проект.

Из-за строительства ГЭС, природный режим стока воды будет полностью нарушен, резко понизится уровень воды в период вегетации, летом уровень воды резко уменьшится, что приведет к засухе. Зимой это приведет к катастрофическим наводнениям.

Потеря воды в руслах Амударьи из-за гидрологического нарушения достигла 15%.

С 2013 года председательство международного фонда по спасению Арала передано Узбекистану. Со стороны

Узбекистана были разработаны планы мероприятий по устранению причин засыхания Арала и по предотвращению катастрофы в Аральской экосистеме, рассчитанные на 2013–2016 годы.

С нынешнего года при помощи ООН и Евросоюза, а также ведущих мировых организаций и институтов экономики, внедряется свыше 300 проектов, началось осуществление 3 программ по оказанию помощи регионам Аральского побережья. По этому поводу продолжены программы по расширению международного сотрудничества. 28–29 октября 2014 года, по инициативе Президента Республики Узбекистан И. А. Каримова, была проведена Международная конференция на тему «Развитие сотрудничества в регионе Аральского моря по смягчению последствий экологической катастрофы». Целью этой конференции является улучшение ситуации и усиление международного сотрудничества для предотвращения экологической катастрофы. В этой конференции участвовали делегаты, ученые и эксперты из ООН, ШОС, Регионального центра по превентивной дипломатии для Центральной Азии, Международного центра по оцениванию подземных водных ресурсов, Азиатского банка развития, Исламского банка развития, Всемирного Банка, Организации экономического сотрудничества и развития, ОПЕК. Проведенная в столице Бельгии международная конференция на тему: «Экологическая проблема Аральского моря. Можем ли мы спасти высыхающее море?» способствовала поиску решения вышеуказанных проблем [16, с 3].

В заключение можно отметить, что проблема Аральского моря была создана искусственно, во время господства тоталитарного строя, и превратилась в глобальную проблему которую трудно решить в рамках одного государства. В целях предотвращения нежелательных последствий, для улучшения здоровья и образа жизни, а также смягчения негативных угроз, правительства Узбекистана

приложило немало усилий. В результате этого улучшился образ жизни в таких регионах как Республика Каракалпакстан, Хорезм, Бухара, Навоийская область. Но, учитывая глобальность этой проблемы, к уже существующим программам нужно разработать дополнительные программы.

Как подчеркивал в ходе работы международной конференции «Развитие сотрудничества в регионе Аральского моря смягчению последствий экологической катастрофы» президент Республики Узбекистан И. А. Каримов: «В то же время мы должны открыто признать, что, несмотря на реализуемые проекты и программы, требуется сделать значительно больше. Страны региона не располагают достаточными собственными средствами и материально-техническими возможностями для преодоления экологических, социально-экономических и гуманитарных последствий Аральской катастрофы, их воздействия на окружающую среду и жизнедеятельность проживающих здесь людей. В этой связи представляется очевидным, что без существенной помощи Организации Объединенных Наций, других международных организаций и государств партнеров по развитию решить эту, по сути дела, общепланетарную проблему невозможно» [15, с 1].

Кроме этого следует добавить, что осуществление проекта строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане может негативно повлиять на решение проблемы Аральского моря. Исходя из всего этого, мы можем сказать, что для решения Аральской проблемы нужно разработать комплексные программы, где было бы предусмотрено участие международных организаций, ООН, Всемирного Банка, Азиатского Банка развития, Исламского Банка развития. Это не только укрепит экономические отношения, но и послужит фактором оздоровления населения, повышению его благосостояния и решению ряда социально-экономических проблем.

Литература:

1. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида., Тошкент «Шарқ» 2000.
2. Жўраев Н, Каримов Ш. Ўзбекистон тарихи. Тошкент «Шарқ» 2011.
3. Шаммов, А. И. Экология: тревога нарастает. Л. Лениздат, 1989.
4. Каримов, И. А. Ўзбекистон XXI аср бўсағасида: хавфсизликка таҳдид, барқарорлик шартлари ва тараққиёт кафолатлари. — Т., 1997.
5. Каримовнинг, И. А. «Ўзбекистон мустақилликка эришиш оstonасида» китобини ўрганиш бўйича ўқув — услубий қўлланма, Тошкент — 2012.
6. Махсумов, С., Рахимов О. Мусаффо табиат, аҳоли саломатлиги ва фаровонлиги — пировард мақсад. Халқ сўзи, 2014 й, 30 октябр, № 210.
7. Маметова, М. Сазй-харакатларни мувофиқлаштириш йўлида., Ўзбекистон овози. 2014 йил., 30-октябр, № 128.
8. Файзиев, С. Орол денгизи экологик муаммолари. // Экология хабарномаси., 2010 йил № 12.
9. Сувдан фойдаланишда тежамкор технологияларни жорий этиш бўйича амалга ошириладиган ишлар тўғрисида. // www.agro.uz
10. Ибрагимов, А. «Яшил қалқон» саҳроланишдан ҳимоя. // Халқ сўзи., 2010 й 5-ноябр.
11. Иванова, А., // Орол муаммоларини бартараф этиш йўлидаги халқаро ҳамкорлик., Халқ сўзи., 2008 йил 13 март., № 51.
12. Маҳмудов, О. Интенсив боғлар. // Ўзбекистон овози., 2013 йил 5-март.

13. Ҳалимова, О. Сув танқислиги долзарб муаммо. // Истеъмолчи., 2009 йил 3-апрел, № 13.
14. Толипов, Ф. Беғараз кўмакка ҳамиша шай. // Sog'lom avlod, 2013 йил 6 март., № 9.
15. Доклад Президента Республики Узбекистан И. А. Каримов на международной конференции на тему «Развитие сотрудничества в регионе Аральского моря смягчению последствий экологической катастрофы» газета «Народное слово» 2014 й 30 октябр. № 132.
16. Толипов, Н. Орол денгизи фожеаси-давр муаммоси. // O'zbekistonda sog'liqni saqlash / Здоровоохранение Узбекистана., 2014 йил 24-октябрь., № 42.

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Эсхатология у старообрядцев-поповцев в первой половине XVIII в.

Авдеева Наталья Васильевна, студент

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Статья посвящена особенностям учения о конце света у старообрядцев-поповцев в первой половине XVIII в. Проанализированы также отличия двух направлений старообрядчества (поповства и беспоповства), возможность их временной консолидации в экстраординарных обстоятельствах (бунте в городе Тара).

Ключевые слова: старообрядцы, поповцы, эсхатология, Тарский бунт

В 1654 г. началась реформа патриарха Никона по изменению обрядов. Можно согласиться с А.Б. Успенским, что конфликт между старыми и новыми обрядами есть конфликт семиотический. У новообрядцев появилась тенденция к конвенциональной (договорной) концепции языка, которая подразумевает взгляд на язык как рациональный объект, открытый для критики, при этом четко разделяются смысл и форма, которая может быть разной. В таком отношении к религиозным текстам видно влияние западной традиции (многие исполнители реформы были из Юго-Западной Руси и попадали под влияние польской культуры) [10, с. 336]. Но это касалось лишь части сторонников реформы. Для многих «никониан» (в том числе и самого патриарха) подобный способ взаимодействовать с языком остался не по силам и никакой «прогрессивностью» по сравнению со сторонниками старой системы они не отличались, действовали необдуманно и агрессивно. Были введены троеперстие, единогласие, отменялись земные поклоны при чтении молитвы Ефрема Сирина, литургию служили при пяти, а не семи просфорах, изменялись богослужебные тексты.

Одним из результатов церковных реформ патриарха стал раскол: некоторые верующие не приняли изменений в церковных обрядах и книгах. Более того, они решили, что реформы стали отступлением от истинного православия и в мире воцарился Антихрист. С ним (или его слугами) могли отождествлять как патриарха Никона, так и царя Алексея Михайловича. Одной из характерных черт старообрядчества стал повышенный интерес к эсхатологическим вопросам, то есть учению о конце света. В конце XVII в. старообрядчество разделилось на поповцев, признававших священство и беспоповцев, которые утверждали, что в «последние времена» истинного священства не может быть. В «Керженских ответах»

(1719) о духовенстве утверждалось, что оно будет «во веки», а не до конца времён [2, с. 36]. В «Послании В.В. к Б.И.» (1731/1732 г.) автор доказывал, что «Церковь, священство и церковные таинства пребудут до конца света, вплоть до второго пришествия. <...> Углубляться далее в эту тему В.В. не стал — у беспоповцев здесь был давно готов контраргумент: ведь беглопоповская церковь, не имеющая епископата, в силу одного этого не канонична» [2, с. 36].

В отличие от старообрядцев-беспоповцев, для которых характерно отрицание священства в «последние времена», эсхатологические представления у поповцев представлены слабее. Как отмечал Г. Флоровский, «магистраль раскола только в беспоповстве» [11, с. 57]. Тем не менее, при меньшей радикальности «большой эсхатологии», (собственно учение о конце света как таковом) «малая эсхатология» (представления о смерти и загробной жизни отдельного человека) у поповцев, конечно, присутствовала, как неотъемлемая составляющая христианства. При исключительных обстоятельствах эсхатологический настрой мог усиливаться и привести к радикализму.

Важным центром поповцев был Керженец в Поволжье. Первый раз его разгромили в 1694 г., но потом поселения появились снова. На время давление власти ослабилось благодаря партизанской войне этих старообрядцев против шведов [5, с. 156].

Отношения поповцев с беспоповцами были напряженными. Их осуждали, в «увещательном» послании 1703 г. называли еретиками, сравнивали с Лютером, «антихристовым слугой и предтечей» [8, с. 126]. Самому Антихристу ещё предстояло явиться «в чувственном образе» и властвовать три с половиной года [8, с. 181]. Впрочем, у поповцев встречались и другие мнения, «которые при-

личнее были бы в устах беспоповца» [8, с. 185]. Среди керженцев происходили ожесточенные споры (в том числе и из-за знаменитого протопопа Аввакума, одного из первых старообрядческих лидеров), возникли такие толки как онуфриевцы (защищали наследие Аввакума), софонтиевцы (признавали многое у Аввакума еретическим), дяконовцы (из-за споров о кресте).

Также влиятельными среди поповцев были старообрядцы, проживавшие на острове Ветка (владения панов Халецких). Особенности ветковцев являлись использование собственного мира, перекрещивание, неодобрение гарей (самосожжений), совместные трапезы с иноверцами, также ветковцы не отвергали нестарообрядческие иконы [1]. В 1714 г. было написано послание к беспоповцам (федосеевцам), схожее с Керженским посланием 1703 г., но здесь беспоповщина не просто сравнивалась с лютеранством, но и признавалась знаком на ступления последних времён [8, с. 130]. В 1720 г. здесь поселились дяконовцы [8, с. 49], а в 1735 г. на Ветку обрушился отряд полковника Я.Р. Сытина, старообрядцам снова пришлось бежать. Окончательно они ушли оттуда после выгонки 1764 г. и стали селиться на Нижней Волге (Иргиз), Москве (Рогожское кладбище). Также поповским центром было Стародубье.

Одним из важных отличий от беспоповства, кроме признания священства, пусть и «последние времена», был вопрос о молении за царя. Изначально беспоповцы были против моления (хотя потом стали делать уступки властям, что вызвало размежевание), а поповщина уже в самом начале XVIII в., по словам епископа Питирима, «поминает — точию благородным, а благочестивым и благоверным не именуют» [8, с. 345]. Это подтверждает, что поповщина менее радикальна.

Важными для характеристики так называемой «малой эсхатологии» являются «видения» о загробной жизни. Они были распространены не только у староверов. Как отмечает А.В. Пигин у видений XVIII — XX вв. были те же основные черты, что и в Средние века (общие жанровые особенности, эсхатологичность), но появилось и новое: беллетризация, натурализм [6, с. 552]. Но ещё более важным показателем представлений об индивидуальной эсхатологии можно назвать рассказы, посвященные «обмираниям» («временной смерти»). Рассказы про «обмирания» очень разнообразны. Они, как и «видения» встречались не только у старообрядцев. Такие тексты часто использовались в полемических целях, в том числе для осуждения толков и вероисповеданий, враждебных рассказчику [6, с. 553]. Главным героем был сомневающийся человек, грешник, тяжелобольной. Так, в рассказе, направленном против беспоповцев некая Маргарита «видит в моленной старообрядцев-беспоповцев без голов: они лишают себя «главы самого Христа, Тела и Крови Христовой не приемлют» и тем самым обрекают себя на вечную смерть. В «полуденной стране» на «весьма хорошем» поле с цветами, которое погружено во мрак и туман, Маргарита узнает своего дядюшку, тоже

беспоповца: «... стоит дядюшка на восток лицом, в руках лестовки и молится Богу, а одежда на нем гнусная, яко бы смольная» [6, с. 555].

Хотя поповцы были умеренным течением, но в определенных обстоятельствах они могли проявлять себя более решительно. Речь идёт о Тарском бунте 1722 г. Он произошёл в западносибирском городе Таре. В восстании участвовали и поповцы, и беспоповцы. Из поповцев важной фигурой был старец Сергей, основанная им Сергиевская пустынь, по мнению Н.Н. Покровского, сыграла самую важную роль в восстании [7, с. 130]. Сергей отказывался платить подушный оклад, не исключал самосожжения, «одновременно он предлагал устроить в Тобольске публичный диспут по всем острым вопросам с губернатором и митрополитом и даже надеялся как-то договориться с властями. Но уже через несколько месяцев общий подъем крестьянского недовольства сделал Сергия гораздо более решительным. Он стал одним из главных организаторов бунта» [7, с. 131].

Поводом к бунту послужил указ от 5 февраля (император мог назначить любого наследника на престол), по которому подданные должны были присягать неизвестному наследнику. Некоторые поняли это как присягу Антихристу. Кроме того, до начала бунта крестьяне во главе с Яковым Солнышковым (селение Межевая Утка) пустили слух об антихристовом происхождении всего царского рода, начиная с Алексея Михайловича, осуждали женитьбу Петра на Екатерине (своей крестной внучке), а его родного внука считали самым лютым, последним Антихристом. Крестьян арестовали и они умерли под пытками [7, с. 132]. В ноябре 1722 г. Сергей хотел сжечь скит, но карательный отряд ему помешал.

Важными сочинениями для восставших были Апокалипсис, Пятая челобитная, написанная монахами бунтовавшего в 1668—1676 гг. Соловецкого монастыря, а также «Кириллова книга», «Книга о вере». Эти книги украинско-белорусского происхождения. В целом роль сочинений, связанных с Киевской митрополией была двойной: с одной стороны, их опасались из-за явного западного влияния, а с другой — её наследие активно осваивалось, в том числе и старообрядцами. В «Кирилловой книге» есть целая глава о будущем пришествии Антихриста и знамениях этого пришествия (Антихристу поклонятся многие цари, он присвоит себе должность главы церкви; он будет мучить православных христиан; будут войны, моры, «умножатся беззакония») [9, с. 88—158]. В «Книге о вере» также немало места уделяется эсхатологии: Папа Римский объявлялся предтечей Антихриста; обильно цитировался Апокалипсис Иоанна Богослова, сочинения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина. Присутствовало обычное для сочинений подобного рода стремление призвать читателя задуматься о своих грехах и покаянии [3, 544—576]. Для обеих книг характерно нагнетание в тексте эсхатологического настроения и многократные утверждения о превосходстве и святости Руси и православия.

Для Тарского бунта характерно сглаживание противоречий между разными теориями об Антихристе (теория злого духа, конкретного человека, «расчлененного Антихриста» — ряда русских царей начиная с Алексея Михайловича или «мысленный Антихриста»). Представители обоих направлений старообрядчества сделали вывод об необходимости сопротивляться власти Антихриста.

Можно полагать, что такая необычная для поповства активность и взаимодействие с другим старообрядческим

толком, отсутствие прений (видимо) о различных вероучительных вопросах объясняется исключительностью ситуации. Установленный Петром порядок престолонаследия был весьма необычен, особенно для традиционного, сознания, для которого, как отмечал Б. А. Успенский, «различаются цари по Божьему промыслу и цари по собственной воле, причем только первые признаются «царями»; иначе говоря, различаются безусловный и условный (конвенциональный) смыслы слова царь» [10, с. 146].

Литература:

1. Воронцова, А. В. О полемике «ветковцев» с дьяконовцами: малоизученные ранние полемические сочинения представителей «ветковского» согласия. // Книжница Самарского староверия [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/146-1-0-1416>
2. Керженские ответы. Приложение к журналу «Старообрядец», Нижний Новгород, 1906.
3. Книга о вере. М., 1648.
4. Никольский, Н. М. История русской церкви. М., 1985.
5. Пигин, А. В. Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII — XX вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1997. Т. 50.
6. Покровский, Н. Н. Путешествие за редкими книгами. СПб., 2005.
7. Смирнов, П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909.
8. Стефан Зизаний. Кириллова книга. М., 1784.
9. Успенский, Б. А. Избранные труды, том I. Семиотика истории, семиотика культуры. М., 1994.
10. Флоровский, Г. Пути русского богословия. Париж, 1983.

Культурное влияние Запада на мировосприятие советской молодежи в период десятилетия Хрущева

Бокова Яна Михайловна, магистрант;
Запорожцева Ольга Алексеевна, магистрант
Северо-Кавказский федеральный университет

В статье рассмотрен процесс культурного воздействия Запада на мировоззрение и мировосприятие молодого поколения Советского Союза в период хрущевской «оттепели». Авторы пришли к выводу, что более тесное знакомство с западной культурой, моралью и образом жизни не только обогатило, но и раскрепостило внутренний мир советской молодежи.

Ключевые слова: культурный диалог, Советский Союз, Европа, Запад, Америка, хрущевское десятилетие, «оттепель», молодое поколение, шестидесятники, молодежная среда, стилиги, «вестернизированная молодежь», западная культура, джаз, Всемирный фестиваль молодежи и студентов, иностранцы, Хемингуэй.

Победа, одержанная Советским Союзом в Великой Отечественной войне, на первых порах способствовала сохранению определенной открытости в отношении иностранных государств. Культурный диалог даже после объявления «холодной войны» не прекратился полностью и нашел воплощение в материальных и духовных объектах западной цивилизации, появившихся в СССР. Повседневную жизнь советского общества наполнили трофейные предметы: одежда, бытовая техника, автомобили. Они значительно превосходили по качеству отечественные аналоги. Рассказы советских воинов, побывавших в Европе,

о благоустроенной и красивой жизни в капиталистических странах вызвали небывалый интерес ко всему западному. В массовом сознании, несмотря на «страшилки» официальной пропаганды о загнивающем капитализме, о нищете и безработице масс, начал вырабатываться новый образ Запада — недостижимого маятника, к которому нужно было стремиться. Подобные умонастроения чаще всего рождались в молодежной среде. Военные трофеи, в первую очередь трофейные киноленты, посеяли в умах «детей войны» убеждение, что все новое, интересное, прогрессивное и авангардное связано с Западом, прежде всего с Америкой.

В конце 1940-х гг. в Советском Союзе началась целенаправленная борьба с «тлетворным» влиянием капиталистической идеологии. Это позволило на некоторое время приостановить культурное влияние «враждебных» государств. С установлением «железного занавеса» про-никновение «чужеродной» морали свелось к минимуму.

После смерти И.В. Сталина новое руководство решилось на некоторое обновление режима. К середине 1950-х гг. заговорили о возможности мирного сосуществования с капиталистическими державами. И хотя в стране по-прежнему велась антизападная, в первую очередь антиамериканская пропаганда, клеймился буржуазный образ жизни, сохранялось идеологическое противостояние двух систем, именно в годы нахождения у власти Н.С. Хрущева были налажены более тесные контакты с другими государствами. Советское общество стало более открытым. Это демонстрировал и первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич, который охотно посещал зарубежные страны, вел переговоры о сотрудничестве с западными политиками. Советские граждане получили уникальную возможность побывать за рубежом. Но и первая социалистическая держава привлекала иностранцев, которые жаждали познакомиться с ее культурой и традициями.

В Советский Союз начали проникать западная мода, музыка, литература и искусство. Все это охотно принялась изучать молодежь, будучи наиболее восприимчивой и увлекающейся группой населения. Вообще о советском юношестве периода «оттепели» следует сказать отдельно, ибо именно в этой среде происходили глубокие мировоззренческие сдвиги. Разоблачение преступлений Сталина, массовое освобождение заключенных, новые веяния в общественно-политической атмосфере, развитие культурных связей с другими государствами, увеличение потока информации (новые книги, журналы, телепередачи, радио и кино и др.) расширили горизонты мировидения молодежи. Новое поколение, именуемое «шестидесятниками» или «детьми XX съезда», значительно отличалось от отцов-победителей. Стремление к самостоятельности, независимый взгляд на жизнь, некоторая критичность оценок, желание разобраться во многих проблемах советского прошлого и настоящего, открытость, толерантность, интерес к «иной» культуре, прежде всего к западным стандартам и образу жизни — вот далеко не полный перечень отличительных черт нового поколения. В молодежной среде, в первую очередь среди студенчества — наиболее образованной ее части, «витали» идеи о самоценности и уникальности каждого человека. Советские юноши и девушки не хотели быть безропотными «винтиками» большого социалистического механизма. Они искали ту нишу, в которой смогли бы проявить самостоятельность и инициативность, реализовать свои творческие, интеллектуальные и физические силы. Партия, напротив, стремилась искоренить индивидуалистические «замашки» молодых. Идеино-воспитательные мероприятия, идеология и пропаганда направлены были на искоренение независимого взгляда и смелых суждений. Не случайно советские руководители бдительно сле-

дили за умонастроениями молодого поколения. С «вольно-мыслящими» боролись все: низовые партийные структуры, комсомол и органы госбезопасности.

Первыми инакомыслящими в быту стали стилиаги. Впервые этот термин был употреблен журналистом Д. Беляевым в сатирическом журнале «Крокодил» [1, с. 10]. Так стали называть молодежь, которая своим внешним видом стремилась походить на иностранцев. «Стильные» молодые люди бросили вызов пуританскому советскому обществу, где серость и однообразие стали характерными атрибутами повседневности. Стилиаги представляли своеобразную культурную оппозицию, некую фронду, ибо своей приверженностью западной моде и эпатажным поведением они демонстрировали отказ от подчинения официальной идеологии, благодаря которой держался режим. Принципам коллективности, строгого подчинения и единообразия «вестернизированная» молодежь противопоставила индивидуализм, автономию и плюрализм. Уже одним своим стремлением выделиться из общей массы людей, быть «другими» стилиаги нанесли первые удары по монолитному обществу. Согласимся с утверждением авторов статьи «Стилиаги. Эпатажное течение в молодежной среде 1940—1960-х гг.», что социальная база стилиаг — студенчество, так как рост образованности в этой среде способствовал более быстрому освобождению от примитивных стереотипов и идеологических лозунгов, заставил усомниться в прежних утопиях [2].

Стилиаги создали свой стиль одежды, манеру поведения, формы досуга, сленг. В сознании советских граждан типичный стилиага — «тряпичник», пижон, прожигатель жизни. Типичный стилиага, по представлениям рядового населения, носил узкие, сильно укороченные брюки-дудочки, туфли на толстой рифленой подошве, яркие рубашки и разноцветные пиджаки, галстуки с экзотическими рисунками. Завершала образ «стильная» причёска в виде приподнятого кока волос в духе «а ля Элвис Пресли». У девушек-стилиаг не был выработан единый стиль. Было достаточно надеть короткую юбку и яркую кофту, чтобы в народе тебя окрестили стилиагой. Образ советских модников и модниц со временем претерпевал изменения. Историк Светлана Рафикова утверждала, что «облик стилиаг менялся: от карикатурно разодетых в широко-мешковатую одежду немыслимых расцветок во второй половине 1940-х годов — через брюки-дудочки 1950-х годов — до элегантности «штатников» (одетых в фирменные американские вещи) и отказа от явного эпатажа в годы хрущевской «оттепели»» [3, с. 135].

Досуг стилиаги предпочитали проводить в неприметных помещениях, где можно было танцевать буги-вуги, слушать джазовые композиции, свободно общаться. Любимым местом встречи «вестернизированной» молодежи стали центральные улицы крупнейших городов, названные «Бродвеем» или «Бродом». В Москве, Ленинграде, Самаре, Одессе, Красноярске и Баку имелись свои «Броды». Московский стилиага Игорь Беруштитс вспоминал: «Было хорошим тоном явиться вечером, когда уже начинались сумерки, на Бродвей и там, так сказать, совершить хил, то

есть прогулку» [4, с. 124]. Эта рискованная затея нередко заканчивалась стычками с дружинниками, которые боролись со стилягами весьма изощренно: распарывали брюки и юбки, резали галстуки и пиджаки, портили «прически».

В представлении властных структур стиляги являлись идеологическими отступниками и диверсантами, пытавшиеся насадить в социалистической стране «враждебные» ценности и нормы. Боролись с молодыми нонконформистами беспощадно. На страницах газет и журналов резко высмеивались модные «тунеядцы» и «бездельники». Так, Э. Кроткий в стихотворении «Поганки» писал о стилягах:

«Иностранцы?! Иностранки?!

Нет! От пяток до бровей

Это местные поганки,

Доморощенный «Бродвей»» [5, с. 13].

Стиляг отчисляли из вузов, выгоняли из комсомола, публично высмеивали. Применялись и насильственные действия со стороны милиции и дружинников. Г. Ципурский отмечал, что «требуемая модель поведения внедрялась под страхом позора и общественного порицания» [6, с. 62]. Большинство граждан Советского Союза, вторя господствующим взглядам и придерживаясь во всем партийной линии, осуждало «вестернизированную молодежь». Некоторые люди, особенно среди юношества, хотя внешне дразнили и смеялись над стилягами, в глубине души завидовали их независимости. Спустя много лет можно услышать такие заявления: «Мне нравился их стиль одежды, но под влиянием мнения общества я дразнила их: «Стиляга модный, сам голодный, штаны узкие, сам нерусский!»; «... они вызывали у нас интерес и даже какую-то зависть, так как выглядели не так, как все... на общем «сером» фоне» [7, с. 151].

Не только внешний облик молодого поколения пораживал советских руководителей в середине 1950-х — первой половине 1960-х гг. Увлечение «идеологическим оружием Америки» — джазом вызывало не меньшее раздражение. Присущие данному музыкальному стилю энергичность, динамизм, импровизация, стихийность вызывали у слушателей сходные чувства и эмоции. Это способствовало некоторому духовному единению почитателей джаза в независимости от их политических убеждений, пола, расы, социального положения. Идеологические структуры запрещали выступать джазовым коллективам, не пускали их на сцену, глушили западные радиостанции, вещавшие на территории СССР. Запреты не помешали молодым людям, владельцам трофейных радиоприемников, продолжать «ловить» джазовые программы, передаваемые по Би-би-си и «Голосу Америки». Они переписывали их на старые магнитофоны и распространяли на рентгеновских пленках. Отсюда и происходит название «джаз на костях» или «музыка на ребрах». Кумирами советской молодежи стали Гленн Миллер, Бенни Гудмен, Элла Фицджеральд, Дюк Эллингтон и другие. Как видим, запреты и гонения, замалчивание западных новинок в области культуры, искусства, повседневной жизни еще больше «разжигали» интерес молодых.

Два события в годы хрущевской «оттепели» — XX съезд КПСС (февраль 1956 года) и VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в Москве в августе 1957 года, оказали глубокое раскрепощающее воздействие на советскую молодежь. Фестиваль должен был укрепить имидж страны, готовой пойти на культурный диалог с Западом, продемонстрировав открытость и демократичность нового политического курса. Советская столица была хорошо подготовлена к приему иностранных делегаций. В программу было включено множество мероприятий: встречи с известными людьми, дискуссии по вопросам литературы и искусства, выставки полотен зарубежных и отечественных мастеров, музыкальные вечера, спортивные соревнования и др. В Москву съехались тысячи молодых людей из различных населенных пунктов, которые на ходу выучив языки, хотели поговорить со сверстниками из других стран. Многие из них видели иностранцев впервые. Журналист, в будущем крупный латиноамериканский писатель Г.Г. Маркес, являясь участником фестиваля, вспоминал, что советские граждане с восторгом встречали молодых гостей из различных государств, засыпав их открытками и цветами, желали прикоснуться к иностранцу, дабы удостовериться, что они сделаны из плоти и крови [8]. Советские юноши и девушки были поражены внешним обликом гостей: они не были похожи на разодетых и эпатажных стиляг, напротив, одежда их поражала простотой, отсутствием крикливости, утонченной элегантностью. Они свободно и открыто, без тени недоброжелательства и заносчивости, общались с советской молодежью.

Фестиваль способствовал некоторой духовной эмансипации юношества СССР. Молодое поколение активно включалось в дискуссии и разговоры, рождавшиеся после окончания официальных программ. Власть не смогла предотвратить стихийное возникновение небольших групп советской и иностранной молодежи, которые на улицах ночной Москвы обсуждали проблемы литературы и искусства, вопросы повседневности и быта. Юношество училось свободно говорить, отстаивать свое мнение. Известный джазмен А.С. Козлов, современник московского фестиваля, вспоминал: «То были первые уроки демократии, первый опыт избавления от страха, первые, абсолютно новые переживания неподконтрольного общества» [9, с. 106].

В крупных городах до начала 1960-х гг. выступали европейские и американские музыканты, в том числе джазовые коллективы, известные театральные труппы, проводились показы моделей одежды, недели зарубежного кино, выставки иностранных художников. Появилась уникальная для советских жителей возможность подписаться на печатную продукцию стран народной демократии, в которых публиковались материалы из современной жизни Европы и Америки.

Молодое поколение в период хрущевского десятилетия познакомилось с произведениями крупных писателей, переводы которых в Советском Союзе появились в конце 1950-х гг. Кумирами «шестидесятников» стали Э.М. Ремарк и Э. Хемингуэй. Под воздействием прочитанных книг

формировалось мировоззрение целого поколения. Юноши, подражая полюбившимся героям, стали копировать их внешний вид, образ мысли, манеру поведения, стиль речи. Повальное увлечение прозой Хемингуэя надолго сохранилось в молодежной среде. В квартире каждого шестидесятника висел портрет бородатого «папы Хэма», как с любовью окрестили крупного американского писателя его советские почитатели. Исследователь Л. Брусиловская писала: «Выработался своеобразный тип поведения «в стиле Э. Хемингуэя» — он включал в себя немногословность, сдержанность и скупость в эмоциях (предполагалось, что сильные чувства свойственны сильным натурам в полной мере, но держать их они умеют за броней видимого равнодушия и спокойствия)» [10, с. 82]. Хемингуэевская философия настораживала идеологические структуры, но

выступить против крупного писателя они все-таки не решились.

Таким образом, в период хрущевского десятилетия в молодежной среде произошли важные мировоззренческие сдвиги. Во многом они были связаны с более тесным соприкосновением с западной культурой и американским образом жизни. Гонения, которым подвергалось все, что было связано с «буржуазной» идеологией и моралью, «разжигали» интерес молодого поколения к жизни на Западе. Тесное знакомство с мировой культурой, традициями и обычаями капиталистического мира, общение со сверстниками из других стран не только обогатили и укрепостили внутренний мир советского юношества, но и помогли по-иному посмотреть на все происходящее, как в собственной стране, так и за рубежом.

Литература:

1. Беляев, Д. Стиляга (Из серии «Типы, уходящие в прошлое») // Крокодил. 1949. № 7.
2. Осипов, А. Г., Макаренко Н. Н., Милова Е. А., Головина А. А. Стиляги. Эпатажное течение в молодежной среде 1940—1960-х гг. [Электронный ресурс] // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2011. Т. 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/stilyagi-epatazhnoe-techenie-v-molodezhnoy-srede-1940-1960-h-gg>. (дата обращения: 22.11.2015).
3. Рафикова, С. «По проспекту, словно манекен...». Образ стиляги глазами сибирских обывателей // Родина. 2010. № 10.
4. Померанцев, И. Стиляги // Урал. 1999. № 11.
5. Кроткий, Э. Поганки // Крокодил. 1960. № 2.
6. Ципурский, Г. «Комсомолу приходится объявить беспощадную и решительную войну против всех типов стиляг». Политика в отношении «вестернизированной» молодежи в Советском Союзе при Н. С. Хрущеве // Новейшая история России. 2013. № 3.
7. Цит. по: Рафикова С. Сибирский стиляга. Нонконформизм на провинциальной почве? // Родина. 2010. № 9.
8. Маркес, Г. СССР: 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы! [Электронный ресурс] // URL: <http://noblit.ru/node/1010>. (дата обращения: 28.11.2015)
9. Козлов, А. С. «Козел на саксе». И так всю жизнь. М.: Вагриус, 1998.
10. Брусиловская, Л. «Московский Бродвей», «джаз на костях» и «пожар в джунглях» // Родина. 1998. № 8.

Генерал К. В. Сахаров и его роль в судьбе Белой Сибири

Дуров Олег Григорьевич, аспирант
Курганский государственный университет

Рассматривается роль генерала К. В. Сахарова в Челябинском, Тобольском сражениях и обороне Омска во время Гражданской войны на Востоке России. Освящается участие в разработке и осуществлении Челябинской операции (июль 1919 года), затем Тобольской операции (август-октябрь 1919 года) и обороны Омска (ноябрь 1919 года), правильности принятия им стратегических решений. В результате исследования раскрывается роль К. В. Сахарова в судьбе Белой Сибири.

Ключевые слова: К. В. Сахаров; генерал; гражданская война; Челябинское сражение; Тобольское сражение; оборона Омска.

Гражданская война стала большим испытанием для страны, как для народа, так и для офицеров, солдат и всех тех, кто принимал непосредственное участие в боях. Особенно остро война прошла по судьбам офицеров бывшей Российской империи.

Деятельность генерала Сахарова почти не изучалась до настоящего времени, современники о нем писали в мемуарах, но серьезных исследовательских работ не было. В советское же время, по идеологическим причинам биография генерала Сахарова не освещалась. Рас-

смотрим судьбу генерала К.В. Сахарова для понимания его роли в судьбе белой Сибири. В предлагаемой статье будет сделан акцент на том, почему именно этот генерал сыграл не последнюю роль в судьбе Белой Сибири. Проанализируем военную деятельность Сахарова в Гражданской войне и ее особенность.

Константин Вячеславович Сахаров родился 18 марта 1881 года в г. Оренбурге в семье офицера. Получил хорошее военное образование: выпускник Оренбургского кадетского корпуса, Николаевского инженерного училища и академии Генерального Штаба. Участник русско-японской и первой мировой войн. Георгиевский кавалер. Полковник. По своим убеждениям монархист. Два раза был арестован: первый раз за участие в корниловском мятеже; второй раз за попытку пробраться в Добровольческую армию. После второго ареста бежал. В Белом движении сделал блистательную карьеру, пиком которой стало звание генерал-лейтенанта и должность командующего Восточного фронта.

В июле 1919 года адмирал Колчак на Восточном фронте, поручил разработать начальнику штаба Верховного Главнокомандующего Д.А. Лебедеву и командующему Западной армией К.В. Сахарову Челябинскую военную операцию. Вся Челябинская операция окружения красных войск, задуманная Лебедевым и Сахаровым, была чрезвычайно сложна. Такая операция требовала подготовленных кадровых войск. Нуждалась в идеальном исполнении, так как малейшая ошибка в чем-нибудь приводила к нарушению взаимодействия и к краху всей операции. Уже на этапе разработки было понятно, что состояние войск, и их неспособность: маневрировать, выдерживать прорывы и обходы войск противника приведут Челябинскую операцию к полной катастрофе. Дивизиям предстояло вести бой на несколько фронтов, то есть, ставилась такая задача, которую колчаковские войска выполнить были не в состоянии. По словам, военного министра омского правительства барона А.П. Будберга они задумали: «повторить Куликовскую битву с заманиванием противника в ловушку добровольно оставленного челябинского узла, после чего закрыть его при помощи очень сложного маневра, в котором главная роль фланговых ударов отведена совершенно неподготовленным дивизиям». [1, с. 39]. Командующий Восточным фронтом генерал М.К. Дитерихс решительно протестовал против челябинской операции, но безрезультатно.

Во время Челябинских боев К.В. Сахаровым была проявлена исключительная настойчивость, но руководить войсками ему удалось во многом лишь на бумаге. Были возможности для арьергардных ударов, но они, ни разу не были реализованы. Штаб армии стремился держать управление войсками и своими обычными директивами — «упорно удерживать», «энергично перейти в наступление», «нанести стремительный удар» и т.п. не достигал желаемого. Командующие группами, по рассказам В.О. Каппеля и С.Н. Войцеховского, часто не успевали

даже расшифровывать директивы и отдавали свои приказания самостоятельно, учитывая обстановку на месте.

Сахарову в боях за Челябинск не удавалось укрепить свой авторитет в армии. Своей манерой обращения, подчеркнутым солдафонским видом, поведением он часто отталкивал, настраивал против себя даже самых исполнительных офицеров. К этому надо прибавить особую придирчивость ко всем, чтобы всё «делалось отчетливо», т.е. подчеркнуто по-солдатски, чтобы армия была «регулярной» [5, с. 142].

В.О. Каппель и С.Н. Войцеховский относились ко многому из начинаний, введенных Сахаровым иронически. Не обходилось без протестов. Генерал Войцеховский ушел из Западной армии, так как не смог служить под началом К.В. Сахарова. Одно из таких начинаний было желание Константина Вячеславовича походить на императора Петра I. Он сформировал при штабе армии Егерский батальон, внешне сильно подтянутый, дисциплинированный, отлично певший песни — добровольческие части смотрели на всё это с улыбкой. Константин Вячеславович на смотрах войск старался ходить так быстро, что за ним все бежали, копируя тем самым великого Российского императора. Что при его небольшом росте выглядело весьма забавно.

В своих воспоминаниях К.В. Сахаров не раскаивался в поражении под Челябинском, а в своей оптимистической манере утверждал: «Несмотря на отход, значение Челябинской операции было весьма существенно. Бои и действия белых войск показали, что они имеют все шансы разбить красных; в войсках укрепилась уверенность в своих силах. Кроме того население этого большого и абсолютно антисоветского района увидело на деле, убедилось, что были приложены все усилия спасти их от большевиков» [7, с. 126].

Качества К.В. Сахарова как полководца ярко характеризуют слова генерала П.П. Петрова: «недоброжелательство началось с самого начала появления Сахарова в качестве начальника штаба Западной армии и так осталось неизжитой до самого конца белого движения в Сибири. Корень этой неприязни был в том, что С.Н. Войцеховский, В.О. Каппель и другие начали службу на фронте с маленькими отрядами, воевали самостоятельно в самой непростой обстановке с различными силами и привыкли к тому, чтобы армейское командование было внимательно к ним. Новый начальник штаба не был раньше участником гражданской войны. Встав во главе военного управления, начал не только руководить, но и учить, понукать и даже внушать, часто совершенно не обращая внимания на особенности обстановки и смотря на всё по своему, преследуя всё «нерегулярное» в армии» [5, с. 149].

Именно не умение понимать особенность гражданской войны, распыление тех немногих резервов, что у него были и явный авантюризм приводили к неудачам генерала К.В. Сахарова в компании 1919 года.

После отступления белых войск к Петропавловску в августе 1919 года, оценив понесенные потери и не

имея достаточных сил, командующий фронтом генерал М. К. Дитерихс настаивал на своем плане — отвести остатки армий за Иртыш. Где при поддержке союзников перевооружить, и пополнить живой силой, с целью удерживать оставшуюся Сибирь при объединении с войсками атамана Г. М. Семенова. Этому противоречил К. В. Сахаров, настоявший на проведение «решающей» битвы на водном рубеже Тобола [3, с. 50].

Авантюрное по своей сути предложение К. В. Сахарова не могло строиться на основе глубокого анализа и расчета. Все это в полной мере сказалось и на замысле, а затем и разработке плана операции. Перед стратегами ставки Верховного правителя возникали серьезные проблемы. Вопрос о том, как наступать на Восточном фронте, становился все более сложным для белых генералов. Ставка полностью не могла осознать, что даже успех — это лишь отсрочка катастрофы. Однако после некоторых колебаний был принят план К. В. Сахарова проведения битвы на реке Тобол. Петропавловск был определен районом сосредоточения войск для перехода в наступление. Времени на подготовку оставалось мало.

Армия Тухачевского переправилась через Тобол 20 августа и, преодолев яростное противодействие белых частей, устремилась на восток. У советского историка Спирина находим: «В первые дни наступление продвигалось успешно, но уже в начале второй недели сопротивление со стороны колчаковцев стало увеличиваться. Темп продвижения 5-й армии снизился. Несмотря на это, к концу августа полки армии местами продвинулись до 180 км от Тобола и находились в 70 км от реки Ишим. Это заставило белых напрячь все свои силы» [3, с. 79.].

В белом лагере, в последних числах августа усиленно проводилась подготовка к будущему наступлению, от которого ожидали многого — главное, захвата инициативы. Части армии пополнялись, тренировались, насколько возможно, приводились в порядок, вооружались, снабжались и т.д. Южнее 3-й армии должна была сосредоточиться Степная группа с казачьим корпусом генерала Иванова-Ринова, направленной для действий в тылу красных, строились расчеты разгрома.

Согласно плану белого главного командования, 3-я армия наносила главный удар по красным дивизиям. 2-я и 1-я армии имели второстепенные задачи содействия.

План действий 3-й армии заключался в следующем: Волжская группа и арьергард Уфимской сдерживают натиск красных с двух сторон железной дороги; в то же время на обоих флангах были сформированы ударные группы, которые должны были обрушиться на 5-ю Красную армию. Уральский корпус перебрасывался скрыто вверх по Ишиму на крайний левый фланг, откуда предполагалось вывести его кружным путем в тыл красных и тем закончить их окружение. Там же сосредоточивались и казачьи полки. Первым днем наступления назначено было 1-е сентября.

Начиналось сентябрьское наступление 1919 года с победных пафосов омских газет: Сахаров был объявлен

Спасителем Отечества с почетным званием «солдат-генерал». А тем временем «солдат-генерал» К. В. Сахаров во время боев в междуречье Тобола и Ишима отдавал приказ о беспощадной расправе с населением, которое в случаях массового выступления должно быть расстреляно, а селение уничтожено дотла. [9, с. 143] Что и произошло с селом Большое Курейное, ныне Макушинского района, Курганской области [8, с. 211]. Колчаковские войска с тяжелыми боями откинули красных на линию реки Тобол. Рейд казачьего корпуса по тылам противника так и не был осуществлен. Была утеряна стратегическая инициатива, а силы войск исчерпаны. Что привело к дальнейшему наступлению Красной армии в октябре 1919 года.

В неудаче развития Тобольского контрнаступления у Константина Вячеславовича виноват был тыл: «... армия, проявившая чудеса героизма и предел напряжения сил, добившаяся блестящей победы, была предана, — она не получила ни пополнений, ни одежды, ни теплых вещей» [7, с. 173].

После поражения на Тоболе, в ноябре 1919 года вновь стал вопрос о сохранении оставшихся войск. Для этого было необходимо сдать Омск. Сохранение сил на тот момент было важнее белой столицы. И тут на сцене опять появляется генерал К. В. Сахаров с идеей обороны Омска. Полагая, возможным восстановить боевой дух армий простым приказом, Константин Вячеславович, перед лицом тяжелейшего их состояния, продолжал предлагать идеи «решительных ударов» и достижения «конечных успехов». План генерала К. В. Сахарова к началу декабря сводился к тому, чтобы сосредоточить мощную группировку сил в районе Томск — Колывань — Новониколаевск и нанести удар по красным войскам, отбрасывая их к югу от железной дороги; начало наступления планировалось к середине декабря. В ударную группу предполагалось включить всю 1-ю армию и еще несколько дивизий, предварительно отводимых в район сосредоточения. Одновременно намечался ряд мер по усилению строевых частей путем привлечения в строй всех годных к службе офицеров и солдат. Разумеется, план этот не имел ни малейших шансов на выполнение. [6, с. 249].

К. В. Сахаров в книге «Белая Сибирь» пишет, что он не собирался удерживать Омск, а обещал лишь сделать все возможное для его удержания. Видимо, генерал не понимал, что дело заключалось не в терминологии, а в том, что его «обещание» в корне изменяло принятый уже план действий, что в случае неисполнения его обещания неизбежно вело к катастрофе.

В первых числах ноября Иртыш сковало льдом, и К. В. Сахаров понял, что был не прав. Был отдан приказ об оставлении Омска и об отходе войск на восток, были потеряны две недели для отвода частей и внесена путаница в железнодорожное движение. За предвзятость мышления А. В. Колчака и за самонадеянность К. В. Сахарова вскоре жестоко расплатилось все белое движение в Сибири.

В декабре 1919 года на станции Тайга эшелон генерала К. В. Сахарова, окружили войска генерала А. Н. Пе-

пеляева. Сахарова решено было арестовать за сдачу Омска и доставить его в Томск, где находился штаб 1-й Сибирской армии, для предания суду. Только вмешательство генерала В. О. Каппеля помогло снять оцепление эшелона. К. В. Сахарова решено было доставить в Иркутск, где следственная комиссия под председательством генерала Бутурлина должна была вести разбор всей деятельности Константина Вячеславовича на посту главнокомандующего. Судьба распорядилась так, что следствие не состоялось.

Подводя итоги, можно отметить следующее. Генералы Белой Сибири критично относились к деятельности К. В. Сахарова. Даже, тот, кто относился к нему хорошо, как генерал В. М. Молчанов, отмечал: «... не вывез все, не эвакуировал своевременно Омск. Конечно, он виноват был, но дело в том, что он думал, что что-то сможет сделать, но он не мог сделать» [4, с. 151–152].

Что касается противников К. В. Сахарова то например, барон А. П. Будберг не питал иллюзий в отношении его персоны и даже сравнивал его с графом Аракчеевым по своей идеологии. Профессор Николаевского инженерного училища генерал Ипатович-Горанский, писал о том, что Сахарова в училище звали бетонной головой; внешний вид его подходил к этому названию, внутреннее содержание, по-видимому, тоже. [1, с. 43].

Роль генерала Константина Вячеславовича Сахарова в судьбе Белой Сибири преступна. Значительная доля вины за провалы Челябинской, Тобольской военных операций, а также за несвоевременный отвод войск из Омска лежит на нем. Все последние резервы были израсходованы колчаковцами в «наступательной мании» Сахарова, при постоянной поддержке его самим адмиралом А. В. Колчаком.

Литература:

1. Будберг, А. П., барон. Дневник белогвардейца. Ленинград, 1929. 345 с.
2. Ефимов, А. Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками. 1918–1920 гг. «Конкорд», Калифорния, 1975. 79 с.
3. Клавинг, В. В. Гражданская война в России: Белые армии. СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2003. 326 с.
4. Молчанов, В. М. Последний белый генерал. М.: Айрис-пресс, 2009. 400 с.
5. Петров, П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. 1918–1922 гг. М., 2011. 568 с.
6. Пучков, Ф. А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском Ледяном походе. / Сибирский Ледяной поход: Научно-просветительное издание. // Составление, научная редакция, М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 247–252 с.
7. Сахаров, К. В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. 325 с.
8. Федоров, А. Ф. Октябрьские зори. М.: Воениздат, 1962. 264 с.
9. Южное Зауралье в период гражданской войны (1918–1920 гг.). Сборник документов и материалов. Курган: Зауралье, 1963. 288 с.

Описание некоторых аспектов в области хозяйства членом-корреспондентом, статским советником А. Ф. Ребровым

Запорожцева Ольга Алексеевна, магистрант;

Бокова Яна Михайловна, магистрант

Северо-Кавказский федеральный университет

В данной статье авторами показано становление Кавказского Областного Статистического отделения в Ставрополе. Непосредственно важное место занимает личность А. Реброва, который благодаря своим знаниям, дал подробное описание своего имения в хозяйственном отношении.

Ключевые слова: Кавказское Областное Статистическое отделение, член-корреспондент, шелководство, виноделие, садоводство, огородничество, рыболовие.

19 февраля 1835 года состоялось заседание, на котором император Николай I и Правительствующий Сенат слушали рапорт министра внутренних дел. В этом рапорте от 20 декабря 1834 года было представлено мнение Государственного Совета, Штатов канцелярии, Департаментов Министерства Внутренних Дел и Статистического отделения при Совете этого Министерства об утверждении правил об учреждении Статистического отделения и Губернских Статистических комитетов. [1, Л. 1]

Кавказский Областной Статистический комитет в городе Ставрополе был открыт 22 мая 1835 года. Он состоял из членов: кавказского областного предводителя дворянства статского советника и кавалера Ростова-нова, председателя кавказской казенной палаты коллежского советника Скопина, кавказского областного прокурора коллежского асессора Безкорованного и других. [1, Л. 13] Согласно § 32 правил об учреждении Статистического отделения и Губернских Статистических коми-

тетов было сказано, что «Губернские Статистические комитеты имеют также своих Членов-корреспондентов, из постоянных жителей той Губернии». [1, Л. 4.об.] В такие члены-корреспонденты были избраны следующие лица, известные либо по своему образованию, либо по любви к приобретению и распространению общепользованных знаний: помещик Кавказской области статский советник Ребров, главный врач при Кавказских Минеральных водах коллежский советник доктор медицины Конради, младший врач при Кавказских Минеральных водах штаб-лекарь надворный советник Рынка, командующий Кубанской линией полковник Засса и другие. [1, ЛЛ. 13.об — 14]

Деятельность Статистического комитета была разделена на две части: историческую и статистическую. Членам и членам-корреспондентам Статистического комитета было поручено приступить к собранию и составлению статистических сведений о Кавказской области, в которые входили такие вопросы, как: а) о пространстве и народонаселении области, б) о состоянии городов, в) о селениях казенных и помещичьих, и о казачьих станицах, г) о полициях и делах их, д) о народном хозяйстве вообще, е) о народном продовольствии и призрении, ж) о мерах и учреждениях для охранения народного здравия. [1, ЛЛ. 22 об. — 24 об.]

Что касалось вопроса «о народном хозяйстве вообще», то в него входили такие аспекты для рассмотрения, как: разные отрасли народного хозяйства, земледелие, хлебопашество, скотоводство, садоводство, пчеловодство, виноделие, шелководство, торговые и мануфактурные промышленности, звериные и рыбные промыслы, улучшение народного хозяйства. Описание их было поручено: «1. В округе Пятигорском — помещику г-ну Статскому Советнику Реброву, 2. В округе Кизлярском — ему же Реброву и поручику Крюкову, 3. В округе Моздокском — г-ну Областному Предводителю Дворянства Ростованову, 4. В округе Ставропольском — г-ну помещику Коллежскому Ассессору Григельскому». [1, ЛЛ. 24—24 об.]

Рассматривая вопрос «о народном хозяйстве вообще» необходимо акцентировать внимание на такой личности, как Алексей Федорович Ребров, который являлся членом — корреспондентом Кавказского Областного Статистического комитета. [2, Л. 11 об.]

Сам Алексей Федорович Ребров был известен по своим знаниям, на тот момент Кавказской губернии, еще при генерале Ермолове. Так, им были выполнены поручения А. Ермолова, которые требовали местных познаний края «в отношении приведения в известность претензий жителей Кавказской губернии на кабардинцев за хищничества в течении многих лет произведенные и за составление отдельных правил насчет удовлетворения подобных претензий», за что ему был пожалован в 1819 году орден Святой Анны II степени; в 1819 году А. Ребровым было выполнено «собрание подробных и удовлетворительных сведений о землях Кавказского края, за составление общего оным описания и обнаруженные при раздаче отсут-

плений от правил и начертания предварительного проекта для размежевания земель», за что он был награжден орденом Святого Владимира III степени. В своем же хозяйстве, Алексеем Ребровым проводилась большая опытническая работа: его шелк не имел равных по белизне и качеству, а вино было разных сортов и его полушампанское поставлялось к императорскому столу. [2, ЛЛ. 6—7 об.]

В 1835 году Алексею Федоровичу было поручено «составление статистических сведений о имениях помещиков и других сословий по Округам Пятигорскому и Кизлярскому», но за неимение необходимых материалов для осуществления этого труда, он был вынужден ограничиться лишь составлением требуемых объяснений, касаемых собственного имения. 12 марта 1840 года А. Ребровым был составлен краткий очерк, в котором более или менее были показаны «местности и производительность вообще восточной полосы Области Кавказской». [1, Л. 58]

В кратком очерке помещиком Ребровым были выделены некоторые составляющие, которые он пытался раскрыть и описать. Необходимо рассмотреть некоторые из них. Так, рассматривая хозяйство и промышленность А. Ребров писал: «Сказав о качестве почвы, здесь следует табель, показывающая количество земли, распаиваемой и посевного, и урожайного на ней в течении 5 лет хлеба... с усилением распахки земли и посевов, превзошло бы возможность убирать его своевременно, потому что скороспелое выспевание и при малом посеве затрудняет хозяйств в уборке. Часто и почти всегда случается, что еще не снят один хлеб, как же поспел другой, третий, и т.д., а малейшее задержание на корню одного, доведя до перестоя при суше и ветрах, высыпется, и труд и семена пропадут, к тому же окажется скоро недостаток в земле пахотной, подвергаемой, как выше объяснено, продолжительным залежам». Что касалось скотоводства, то изобилие земли и благоприятный климат, казалось бы, способствовали хорошему развитию. Но в тоже время было много невзгод, какие представляла сама местность степного пространства. Например, скудное произрастание трав на пастбищах из-за засух летом. Далее помещик Ребров писал: «Здесь гнездилище насекомых, делающих пребывание скота тягостным, а иногда и вовсе нестерпимым». Дело в том, что в его имении Владимировке с самого начала весны первой из насекомых появлялась мошка, которая застилала животному глаза, рот и уши, а затем ее сменяла муха, потом овод и комар, которые не давали покоя животным, первый днем, а второй днем и ночью. Что касалось сбыта животных, то 15—20 лет назад сбыт лошадей и скота был значительно больше нынешнего и торговля им шла живее. Но теперь поголовье скота значительно сокращалось из-за болезней, так как зимы стали свирепыми и менее продолжительными. Последняя зима в 1839 году была довольно сносной по стуже. [1, ЛЛ. 67 об. — 68, 69]

Относительно отрасли шелководства А. Ребров писал следующее: «насаждение дерев тутовых относится к самому основанию поселения сей слободы... Убыль от вымерзания... случалась редко, также, как и по другим в здешнем

краю местам, но ссылкой на нее прикрывалось беспечность хозяев. Доказательство ясное для того во Владимировке, где число деревьев тутовых в 1817 году было до 4000, а ныне их 15000; в других же местах уменьшилось, в иных имениях вовсе истребилось». [1, ЛЛ. 69—69 об.]

С самого основания заведения по развитию шелководства в имении Владимировка, А. Ребровым было предложено достигать не количества, а качества. И в 1830 году его шелк и машины для его обработки были представлены начальству, за что помещик был награжден большой золотой медалью с надписью: «За труды и успехи». Местом продажи шелка являлась Москва. Так, в 1835 году был продан «органсек» по 1800 рублей, а в 1838 году по упадку цен на шелка от подвоза итальянских был продан по 1100 рублей. По этой отрасли помещиком постоянно производились всевозможные улучшения, была добыта порода из Франции червей Сина, а помещения для их выкармливания располагались по способу д'Арсета, которым были улучшены во Франции садки для отращивания болезни и смертности червей. [1, ЛЛ. 70—70 об.]

Виноделие также являлось наиболее развитой отраслью в хозяйстве помещика Реброва. Крестьяне держали свои виноградные сады с намерением, чтобы научиться обхождению с виноградом и получать для себя от этой отрасли выгоды. В имении приготавливали и пенное вино наподобие шампанского. Для его приготовления и улучшения столового вина в 1834 году был приглашен в Москве французский уроженец из Эперне — Тисье, а в Санкт-Петербурге — француз Анго. Тисье пользовался известностью, если не по отличному знанию, то по своему трудолюбию и заботливости в этом деле. На основании условий договора, Тисье должен был в течение 5 лет готовить до 150 тысяч бутылок пенного вина. Первоначальные его опыты показывали его знание способа по методу приготовления пенного во Франции, и вино это имело потребной вид и вкус, и входило в известность. Но после того, как Тисье съездил во Францию, вернувшись в 1837 году, он привез «новую методу» скорейшего очищения подготовки этих вин, в результате чего не достиг лучшего результата и утратил прошлый опыт в приготовлении пенного вина. Это проявилось в том, что после окончательной закупорки вино со временем приобретало мутность, что вредило его достоинству. [1, ЛЛ. 71, 72 об.]

Оказалось, что Тисье подготовил более 20 тысяч бутылок по «новой методу» и скрыл свою ошибку от помещика, и прибегая к хитрости, просился жениться в Киев, для того, чтобы через два месяца вернуться. В итоге он получил от начальства бессрочный паспорт и уехал так и не вернувшись, и не выполнив до конца условия контракта, тем самым принес убытки имению А. Реброва. [1, Л. 73]

Сравнивая виноград, произрастающий на реке Куме с кизлярским, был сделан вывод, что первый был слаще кизлярского. Дело в том, что виноград на реке Куме поспевал двумя неделями позже, или может даже и грунт способствовал получению сладости. Сбор винограда начинался со второй половины сентября и оканчивался

в октябре. Выжатое из винограда сусло от венгерских и горских пород имело сладость 10—11°, само же вино по переброжении удерживало 9° и разлитое в бутылки во время повышения температуры свыше 15° разрывало бутылки, а оставаясь в бочках вино продолжало ферментацию и «шумело», не позволяя крепкой закупорки бочки, а при слабой подвергалось окислению, что всегда случалось спустя год от времени переливки. Вино же, закупоренное в бутылки и помещенное в холодные погреба, сохраняло сладость. Вина, добытые из других сортов винограда, выходили на вкус более терпкими без всякой подмеси и крепость свою выдерживали 3—4 года, разлитые в бочках. [1, ЛЛ. 73—73 об.]

Также было установлено, что удобные места для виноделия находились в низовьях реки Кумы, а по Тереку, начиная от Станицы Наура до Кизляра. [1, Л. 74 об.]

Сорта здешних вин подразделялись на два вида: один назывался собственно вином, другой носил низкое имя — чихирь. Цена за сладкое вино составляла 4—6 рубля за ведро, а за чихирь от 1 рубля 50 копеек до 3 рублей по сортам. [1, ЛЛ. 74 об. — 75]

Рассматривая садоводство можно заключить, что за последние 20 лет намечался упадок, проявлявшийся в запустении виноградных садов. [1, Л. 75]

В помещичьих и крестьянских садах произрастали растения разных сортов таких, как: яблоки, груши, бергамоты, черешни, вишни, сливы, чернослив, персики, абрикосы, айвы и смоквы (винные ягоды). Необходимо отметить тот факт, что созревание вишен и яблок совершалось преждевременно. Вишни начинали поспевать часто в мае, а яблоки в июле, и так скороспелно, что к августу оставались лишь зимние сорта. Персики и смоквы вызревали в сентябре. Занимались в имении выращиванием ананасной видневной земляники и мексиканской крупной клубники. [1, ЛЛ. 75—75 об.]

Касаемо растительности необходимо отметить, что около 30 лет назад разводили растения южных климатов: кунжут, из которого выжималось масло, не уступающее по вкусу прованскому; из красильных — вайда; из хлебных сорочинское пшено; из фабричных хлопчатая бумага. Из красильных растений в лесах произрастала марена (крап). Эту траву именовали так, потому что краска из него получалась менее яркая и корни были тоньше. [1, ЛЛ. 75 об. — 76]

Если говорить об огородах, то на них трудились все без исключения. Работа начиналась с самой ранней весны (с первых чисел марта) и продолжалась до сентября и октября. Огороды, как правило, располагались на расстоянии 7—10 верст от домов. На них трудолюбивые крестьяне сажали: капусту, огурцы, свеклу, табак, чеснок, лук. Трудились крестьяне под знойным небом в камышах, наполненных оводом и комарами. [1, ЛЛ. 76—76 об.]

Для развития пчеловодства были сделаны опыты, но пчелы истеблились через два месяца, с одной стороны из-за недостатка их для побора цветистых трав, с другой от птиц и насекомых — стрекоз (коромысла), которые, схватывая

на лету пчел, их умерщвляли. Не мог бы в имении существовать и пчельник по причине того, что растения в мае на земле иссыхали, а полынь и другие растения не были для пчел полезными. [1, Л. 76 об.]

В реке Куме водилась крупная и мелкая рыба: сомы, щуки, окуни, клещи, караси и другая рыба. Раки были наиболее крупными и составляли охоту преимущественно для детей. [1, Л. 77 об.]

В прежние времена в большом количестве водились: олени, козы, дикие свиньи, лисицы, зайцы, из хищных — волки. Охота в то время была прибыльной. Позже олени перевелись, остались зайцы и волки. Цена заячьей шкурке составляла — 20—30 копеек, волчьей 3—4 рубля, а лисьи от 6—7 рублей. В 1824 году был замечен барс в камышах около древних Маджар, который бросился на человека и был убит, после чего о барсах больше не слышали. [1, Л. 77 об.]

В имении имелись лебеди, гуси, журавли, стрепеты, дрофы и разного рода утки. Также здесь водились фазаны и куропатки, которые без особенной надобности не отлавливались с целью сделать их пребывание для этой местности более привычным. Очень редко встречались перепелки. [1, Л. 77 об.]

Было при имении две собственные мукомольни. Производство хлеба большей частью производилось на месте. Его

покупали кочевые калмыки и татары. В 1839 году цена пшеничной муки составляла 80—130 копеек за пуд. [1, Л. 78]

Что касалось крестьянских жилищ, то они были из сырого кирпича, крытые камышом с трубами, которые были обмазаны глиной. Отопление домов производилось кизяком и бурьяном. [1, Л. 78 об.]

В результате А. Ф. Ребровым был описан общий взгляд на имение, в котором говорилось о том, что «было время (30 и более лет назад), когда деревня сия представляла вид торгового местечка, куда калмыки и татары пригоняли скот на продажу или для мены на хлеб. Тогда тут зимовали и гуртовщики со скотом и овцами. Их приманивала зимняя кочёвка у терновой балки, сперва наместника калмыцкого народа Чучея, а потом и детей его, владельцев Тундутовых, при ставке которых всегда находился и базар с торговыми татар астраханских лавками (до 50 кибиток), наполненными товарами азиатской потребности». [1, Л. 79]

Таким образом, Алексеем Федоровичем Ребровым, благодаря его опытности и знанию в области хозяйства, было сделано подробное описание своего имения. Помещик Ребров писал: «В сем кратком очерке местности частной, знающие Кавказ встретят знакомую им физиономию восточной полосы сей области, изменившуюся от времени и событий». [1, Л. 79 об.]

Литература:

1. ГАСК (Государственный архив Ставропольского края). Ф.79. Общее Управление Кавказской области. О.1.Д.1767.
2. ГАСК (Государственный архив Ставропольского края). Ф. 79. Общее Управление Кавказской области. О.2.Д.1632.

«Бессмертный полк» как историко-культурный феномен России XXI века

Зенина Алина Сергеевна, студент

Хабаровский государственный институт искусств и культуры

В 2015 году Россия отмечает 70-летний юбилей победы в Великой Отечественной войне. Потомки её участников стремятся противодействовать подмене исторической правды Второй мировой войны. Юбилей готовился в условиях, когда США и страны Запада проводят кампании замалчивания роли СССР в разгроме фашизма, а в Украине ветеранам войны запрещают носить их награды. Россия ответила миру народным движением «Бессмертный полк». Семьи героев войны вышли 9 мая на улицы городов с портретами своих погибших отцов и дедов. В Москве по Тверской весь день шла бесконечная вереница людей с портретами (около 500 тыс. чел.). К этому движению присоединились и проживающие граждане за пределами России. Оно стало международным: на улицы городов США, Канады, Израиля, Европы вышли русские, белорусы и украинцы с портретами.

Это движение сделало происки США абсурдными. Есть и другая сторона этого движения: в него включается молодёжь в самых различных формах: подготовки шествий, поисковые работы и захоронения в местах сражений, изучение документов и др.

Интерес к событиям той жестокой войны и Великой победы нашего народа оправдан. Память о войне — это воспоминания очевидцев, отношение человека к тяготам войны, актуализация ценностных её аспектов: что человек выбирает в минуту опасности. Истина в войне и в письменных документах, и в памяти тех, кто может рассказать о ней.

Прошло семь десятилетий. Вступает во взрослую жизнь поколение 2000-х годов — это правнуки и праправнуки участников войны. Но время не только не заслоняет в памяти, а, напротив, все ярче, все веселее и полнее

подчеркивает всемирно — историческое значение подвига, совершенного советским народом в сражениях с фашистами, которые ставили своей целью уничтожение не просто СССР, но и всей исторической России.

Мы всегда понимали, что эта война была освободительной, справедливой. Нанеся сокрушительное поражение врагу, советский народ и его Красная Армия отстояли свободу и независимость Родины, защитили многонациональную страну. Они внесли решающий вклад в победу над фашистской Германией и ее союзниками, в освобождение народов Европы от фашистского рабства, в спасение мировой цивилизации, с честью выполнили свой патриотический, интернациональный долг. Разгромили немецкий фашизм, а затем японский милитаризм, который оказал глубочайшее воздействие на весь ход мирового развития. В этом их величайшая заслуга перед человечеством. Сегодня слово берет память... Ветераны, прошедшие по тяжким военным дорогам, и их дети, внуки, знающие об испытаниях, выпавших на долю старших поколений по рассказам отцов и дедов, по книгам и кинофильмам, мысленно обращаются к пережитому, к истинам, которые не старятся от повторений. И здесь, мне кажется, уместно поговорить на языке арифметики, есть огромные цифры потерь — человеческих судеб...

Героизм отдельных людей — олицетворение мужества миллионов советских патриотов, свидетельство великой созидательной энергии народа. Каждый подвиг неповторим. Каждым двигала сила — любовь к Родине:

За что я родину люблю?

За то ли, что шумят дубы?

Иль потому, что в ней ловлю

Черты и собственной судьбы?

(Твардовский А. Т.) [4, 463].

А знаете ли вы, какое послание нам оставило то поколение войны? Они мечтали о том, какими будут счастливыми люди после войны! Какая красивая и счастливая наступит жизнь! Люди, пережившие неимоверные тяготы и много горя, будут друг друга жалеть и любить. Это будут совсем другие люди и другая реальность...

Наши дни. Благодаря идее «Бессмертного полка», возникшей в головах наших современников из города Томска, Игоря Дмитриева, Сергея Колотовкина и Сергея Лапенкова, нашему поколению предоставляется возможность участия в великом деле памяти о Победе. Их мысль проста: уходят от нас фронтовики, их всё меньше и меньше... Кто же 9 мая встанет в шеренги и выйдет на парад через 5–10 лет? А ответ оказался простым: их внуки и правнуки встанут в шеренги маршировать с фотопортретами своих родственников, участвовавших в Великой Отечественной войне. В 2012 году 9 мая город Томск первый из российских городов стартовал, на парад вышли 5–6 тыс. человек с портретами своих родных! Так было положено начало к единению народа на основах патриотизма и благодарности своим предкам!

В 2013 году это общественное движение распространилось по всей России. Его подхватили жители Ки-

рова, Кургана, Урюпинска, Вологды, Тулы, Чебоксар, Калининграда, Нижнего Новгорода — всего 120 населенных пунктов. Оно двинулось за пределы России: подхватили идею Украина и Казахстан, затем Киргизия, Израиль, Беларусь (г. Брест), восточной точкой стал город Петропавловск-Камчатский. А в 2014 году акция увеличивала рост заинтересованных граждан в своих населенных пунктах, их численность составила 500 городов и шесть стран мира. В 2015 году «Бессмертный полк» прошел: в России, Австрии, Азербайджане, Белоруссии, Германии, Израиле, Ирландии, Казахстане и в других странах.

В юбилейном 2015 г. по улицам Москвы и Красной площади прошли жители страны с фотопортретами своих героев — победителей. Так 70-летний юбилей отметили более 500 тысяч человек. В этой шеренге был и президент России В. В. Путин с портретом своего отца — фронтовика! Колонна прошла от Белорусской площади до Кремля и завершила шествие на Москворецкой набережной.

Участники «Бессмертного полка» сделали память о войне живой и деятельной! Внуки правнуки, вставшие в шеренги, позиционируют себя продолжателями дела отцов и дедов! Защищать свою страну, её духовно-нравственные идеалы!

Движение стало международным, во многих странах проживают потомки участников войны и наследники Великой Победы с борьбой с фашизмом! «Бессмертный полк» возник в нужный момент, когда настала очередь потомков объединяться и для защиты памяти о Победе, и для противостояния современному фашизму, который поднимает голову и в странах Балтии, и в Украине, и в Европе!

По состоянию на 19 мая 2015 года в его списках больше 270 тысяч имен. И в одном из списков есть фамилия моей большой семьи — Зениных.

Я, Зенина Алина, студентка Хабаровского Государственного Института Искусства и Культуры города Хабаровска, хочу рассказать о своем дедушке, участнике Великой Отечественной войны.

«На этой фотографии, мой дедушка, который воевал в числе Красной Армии против японского милитаризма». *Зенин Василий Матвеевич* родился 14 августа 1920 года в селе Борисоглебка Кагановичского района (в настоящее время это Октябрьский район) Амурской области в многодетной семье амурского казака Зенина Матвея Кузьмича. Старший брат Егор Матвеевич 1905 года рождения был призван Благовещенским (Амурская область) военным комиссариатом в начале Великой Отечественной войны, воевал и умер от ран при защите города — героя Ленинграда (в настоящее время Санкт-Петербург) в 1943 году и похоронен там, на городском кладбище. Других сведений о нем нет. Сёстры деда — Дарья, Елена, Анна, Лидия были труженицами тыла.

Дедушка сначала закончил 7 классов, затем ремесленное училище. Следующей ступенью было Благовещенское педагогическое училище. По окончании которого направлен в школу на Камчатке. Но с первого июля

1940 года был призван в Советскую Армию, а точнее на Тихоокеанский флот. Имел звание старшины и занимал должность командира рулевых на эсминце (эскадренный миноносец) «Сталин». Был комсоргом корабля. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов эсминец бороздил воды Тихого океана, охраняя наши морские караваны, стоял у берегов Аляски, контролируя Берингов пролив. Когда война переместилась на Дальний Восток, и Советская Армия вступила в бой с Японией, дед был рулевым 2 класса тральщика ТЩ-275–2БТ ВМОР Тихоокеанского Флота.

На сайте «Подвиг народа» я нашла наградной лист Зенина Василия Матвеевича, подписанный командиром тральщика старшим лейтенантом Макаровым от 21 августа 1945 года. В кратком изложении личного боевого подвига или заслуг написано так: «Во время операции, при высадке десанта в порт противника Сэйсин, отлично обеспечивал маневрирование кораблю, благодаря чему корабль своевременно уклонялся от артиллерийского огня береговых батарей, которые обстреливали корабли, подходящие в порт, а также от прожекторов. Во время боя действовал уверенно и быстро. При соприкосновении с противником выдержан и смел. Достоин правительственной награды ордена Красная звезда». Приказом командующего Тихоокеанским Флотом контр-адмирала Федорова от 7 сентября 1945 года № 495 дед был награжден медалью «**Флотоводца Ф. Ф. Ушакова**». Кроме этого

указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1945 года ему была вручена медаль «За победу над Японией».

Демобилизовали деда только летом 1946 года. До этого времени корабль тралил (уничтожал) мины, оставшиеся после войны. После возвращения домой устроился работать на Свободненскую перевалочную базу электропильщиком шпалозавода, где и проработал до выхода на пенсию. Имел многочисленные награды руководства, награждался юбилейными медалями, был членом КПСС. Моя бабушка Зенина Евдокия Сергеевна (Титарева) родилась в 1924 году в селе Ситовка Грязнужинского района Алтайского края в семье столяра — краснодеревщика. У бабушки было две сестры и младший брат. С июля 1941 года в 17 лет ушла работать сначала на базу Амурзолотопродснаба, а затем всю войну и до 1950 года в больницу Водздрава. Имела многочисленные благодарности и грамоты от руководства больницы, была Ворошиловским стрелком (учебные стрельбы). Участвовала в заготовках дров для гор. Свободного Амурская область. Отнесена к категории «Труженики тыла», награждалась юбилейными медалями ко Дню Победы в Великой Отечественной Войне. Дедушка и бабушка поженились в 1951 году. Они вырастили сына и трёх дочерей, помогали в воспитании 13 внуков. Моя семья — одна из многих, чьи дедушки и бабушки ковали победу на фронте и в тылу. Нам есть, чем гордиться!

Литература:

1. Адамович, А., Гранин Д., Брыль Я., Колесник В. Я из огненной деревни... Блокадная книга. /Адамович А. — М.: Советский писатель, 1991. — 720 с.
2. Прохачкий, К. П. Подвиги их бессмертны. — Хабаровск: Кн. Изд — во, 1985. — 224 с., ил. (301)
3. Создатели «Бессмертного полка»: в строй встанут от Израйля до Камчатки [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/interview/20140429/1005775350.html>
4. Твардовский, А. Т. Избранные произведения. В 3т. Т. 2. — М.: Худож. лит., 1990. — 463 с.
5. Щагин, Э. М., Лубков А. В. Новейшая отечественная история. XX в.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 кн. — Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. — 463 с.

П. И. Макушин: развитие книжного дела в Иркутске

Нарышкина Варвара Сергеевна, студент
Иркутский государственный университет

В статье рассматривается личность Петра Ивановича Макушина, его культурно-просветительская, меценатская, научная деятельность, а также его вклад в зарождение и становления книжного дела и просвещения в г. Иркутске.

Иркутск всегда считался самым читающим городом Сибири. Во второй половине XIX века в России происходило бурное развитие печатного дела и провинциальной прессы.

В городе насчитывалось 18808 человек (согласно десятой переписи населения 1858 г.), а в 1859 году в городе по

статистическим данным насчитывалось уже 23 тысячи человек. «В это время в Иркутске выписывалось 579 экземпляров журналов и газет 71 наименования и 39 экземпляров иностранных изданий» (Чернигов А. К.). По этим данным Иркутск входил в число передовых российских городов.

Ради читающих людей в Иркутске в начале XX века зародилось книготорговое предприятие. Одним из пионеров книжного дела и просвещения в Сибири был Петр Иванович Макушин. Совместно с купцом Михайловым он открывает в Иркутске отделение Томского Сибирского книжного и писчебумажного магазина. Доверенным лицом был назначен двоюродный брат Макушина — Владимир Михайлович Посохин, имя которого ныне носит Иркутская областная типография № 1. Первое учредительное собрание состоялось 19 февраля 1893 года, где огласили официальное разрешение иркутского губернатора на открытие типографии и книжного магазина. Главная цель фирмы — издание и распространение книги в Сибири. «Книги для народа» — вот то, ради чего затевалась вся история с книгопечатанием в Иркутске.

Пётр Иванович Макушин родился 12 июня 1844 в сельце Путино, Оханского уезда, Пермской губернии. Семья его жила бедно — отец был сельским дьячком, но с ранних лет детей вовлекали в помощь по хозяйству — смотрели за курами, копали картошку, жали хлеб, ходили в лес по грибы и ягоды.

Первым серьезным учителем стал родной дядя, отец Стефан, священник из села Ильинского. Закончив два года обучения в начальном приходском училище, летом 1855 года Петра приняли сразу во второй класс Пермского духовного училища [6].

В 1863 году поступил по конкурсу в Санкт-Петербургскую духовную академию.

В середине 1860-х годов Макушин по приглашению инспектора Академии архимандрита Владимира вступил в алтайскую духовную миссию и уехал на Алтай, где занимался организацией «центрального миссионерского училища» для туземных мальчиков из новокрещённых, занимаясь их обучением. В 1867 году он организовал такую же школу для девочек и устраивал беседы и чтения с взрослыми.

В 1868 году Макушин переехал в Томск смотрителем духовного училища, но скоро оставил службу.

В 1868 году создал платную публичную библиотеку в Томске, а в 1873 году совместно с купцом Михайловым открыл первый в Сибири книжный магазин.

Макушин — издатель и редактор «Сибирской газеты» (1881—1888 гг.), «Томского листка» (1894—1897), ежедневной газеты «Сибирская жизнь» (1897—1905 гг.), в которых принимали участие политические ссыльные, в том числе большевики. После Октября работал в советской книготорговле в качестве члена правления Сибгосиздата, был заместителем председателя сибирского отделения общества «Долой неграмотность» [4].

Пётр Иванович уделял большое внимание общественной деятельности. В 1870 г. им учреждена Публичная библиотека в Томске, в 1882 г. Общество попечения о начальном образовании, В 1881—1890 гг. две женские рукодельные школы, студенческая столовая, Общество пособия вечерним образовательным классам.

В 1912 г. учреждён «Дом науки», в 1915 г. Детский очаг для призрения 100 детей, в 1916 г. Народный университет в Томске [1].

Кроме того, Макушин был организатором большого количества просветительных мероприятий. В период с 1875 по 1895 года Петр Иванович проводил публичные чтения и лекции, воскресные школы, вечерние рисовальные классы для ремесленников, классы ручного труда, летние курсы ручного труда для сельских учителей.

Макушин принимал деятельное участие в городском общественном управлении как гласный Думы в течение 40 лет. Он возглавлял 15 лет городскую училищную комиссию, 18 лет председательствовал в обществе содействия открытию сельских бесплатных библиотек [6, с. 9—10].

Пётр Иванович не обходил стороной и меценатскую деятельность. Его пожертвования на содержание гимназий, библиотек, на стипендии для учащихся, строительство разных образовательных и просветительных учреждений, в общей сложности, составили 600 тысяч рублей [1].

Основная деятельность Петра Ивановича осуществлялась в Томске. Однако стремления к просвещению всех жителей Сибири, толкали Макушина к освоению других городов. Одним из таких городов был Иркутск.

В Иркутске в 1875 году появился первый книжный магазин. Но наибольший вклад в развитие книжного дела в Иркутске внёс Пётр Иванович.

В феврале 1893 г. Пётр Иванович приезжает в Иркутск для организации филиала магазина. Приказчиком был назначен В.М. Посохин. Открытие отделения Томского Сибирского книжного и писчебумажного магазина П.И. Макушина и В.В. Михайлова в Иркутске произошло 25 июля 1893 г. временно был арендован каменный дом во дворе принадлежащей В.П. Сукачёву усадьбы на Ивановской площади (ныне — площадь Труда), где решено было разместить магазин, переплётную мастерскую и небольшую типолитографию. На напечатанных книгах этого периода значилось: «Типо-литография П.И. Макушина. Ивановская площадь, дом Сукачёва».

В 1903 г. магазин после одного переезда, вновь перемещается — в специально построенное для него просторное здание из красного кирпича (ныне — ул. К. Маркса, 11). На фасаде красовалась надпись: «Торговый дом П.И. Макушина и Вл. М. Посохина». 10 января 1902 г. В.М. Посохин и П.И. Макушин заключили договор полного товарищества с открытием предприятия по выпуску книжной продукции, куда вошли контора, типография, магазины, склады, мастерские [3]. Совладельцем магазина стал двоюродный брат Макушина В.М. Посохин. Так как П.И. Макушин жил в Томске, то все дела торгового дома были в руках Посохина.

В новом магазине торговали книгами, местными и петербургскими газетами и журналами. В продаже были также учебники, тетради, писчая бумага, металлические писчие перья. Гордостью магазина стал отдел музыкальных инструментов с прекрасным подбором нот. Штат

сотрудников был значительно увеличен: к 1903 г. их было около 300. В 1909 г. был открыт специализированный отдел по продаже книг польских авторов, в 1912 г. в продажу поступил впервые напечатанный в типографии Торгового дома сборник на бурятском языке. В целом же, к 1911 г., ежегодно типографией издавалось более 30 наименований книг общим тиражом 23 тыс. экземпляров, многие из которых составили цвет иркутской краеведческой литературы начала XX в. Выпускал Торговый дом и газеты: «Иркутская жизнь», «Голос Иркутска», «Сибирская жизнь», «Наша мысль», «Вестник Забайкальской железной дороги». В книжном магазине комплектовались фонды народных библиотек, библиотек гимназий и церковно-приходских школ всей губернии. К 1917 г. магазин имел до 50 тыс. наименований книг по всем отраслям знаний.

Товары в магазине продавались с минимальной наценкой, однако, Макушин, не будучи хорошим коммерсантом, умело извлекал из своего книжного дела солидную прибыль за счёт хороших отношений со многими крупными торговыми представителями в Петербурге, а также за счет оптовых скидок за большие партии книг. Ещё одним пунктом доходов была продажа сопутствующих канцелярских принадлежностей и прибыль от работы типографии. К началу XX века Петр Макушин стал одним из богатейших людей Томска.

До последних дней Пётр Иванович работал не покладая рук. В 1926 году, занимаясь разборкой книг, Он про-

студился и больше уже не вставал. 4 июня 1926 года, не дожив неделю до 82 лет, П.И. Макушин скончался. Траурные сообщения и некрологи появились в Томских и Новосибирских газетах. Все они отмечали заслуга П.И. Макушина в деле просвещения народа [5, с. 10].

Просветительская, меценатская и педагогическая деятельность Петра Ивановича была обширна. Несмотря на тяжелое детство и юность, этот человек, смог исполнить большую часть своих мечтаний и планов. Но при оценке личности Макушина следует избегать соблазна его обожествления. Пётр Иванович был тяжелым человеком, что, впрочем, нисколько не умаляет его заслуг [2, с. 4].

Несомненно, Пётр Макушин оказал большое влияние на развития книжного дела, а также просветительской деятельности в городе Иркутске. Открытый им магазин и типолитография являлись необходимостью для нашего города. Фирма Макушина и Посохина являлась образцом и показателем должного уровня для многих типографий Иркутска, недаром на ее базе после национализации созданы крупнейшие в Восточной Сибири книготорговые, полиграфические предприятия, а первая областная типография по праву вновь названа именем В.М. Посохина. Обширная деятельность магазина удовлетворяла интересы разных слоёв населения. Комплектование фондов библиотек на базе книжного магазина, выпуск различных газет, пропаганда книги — всё это двигало луч знаний и надежды на просвещение Иркутска и всей Сибири.

Литература:

1. Буклет «К 80-летию со дня рождения. 13.VI.1844—13.VI.1924». Краткий очерк его общественной деятельности. — М.: Томск, 1924.
2. Гахов., В.И. Меценат, и коммерсант удачливый / В. Гахов // Красное знамя. — 2001. — 7 июня. — с. 4.
3. Казанцева, Л.А. Приангарье: годы, события, люди: календарь знаменат. и памят. дат Иркут. обл. на 2010 г./ сост. Л.А. Казанцева, И.П. Бедулина; ред. Е.П. Малованюк. — Иркутск: изд. Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ки им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2009. — 224 с.: ил. 208—212
4. Краткая литературная энциклопедия в 9-ти томах. Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», т. 4, М., 1967
5. Петр Иванович Макушин: библиографический указатель, хроника жизни и деятельности, биография: к 150-летию со дня рождения / Том. обл. науч. б-ка им. А.С. Пушкина, краеведч. отд.; [науч. ред. и сост. Н.М. Дмитриенко; сост.: О.Г. Никиенко, Л.С. Траксель, Т.Д. Баймлер]. — Томск: Б. и., 1994. — 83 с.;
6. Сталева, Т.В. Сибирский просветитель Пётр Макушин. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Рус. Двор, 2001.

Церковная реформа. Петр I

Нестеров Владимир Владимирович, студент;

Сысоев Никита Александрович, студент

Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

Данная статья посвящена исследованию церковных преобразований проведенных Петром I: рассмотрены и проанализированы различные методы проведения мероприятий направленных на подчинение церкви государственному аппарату власти.

Ключевые слова: церковь, реформа, радикализм, государственно-церковные отношения, естественное право, монархия, Петр Великий, Московское царство, церковная реформа.

Многие исследователи отмечают, что причины столь радикального реформирования управления церковью следует искать в её предшествующей истории. Необходимо вспомнить о том, что в самой идеологии византизма, пришедшей на Русь вместе с православием, была заложена идея сильной государственности, охватывающей все социальные институты, в том числе и церковь. Вне государства, с точки зрения этой идеологии, не может развиваться ни одно общественное образование. Высшие церковные иерархи Византийской империи эту мысль хорошо усвоили и самим своим положением, как им казалось, должны были защищать интересы государственной власти [1; 2; 3; 4].

Преобразования Петра I вызывали большое недопонимание со стороны боярства и духовенства. Возглавлявший церковь патриарх Адриан прямо высказывался против нововведений навязываемых Петром I — «ношения иноземного платья и бритья бороды». Так например, в день казни стрельцов-бунтовщиков на Красной площади патриарх, моля об их пощаде, с крестным ходом пришёл к Петру в Преображенское, но царь его не принял. В последствии после смерти патриарха Адриана Пётр I решил не назначать нового патриарха, вокруг которого могли бы сосредоточиться противники преобразований. Вместо сана патриарха была учреждена должность «местоблюстителем патриаршего престола», которым стал рязанский митрополит Стефан Яворский. «Блюститель патриаршего престола» был полностью подконтролен и подотчетен царю.

В то же время по отношению к протестантам и представителям римской католической церкви царь относился терпимо и разрешал им совершать свои богослужения. Терпимо относился Пётр вначале и к раскольникам, но близость видных сторонников раскола к царевичу Алексею резко изменила дело. Раскольники были обложены двойным подушным окладом, не допускались к государственной службе и должны были носить особое платье. Раскольники видели в бритье бороды уродство, изменение человека, созданного по «подобию бога». Отличие русского человека от иноземцев в представлении раскольников было в бороде и длинной одежде. В рядах раскольников ходила легенда о том, что царя подменили на иноземца в Стокгольме после того, как царь и его подчиненные брились, курили табак и расхаживали в иноземных платьях.

Во время своего первого путешествия за границу Петр интересовался европейской церковной жизнью. Более двух часов Петр беседовал с английским королем и его дочерью на темы обустройства Англиканской Церкви. Во время этого разговора английский монарх посоветовал русскому царю «сделаться самому главой Русской Церкви, чтобы располагать всей полнотой государственной власти, по примеру Англии». И когда Пётр побывал в Саксонии, на родине Мартина Лютера, протестантский дух церковного устройства окончательно захватил Петра. Стоя перед ста-

туйей первого реформатора, Петр заявил: «Сей муж, для величайшей пользы своего государя, столь мужественно наступал на жадного до власти папу, что подлинно заслужил величайшего почтения от своего народа». Петр считал, что церковь должна именно приносить пользу государству и не иметь, как католическая, каких-то прав на власть.

Все церкви, находящиеся на территории какого-либо государства, зависят от главы этого государства, согласно протестантскому церковному устройству в высшем своем управлении. Такое устройство полностью совпадало с идеями церковного преобразования Петра, ведь он хотел, чтобы государь мог не только без чьих-либо нареканий вмешиваться в дела Церкви, но и управлять ею. Несмотря на все это, Пётр смог воплотить свой замысел в жизнь лишь через 20 лет. Для исполнения ему необходим был единомышленник в церковной среде, и он нашёл его в лице киевского архимандрита Феофана (Прокоповича). Весь процесс церковной реформы протекал в полном секрете от Церкви и её иерархии.

Дореволюционная теория права не видела разницы между церковью и любым другим союзом, подчиненным верховной власти и содействующим целям общественного благополучия. Светская власть признавала себя вправе заведовать церковью так же, как и всяким иным учреждением или союзом. К началу XX в. завершилась религиозно-церковная эволюция, начало которой положили преобразования Петра I. Принятые реформы уничтожили самостоятельность Русской православной церкви и духовенства. Из за прикрепления к государственной службе, духовенство стало служилым классом. Утратив свою независимость, церковь превратилась в государственную исповедальню. Так же церковь стала своего рода «средством массовой информации» государственной власти: указом 1718 г. было велено обязательно ходить в церковь в воскресные дни и праздники, так как там после обедни читались новые указы, о которых не умеющие читать могли узнать только во время таких слушаний. Таким образом, количество людей ходивших в церковь не уменьшалось.

Церковь также была привлечена к пропаганде полезных для самодержавия идей и мероприятий, включая кредит, страхование и форм ведения сельского хозяйства. Однако черному духовенству было поручено дело просвещения и благотворительности, а кроме того — обязанность ведения монастырских штатов [5; 6]. В целом все духовенство было привлечено на государственную службу и составило особый служилый класс государственной духовной службы. Также Петр I отвергал все просьбы высшего духовенства об избрании патриарха.

Впервые Петр упомянул о грядущей реформе лишь в 1718 году, отвечая на очередную жалобу патриарха. Царь заявил, что «впредь для лучшего мнится быть духовной коллегии, дабы удобнее было и возможно исправлять такие великие дела как церковное управление». Не долго

думая он поручил Феофану, который стал уже Псковским епископом, написать проект этой коллегии и слово в ее защиту. Принятие Духовного регламента фактически превратило русских священнослужителей в государственных чиновников, тем более что для надзора за Синодом было поставлено светское лицо — обер-прокурор.

Церковная реформа осуществлялась параллельно с податной реформой. Проводился учет и классификация священников, а низшие их слои были переведены в подушный оклад. С помощью Церковной реформы Петр I мог воздействовать на людей через церковь, внедряя свою политику через церковные институты. Петр осуществил церковную реформу, выразившуюся в создании коллегиального (синодального) управления русской церковью [7].

Уничтожение патриаршества наглядно продемонстрировало устремление Петра I реорганизовать и полностью подчинить всю структуру православной церкви государственной власти. Уничтожение сана главы-церкви автоматически возлагало эти полномочия на царя и подчинение «духовной власти» «светской». Более того, он широко использовал институты церкви для проведения полицейской политики. Превращение церкви в бюрократическую кон-

тору, стоящую на охране интересов самодержавия, обслуживающую его запросы, означало уничтожение для народа духовной альтернативы режиму и идеям, идущим от государства. Церковь стала податливым средством власти и тем самым во многом потеряла уважение народа, впоследствии так безразлично смотревшего и на ее гибель под обломками самодержавия, и на разрушение ее храмов.

В результате церковной реформы на территории Российской империи в результате петровских преобразований установился некий «цезарепапизм» который был свойственен для Западной Европы эпохи Реформации. Такое положение вещей было элементом «показательности», но не как не признанием со стороны верующих масс населения. Государственная регламентация духовной жизни носила поверхностный характер применения в большинстве случаев и иногда воспринималась обывателями как «дань моды». Общество было запуганно и скованно нововведением Петра I — это в свою очередь являлось одним из самых прочных пороков петровской реформы. И в дальнейшем русское церковное сознание долгое время развивается под двойным торможением — административным приказом и внутренним испугом.

Литература:

1. Белкин, А. И К вопросу о причинах церковной реформы Петра I (методологический аспект) // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2010. № 2. с. 64–72.
2. Гражданское общество в российских регионах / Акимова М. К., Брызгалова И. Г., Гужавина Т. А., Каргин Ю. Ф., Котляров С. Б., Кукушкин О. В., Персиянцева С. В., Чичеров Е. А. Коллективная монография / Главный ред. Гужавина Т. А. Новосибирск: НП «СибАК», 2015. 140 с.
3. Дьяконов, А. А. Основные особенности социокультурной трансформации в России: политологический аспект // Система ценностей современного общества. 2012. № 23. с. 342–346.
4. Моисеева, Е. Н. Система социального служения русской православной церкви в регионе: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук. Саранск, 2010. 26 с.
5. Хасянов, О. Р. Объединенное дворянство и проекты аграрного преобразования России в начале XX века / В сборнике: Аграрная политика: от Столыпина к современности Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина. Редколлегия: Н. В. Цугленок, Н. Г. Филимонова. Красноярск, 2012. с. 100–104.
6. Чичеров, Е. А. Система наказаний по российскому уголовному законодательству XVII в. / Кооперация в системе общественного воспроизводства. Материалы Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Б. Ф. Кевбрин. Саранский кооперативный институт РУК. Саранск, 2013. Часть 2. с. 181–185.
7. Проблемы реализации прав человека: история и современность: Сборник научных трудов по материалам III Всерос. науч. — практич. конф., 11 декабря 2013 г. / редкол.: И. Е. Повереннов, В. В. Шабаев. Саранск, 2014. 104 с.

Ветка ели. Представления о флоре в народной культуре

Руднев Вячеслав Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт этнологии и антропологии РАН

Ключевые слова: народная культура, предсказание погоды, флора, ель

Освоение природы — одна из наиболее сложных форм деятельности человека. Исторически, жизнеобеспечи-

вающая деятельность общества сопряжена с историей освоения природы обществом. Сохраняющаяся глобальная

зависимость общества от природы, определяет сегодня актуальность обращения к вопросам истории освоения природы обществом. Флора и фауна — основные объекты внимания человека на протяжении истории развития общества. Внимание общества к природе имеет свои особенности в каждую эпоху. Однако глобальная зависимость общества от природы, а также сложный характер взаимозависимостей в природе и ограниченные знания человека о природе, определяют особое внимание общества к освоению природы. Проблема использования природы при решении вопросов питания, лечения, организации жизнеобеспечивающей деятельности — актуальна для общества любой эпохи и, в силу этой универсальности, предоставляет возможность для проведения сравнительных исследований способствующих уточнению истории культуры жизнеобеспечения и, в частности, истории культуры до индустриального общества.

Непосредственная зависимость человека до индустриального общества от природы, своеобразие его представлений об окружающем мире, сложно влияли на специфику его видения мира. Это хорошо демонстрируют представления о флоре, зафиксированные в народной культуре. Исторически, деревья занимали особое место в культуре жизнеобеспечения народов Евразии. Традиционно, деревья использовались в строительстве и при лечении болезней; они служили важными фенологическими индикаторами и топливом. Столь многообразная зависимость человека до индустриального общества от флоры (в частности, деревьев) нашла отражение в народной культуре. Исследователи, обращавшиеся к изучению поверий народов Европы, связанных с деревьями, отмечают что сложное многообразие характерных черт (которыми наделено дерево в культуре народов Евразии), сводится к идее, что дерево — живое существо: «Дерево — двойник человека, разделяющий его судьбу; дерево — вместилище его души; дерево — тотем; дерево — местопребывание духа; дерево — фетиш; душа дерева, способная отделяться от него (дриада) или неотделимая (гамадриада); дух дерева, наказывающий за непочтительное к нему отношение, карающий за попытку срубить его; дерево — носитель плодоносных сил, посылающий урожай (вегетативный демон), носитель эротической потенции; дерево — оракул; дерево — очаг разрушительных сил («буйная береза», «прокудливая береза») и многое другое» [1, с.157].

Деревья (каждая порода деревьев) имели в народной культуре свое определенное практическое применение (например, русские крестьяне лиственницу и сосну использовали для строительства изб, а из липы, клена, рябины и осины вырезали ложки; дубовые желуди использовали на корм скоту, а из березовых почек варили лечебные отвары) и эти различия были жестко закреплены в народной культуре. Представления о флоре в народной культуре (в частности о деревьях) были сложно связаны с локальными природно-климатическими условиями и своеобразием культуры жизнеобеспечения

и спецификой видения мира. Это иллюстрируют, например, представления о ели зафиксированные в культуре народов Евразии.

Ель, однозначно ассоциирующаяся сегодня с торжествами по случаю Рождества и Нового года, лишь недавно приобрела эти функции (использование ели в такой форме начало распространяться по миру из Эльзаса лишь с XVIII века). Ранее ель рассматривалась как строительный материал, топливо и средство защиты от злых духов (колючие иглы активно способствовали появлению представлений о апотропеических свойствах ели). Например, немцы, оберегая скот и заботясь о его плодovitости, ставили у хлебов елочки для каждой коровы (до XIX века). Начиная строительство дома, ветви ели подкладывали под четыре угла дома, чтобы предохранить дом от опасных молний и гроз. С этой же целью веточки ели хранили под кроватью (Германия) и привязывали к яблоням в саду. В Восточной Европе традиционно старались не иметь ель около дома, где живет молодая семья (чтобы они не остались бездетными). В Сибири и на Европейском Севере местные жители наблюдали за положением ветвей на ели, чтобы предсказать погоду (перед дождем ветви в кроне дерева опускаются). В лесной зоне России крестьяне, занимавшиеся земледелием, пчеловодством и охотой использовали для предсказания погоды сухую еловую ветвь в качестве примитивного «барометра». Ветвь (отрезанную от ели вместе с частью ствола дерева и очищенную от коры) прикрепляли (за стволочную часть) к стене сарая (или избы) горизонтально (чтобы ветка могла свободно перемещаться по вертикали). Изменение положения ветви перед дождем (и сухью) фиксировались зарубками на стене. Обычно перед дождем конец ветви опускается вниз, а к погоде сухой и ясной поднимается вверх. Предсказания такого народного «барометра» ценились крестьянами весьма высоко, а амплитуда колебаний еловой ветви была велика.

Сложное соединение объективных наблюдений и ирреальных представлений характерно для всего массива народных представлений о флоре, зафиксированных в культуре народов Евразии. Это хорошо иллюстрируют народные представления связанные с дубом — деревом широко распространенным в Европе. Традиционно дубу уделялось особое внимание в культуре народов региона. Мощный ствол, крепкая древесина, долговечность (дубы, подчас, достигают 2000 летнего возраста) сделали это дерево символом величия, а его древесина использовалась в особых случаях. Как известно, во время грозы молнии часто поражают именно дуб. Возможно это обстоятельство сыграло роль важного дополнительного аргумента, обеспечившего дубу, в народных представлениях, «связь» с богами: Зевсом (верховным богом античных греков) и Юпитером (у римлян). Листья дуба неизменно присутствуют в венках, которыми отмечают героев и победителей, а кора дуба традиционно используется в лечебных целях (как сильное вяжущее средство и укрепля-

ющее кровеносные сосуды). В народных представлениях дуб, связанный с богами, часто был предметом поклонения.

Возможно особо почтительное отношение к дубу нашло отражение в представлениях и об омеле — растении нередко паразитирующем на дубе. Дж. Фрэзер в исследовании «Золота ветвь» упоминает предание, согласно которому судьба членов одного семейства в графстве Перт (Шотландия) была неотделима от омелы, растущей на огромном дубе [2, с. 780]. Шотландцы верили, «что ветвь омелы, срезанная с этого дуба новым кинжалом в канун дня Всех Святых, — перед этим надо было трижды обойти вокруг него в направлении движения солнца и произнести заклинание, — служила надежным средством от любых колдовских чар и верной защитой на поле битвы» [3, с. 780]. Можно предположить, что именно симбиоз дуба и омелы определил особую популярность омелы в народной культуре шотландцев. Традиционно, шотландцы клали ветви омелы в детские колыбели, считая, что это лишает фей возможности превратить малышей в эльфов [4, с. 780].

Следует отметить, что современная медицина считает, что омела весьма полезна при лечении гипертонии и как кровоостанавливающее средство. Исследователи не исключают, что растущая на дереве (иве, дубе, липе) омела биологически особенно активна. Этот эффект определяется состоянием питающего растения.

Долговременные эмпирический опыт использования еловых веток нашел отражение в культуре народов населяющих регион распространения хвойных деревьев. Отвар из молодых еловых шишек сегодня используют при лечении цинги, воспалительных заболеваний органов дыхания. Колючие еловые ветви используют в садоводстве (чтобы обезопасить стволы яблонь от повреждения

коры зайцами). Древесина ели, как и раньше, используется в строительстве. Энтузиасты, проверившие работу примитивного «барометра» из еловой ветви, убеждены в его полезности для предсказания погодных изменений за 8–12 часов [5].

Очевидно, что именно такие особенности ели как колючесть, пахучесть, неизменный зеленый цвет иголок способствовали не только появлению особого внимания к дереву и выявлению свойств ели, но и применению ели в качестве апотропея (оберегающего от гроз и горя).

Амбивалентное отношение к флоре, отмечаемое в народной культуре, предопределено сложным чувством страха перед неизвестной реальностью и признательностью миру за позитивные возможности которые предоставляет человеку флора. Фактически, именно широкое внимание к окружающей среде, характерное для общества до индустриального периода, способствовало выявлению связей между отдельными природными явлениями, что фиксировалось не подвергаясь анализу. Объединение наблюдаемых объектов и явлений по цвету, запаху, определенному времени суток, фазе луны и т.п. (при систематизации наблюдений) объективно способствовало как выявлению неизвестных связей в природе так и вело к ошибкам, к появлению суеверий. Примеры представлений о свойствах флоры, зафиксированные в народной культуре, это иллюстрируют.

Сегодня, когда в результате избыточного прессинга индустриального общества на природу проблема сохранения природы и более последовательной адаптации хозяйственной деятельности общества к экологическим возможностям планеты стоит особенно остро, интерес к системным взаимозависимостям в живой природе (к моделям щадящего природопользования), зафиксированным в народной культуре, особенно велик.

Литература:

1. Токарев, С.А., Филимонова Т.Д. Обряды и обычаи, связанные с растительностью // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. М., «Наука», 1983, с. 157.
2. Фрэзер Джеймс Джордж Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., Политиздат, 1980. с. 780
3. Фрэзер Джеймс Джордж Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., Политиздат, 1980. с. 780
4. Фрэзер Джеймс Джордж Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., Политиздат, 1980. с. 780
5. Сайт источник: www.fozet.com

К вопросу об организации охраны банков в 1920-е годы в Самаре

Самуилова Марина Олеговна, аспирант

Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королёва
(Национальный исследовательский университет)

В данной статье сделана попытка показать деятельность административных органов г. Самары по созданию условий безопасной работы Самарских отделений Промышленного и Государственного банков СССР.

Существующая в начале 1920-х гг. система охраны банков не соответствовала предъявляемым требованиям безопасности кредитно-финансовых учреждений. Использование вольнонаемных сторожей, а также

привлечение сотрудников к охране материальных ценностей выявило их неспособность обеспечить безопасность нормального функционирования банков [1, с.54].

В годы Гражданской войны появились деклассированные элементы, которые в 1920-е годы нарушали законность, усилились грабежи и нападения. Учитывая это обстоятельство, СНК РСФСР 6 февраля 1924 года принял Постановление «О ведомственной милиции» для обеспечения безопасности государственной собственности, в том числе и банков, от посягательств преступных элементов. В нем подчеркивалось, что «охрана разного рода имущества, принадлежащего предприятиям и учреждениям возлагается на существующую общую милицию с передачей ей всех обязанностей по охранению общественного порядка, спокойствия и революционной законности в пределах территорий, занимаемых вышеуказанными предприятиями и учреждениями» [2, с.317]. На основании этого Постановления повсеместно создавалась «ведомственная милиция». Содержание её возлагалось на заинтересованные в охране ведомства и предприятия. В Постановлении также отмечалось, что местные административные отделы милиции по согласованию с администрацией охраняемых предприятий могли разрабатывать должностные инструкции для ведомственных милиционеров [2, с.317].

Однако реализация положений Постановления СНК РСФСР от 6 февраля 1924 г. вступала в силу очень медленно. Это мешало борьбе с преступными элементами. Так, в марте 1925 года были похищены облигации центральных Народного комитета финансов СССР [3, л. 6]. В апреле того же года из кладовой готовых изделий Фабрики изготовления Государственных знаков НКФ СССР были похищены две пачки с казначейскими билетами [3, л. 9].

9 октября 1925 г. на совещании при Самарском Губернском административном отделе (ГАО) начальник милиции Кострицин отмечал, что новый вид зла — это хулиганство. На это есть два выхода: усиление сети ведомственной милиции и использование института сельских исполнителей [4, л. 4]. Это было актуально, поскольку в Самаре в этот период увеличилось количество преступлений. Очаги этого общественного зла особенно проявлялись в публичных местах и на окраинах города [5, л. 173].

В связи с этим, 1 октября 1925 года Самарский Губернский административный отдел за подписью Кострицина отправил письмо управляющему Самарским отделением Промбанка М. Ф. Яшанову, в котором сообщалось, что в августе 1925 г. в Саратове было ограблено отделение Промышленного банка, а в сентябре стало известно об ограблении Выксунского агентства Государственного банка Нижегородской губернии. Самарский Губернский административный отдел предупреждал, что Самара не застрахована от грабежей, как крупный центр, расположенный на узле железнодорожных путей, а также

находящийся в центре водного пути Волжского бассейна, привлекающий преступный элемент разных категорий. К тому же из практики прошлых лет наступление осени всегда увеличивает преступность. Естественные условия момента этому благоприятствуют, а именно: продолжительность и темнота ночей, ненастье. Поэтому ГАО обращал внимание на то, что и Самарские банки также не застрахованы от нападений [6, л. 12]. В целях безопасности и своевременного предотвращения ограблений подраздел уголовного розыска ГАО рекомендовал принять следующие меры: устанавливать кассы в безопасных местах, не допуская их посещения посторонними лицами, устранить постоянное скопление народа, установить тесную связь с уголовным розыском. Указывалось на необходимость принять одного сотрудника уголовного розыска, который будет постоянно находиться в учреждении и представлять надежную, вооруженную охрану. Банк должен был содержать охрану из собственных средств. ГАО определил и предварительное содержание сотрудников: жалование 60 рублей в месяц и обмундирование — зимнее и летнее [6, л. 12 (об.)].

Администрация Самарского отделения Промышленного банка СССР, изучив рекомендации ГАО, приняла решение об установке сигнализации и создании штата милиционеров для охраны. Подобные решения были приняты и в Самарском отделении Государственного банка СССР.

28 октября 1925 г. Правление Промбанка в Москве разрешило Самарскому отделению израсходовать 1800 рублей на переоборудование секретной сигнализации [6, л. 13].

Решение этого вопроса было вынесено на совещание управляющих Самарскими банками об организации охраны банков 12 января 1926 г. Совещание проходило в кабинете управляющего Самарским отделением Государственного банка [6, л. 35]. Руководство работ по устройству сигнализации было возложено на Государственный электротехнический трест Высшего совета народного хозяйства. В апреле 1926 г. установка сигнализации в Промбанке и Госбанке была завершена [6, л. 52].

Самарские отделения Промбанка и Госбанка заключили договора с Губернским административным отделом о формировании ведомственной милиции для охраны имущества банков. В Промбанке был сформирован штат в составе трех младших милиционеров для обслуживания одного поста [7, л. 14]. Штат ведомственной милиции Госбанка состоял из девяти человек, поскольку Госбанк был более крупным. В его составе было восемь младших и один старший милиционер. В Госбанке было учреждено три поста для охраны: у главного входа, внутри помещения и наружный [6, л. 33].

В соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 6 февраля 1924 г. содержание сотрудников ведомственной милиции возлагалось на предприятия, которые были заинтересованы в охране. В соответствии с договорами, заключенными в октябре 1925 г. между ГАО и Промбанком,

а также Госбанком, в пакет содержания охраны входили: обмундирование, зарплата, взносы в Стражассу, обслуживание месткома, что составило сумму пятьдесят два рубля ежемесячно [7, л. 14 (об.); 5, л. 33].

Для дежурных милиционеров, охраняющих Самарское отделение Промбанка были разработаны правила Самарским Губернским административным отделом [6, л. 41]. Эти же правила действовали и в Госбанке. Согласно правилам, во время совершения операций банк охранялся двумя милиционерами, один из которых находился в операционном зале непосредственно у кассы, а другой наблюдал за входящей публикой. По окончании операций наружная входная дверь в банк запиралась охраной, после всего прекращался всякий доступ посторонних лиц в помещение банка. Ключ от двери находился у дежурного милиционера, который выпускал клиентов, впускал и выпускал сотрудников банка, а также принимал телеграфную и спешную письменную корреспонденцию [6, л. 41]. Таким образом, охрана должна была выполнять некоторые не свойственные ей функции.

С 9 декабря 1925 года «в интересах лучшей охраны банка» в Государственном банке была введена система пропусков. Все посетители и сотрудники (в том числе и проживающие в здании Госбанка) должны были предъявлять дежурному милиционеру пропуск [8, с. 90–91].

В связи с отсутствием в стране эффективного аппарата оптовой торговли Госбанк, а также Промбанк были вынуждены осуществлять торговлю товарами, принимая от клиентов в погашение платежей заложенные товары и реализуя их на рынке. Охрана товарных запасов также создавала дополнительные проблемы банкам [8, с. 82]. 14 апреля 1926 г. управляющий Промбанком В. И. Зендлер обратился в Самарский ГАО со срочным письмом, в котором содержалась «просьба о выделении двух милиционеров для охраны заложенного товара Муктреста в складах при мельнице, находящейся в селе Хрящевке близ пристани Хрящевки на Волге, выше Ставрополя на срок от одного до двух месяцев» [6, л. 37]. ГАО оперативно отреагировал и 26 апреля был заключен договор с Промбанком о выделении милиционеров для охраны состоящего в залоге у банка зернохлеба, продукции перемола и тары, помещающихся на мукомольной мельнице и в зерноскладах в селе Хрящевке Мелекесского уезда и принадлежащих Муктресту [7, л. 45].

Согласно всем положениям, регулирующим организацию и деятельность ведомственной милиции, она не несла материальную ответственность за сохранность находящегося под ее охраной имущества [1, с. 56]. К несению службы милиционеры относились пренебрежи-

тельно. В нерабочее время они включали без всякой надобности электричество, открывали окна и т.д. Так, например, в Промбанке в ночь с 6 на 7 августа 1926 г., когда дежурил милиционер Сивоклоков, оказалось разбитым окно в комнате машинисток [6, л. 45].

На совещании административных работников при ГАО 6 марта 1926 г. Быковым было отмечено, что, работая в комиссиях по набору личного состава, он заметил, что большой прилив в ряды милиции составляет крестьянство, прибывшее в город на заработки. Рабочие городов шли на службу неохотно, в основном не имеющие средств к существованию [4, л. 19 (об.)].

Народный комитет финансов не был заинтересован в замене сторожевой охраны на ведомственную милицию, так как по расчетам, представленным в СНК РСФСР 4 апреля 1924 года содержание сторожа обходилось в 12–18 рублей в месяц, а сотрудника ведомственной милиции в 30 рублей [1, с. 55].

В сентябре 1926 г. Промбанк получил письмо от инспекции Правления, в котором говорилось о необходимости сокращения штата ведомственной милиции, так как не хватало средств [6, л. 62]. В целях выполнения указаний Правления для дневной охраны был оставлен один милиционер и один агент уголовного розыска отдела, который осуществлял функции инкассатора. В Советском государстве отсутствовал специальный орган, осуществляющий эту деятельность. Охрана банка ночью возлагалась на сторожа, которому на ночь выдавалось оружие. В результате расходы по содержанию охраны сократились на 50% [6, л. 60].

14 марта 1927 года Правление Госбанка СССР отравило администрации территориальных подразделений циркуляр, в котором обращалось внимание на то, что «... должно быть отдано предпочтение тому виду охраны, который окажется дешевле, учитывая, однако, и качество таковой (ведомственная милиция, ГПУ, вольнонаемные сторожа банка и т.д.)» [1, с. 55].

Таким образом, молодому развивающемуся государству приходилось одновременно решать много задач экономических и социальных, в том числе оно пыталось решить вопрос безопасности банков. Но стремясь сэкономить финансовые средства, власть перекладывала решение этого вопроса на сами учреждения. Советские банки в 1920-е годы столкнулись с проблемой охраны банков, но из-за тяжелого финансового положения в стране и недостатка средств на местах для осуществления своих основных задач были вынуждены отказаться от некоторых форм охраны. Эта проблема оставалась открытой.

Литература:

1. Ерин, Д. А. Некоторые аспекты правовой регламентации деятельности ведомственной милиции по охране кредитно-финансовых учреждений и организаций РСФСР в период новой экономической политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6. Ч. II. С. 54–57.

2. Ерин, Д. А. Подзаконное нормотворчество должностных лиц советской милиции в сфере обеспечения охраны социалистической собственности в первые годы нэпа // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 317–319.
3. Центральный государственный архив Самарской области (далее ЦГАСО). Ф.Р-2298 Оп.1 Д. 6.
4. ЦГАСО. Ф.Р-857. Оп.6. Д.194
5. ЦГАСО. Ф.Р-857. Оп.6. Д.59.
6. ЦГАСО. Ф.Р2298. Оп. 1. Д.17.
7. ЦГАСО. Ф.Р-857. Оп.6. Д.533.
8. Банк России — Самара / под ред. В. Б. Лазуткина. Новосибирск: Деал, 2012. 581 с.

К вопросу о возникновении русского коллаборационизма в годы Второй Мировой войны

Сафонов Виталий Владимирович, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)

В статье кратко раскрывается суть понятия «коллаборационизм», рассматриваются основные причины возникновения русского коллаборационизма в годы Второй Мировой войны. Делается вывод о пересмотре данного явления и отношения к нему, сохранившегося с советского периода.

В истории России XX в. занимает одну из лидирующих позиций по значимости происходивших за данный период явлений. Драматичность событий Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, до сих пор жива в памяти народа. Однако нужно понимать, что война — это не только военно-политическое столкновение двух или более государств. В военное время происходит множество иных явлений, невозможных вне этого времени. Одним из таких феноменов является коллаборационизм. Это понятие крайне политизировано и, на мой взгляд, не поддается полностью объективной оценке. Согласно толковому словарю иноязычных слов, «коллаборационизм — это сотрудничество жителей оккупированной страны с оккупантами» [9]. Очевидно, что коллаборационизм можно разделить на культурный и военный, добровольный и принудительный и т.д. Михаил Иванович Семиряга, советский военный и научный деятель, в своем обширном труде «Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны» утверждает, что «ни одна армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с населением этой страны. Без сотрудничества оккупационная система будет недееспособна и неосуществима. Она нуждается в переводчиках..., знатоках политического строя, местных обычаев и т.д. Комплекс взаимоотношений между ними и составляет сущность коллаборационизма» [5]. Однако, несмотря на то, что это явление не ново само по себе, особую актуальность оно приобрело именно к середине XX в. благодаря своей массовости и значимости в мировой истории. Для русской истории проблема коллаборационизма актуальна, на мой взгляд, тем, что во время войны по примерным оценкам экспертов от 300 тысяч, что

является минимумом, признанным историками, до 3 миллионов граждан Советского Союза активно сотрудничали с немецко-фашистскими оккупантами [6].

Несомненно, во всех полностью или частично захваченных Третьим Рейхом странах и среди военнопленных были коллаборационисты, избравшие свой путь по различным причинам. Более того, в советской и российской историографии к коллаборационистам причисляют эмигрантов, выразивших желание содействовать немцам. В нашей стране данный термин, обозначающий людей, в различных формах сотрудничавших с немецкими оккупационным режимом, стал употребляться примерно со второй половины 1980-х годов, с принятием курса «перестройки». Раньше, в советской историографии, коллаборационистов называли «предателями», «изменниками Родины», «перебежчиками» и т.п.

В российской истории в целом и в истории XX в. в частности присутствует череда различных сюжетов, связанных с «человеческим фактором». Именно таким сюжетом является и русский коллаборационизм. Историков всегда интересовали темы, связанные с изменой и предательством, особенно, если в них присутствовали известные исторические фигуры. В подавляющем большинстве случаев акт измены, свидетельствующий о нестандартном поведении, совершается в момент, когда человек находится в экстремальной ситуации. Как правило, у исследователей, а тем более у рядовых граждан, складывается предвзятая негативная оценка таких поступков и людей, совершивших их. «И вот уже с заданным самому себе психологически отрицательным восприятием современный историк пытается объяснить поступок Власова, не находя ничего другого, кроме как опасения за собственную жизнь. Причина такой задан-

ности в том, что поведение Власова, его окружения и всех, кто пошел за ним, расходится с собственным воображаемым поведением в аналогичных обстоятельствах. Подсознательно историк уверен, что вел бы себя совсем иначе в германском плену, а это сразу же по отношению к власовцам позволяет допустить оценочную категорию типа «предатель-подонок». Если так — то проблема власовского движения вообще в изучении не нуждается: ведь оценка уже дана» [1]. Данную цитату российский историк Кирилл Михайлович Александров применяет относительно власовского антикоммунистического движения, однако я считаю, что эти слова можно отнести ко всем коллаборационистам. Немаловажную роль играет и тот факт, что традиционные оценки поступков тысяч людей, сотрудничавших с немцами на вне военном уровне или воевавших в составе войск Вермахта и СС, националистических формирований или любых иных основываются не на знании об этом важном для истории России явлении, а на сравнении с нормой поведения. Также следует понимать, что все, что ассоциируется с Третьим Рейхом в сознании и масс, и многих историков, априори приобретает негативный оттенок. Поскольку многие люди мало осведомлены как о самом термине, так и об истории коллаборационизма, в этой статье мне хотелось бы более объективно осветить данный вопрос.

Несомненно, у коллаборационистов были свои веские мотивы для сотрудничества с немецкими властями. Одну из главных причин массовости коллаборации как пленных красноармейцев, так и гражданского населения, по моему мнению, следует искать в политическом режиме Советского Союза. В подавляющем большинстве случаев выступление против большевиков было актом отчаяния, выразившимся в вооруженном протесте сотен тысяч людей против коллективизации 1928—1937 гг., сменившего ее голода, государственного террора и повсеместных репрессий НКВД 1937—1939 гг., преследовавших как политические, так и социально-экономические цели.

Еще одним фактором, который предопределил масштабность коллаборационизма и который также вытекает из сути советского режима, является заранее предусмотренная репрессивная политика по отношению к собственным военнопленным. К пленным красноармейцам, независимо от того, каким образом они оказались в плену, советское руководство относилось с позиции цитаты, приписываемой Иосифу Сталину и неоднократно повторявшейся Молотовым и Коллонтай: «В Советском Союзе нет понятия «военнопленные», есть только изменники, дезертиры и предатели Родины» [6]. Даже если эта фраза и является фальсификацией, то отношение к попавшим в плен солдатам все равно оставалось на уровне изменников и предателей, с тщательной фильтрацией их через всевозможные лагеря и допросы, проводимые особым отделом НКВД-НКГБ. Исходя из вышеизложенного, нет ничего удивительного в том, что среди руководящей верхушки не было заинтересованности в благополучном существовании собственных солдат, оказавшихся в плену. Скорее обратное, чем жестче будут условия их содержания, тем

больше пользы можно извлечь для пропагандистских целей, чтобы искоренить у бойцов саму мысль сдаваться. В связи с этим стоит заметить, что Полевой устав РККА 1936 года в принципе не предусматривал ситуации, когда солдат мог оказаться в плену, поэтому факт пленения приравнялся к «предательству» и «измене Родине» со всеми вытекающими отсюда последствиями. В своей первой речи с начала войны 3 июля 1941 года Сталин объявил «беспощадную борьбу» паникерам, распространителям слухов. В этот ряд попали и пленные советские солдаты, которых «Отец народов» назвал «дезертирами» [8].

Третьим фактором, подталкивающим прежде всего пленных бойцов к активному сотрудничеству с немецкой армией, стал вопрос о чисто физическом выживании. Спустя несколько месяцев после нападения Германии на СССР миллионы советских военнослужащих оказались в лагерях военнопленных, где они по большей части содержались в нечеловеческих условиях. Следует понимать, что немецкое командование физически не могло справиться с таким количеством военнопленных, обеспечив каждого адекватными условиями существования, так как все нужды уходило в первую очередь на фронт. Поэтому для многих единственным шансом выжить было вступление в «восточные легионы», однако даже в этом выборе немаловажную роль играло отношение Советского государства конкретно к каждому человеку и его судьбе. В 1917 году советское правительство заявило о том, что оно не признает Гаагскую конвенцию, потому как считало недопустимым нахождение революционных солдат в плену у классовых врагов. Далее в 1929 году СССР не подписал Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными. Предопределили ли эти факты нечеловеческое обращение с советскими солдатами — вопрос отдельной дискуссии, однако осознание их только усугубляло ощущение того, что тебя бросили на произвол судьбы, что о тебе забыли, только усиливало моральное разложение красноармейцев и склоняло их к антисоветским настроениям [4]. Как заметил в своем труде К. М. Александров: «Юрист Р. Уэст в своей книге «Смысл измены» совершенно правильно отмечала, что каждый гражданин обязан верностью (подразумевается и морально-этическая верность помимо юридической) только стране, обеспечивающей ему защиту, и, следовательно, не может совершить измены, если законы его страны такой защиты ему не предоставляют. С этой точки зрения миллионы граждан СССР, подвергшиеся различного рода репрессиям в 1929—1941 гг., ни в коем случае не являлись обязанными верностью Советскому государству» [1]. Еще во время гражданской войны, когда большевики создавали Рабоче-Крестьянскую Красную армию, они поставили целью не просто уничтожение старого офицерского корпуса, временно приняв на службу тех офицеров старой закалки, которых они считали полезным, а создание нового типа воина и командира. Основным качеством воспитываемых красноармейцев была безграничная преданность партии и ее вождю, как главным составляющим

социалистической родины, несмотря на любые их приказы. Каждого солдата готовили к выполнению «священного долга по защите социалистического отечества». «Представление о том, как это должно было происходить, дает нам брошюра «Боец Красной армии не сдастся», изданная политическим управлением Ленинградского военного округа после советско-финской войны 1940 года. Эта брошюра, чрезвычайно характерная для советской агитации, была выпущена с целью доказать красноармейцам, что советский солдат должен предпочесть смерть плену и истратить последний патрон на самого себя или сгореть заживо, но не сдать врагу. Солдатам внушалось, что плен всегда означал пытки и мучительную смерть от руки бесчеловечного врага» [7]. А для тех, кого не убедили вышеизложенные обращения, предназначался последний и, пожалуй, самый веский аргумент, что по советским законам «Того, кто сдался по трусости, предал Родину ожидает бесславный конец. Его ждет ненависть, презрение и проклятие близких, друзей и всего советского народа и, наконец, позорная смерть» [7]. Этому вторят 58 статья УК РСФСР и воинская присяга, где четко говорится, что сдача в плен рассматривается исключительно как «переход на сторону врага», «дезертирство» и «измена Родине», что неизбежно карается смертной казнью. А также, что семьи бойцов, оказавшихся в плену, могли быть преданы суду или высланы в необжитые районы Сибири. И, наконец, приказ № 270, в котором солдатам еще раз напомнили об их священном долге в любых обстоятельствах драться до последнего патрона, насмерть. И что каждый красноармеец «обязан любыми средствами уничтожать собственных товарищей, которые предпочли плен смерти. Семьи офицеров и политработников, оказавшихся в плену, подлежали аресту как «родственники дезертиров», семьи попавших в плен красноармейцев лишались всех видов государственного пособия» [6].

Последней рассматриваемой мною причиной сотрудничества с оккупантами был идеологический коллаборационизм. В Советском Союзе было немало людей, не разделяющих коммунистические идеалы и стремления и выжидавших первой же благоприятной возможности для перехода в лагерь оппозиционеров. Здесь стоит учитывать и эмигрантов, покинувших Россию после революции.

Очевидно, что было множество иных, не рассматриваемых мною причин коллаборации, однако я остановился лишь на самых значимых.

Имевшая двухлетний опыт немецкая система пропаганды разлагала РККА с первых же дней немецкого наступления. Солдаты, деморализованные столь быстрым продвижением неприятеля вглубь страны в начале войны, часто сдавались без боя. Вопреки мощной пропаганде и повторяющимся угрозам, в первые месяцы войны в немецком плену оказалось по примерным подсчетам около 3,8 миллионов человек [6]. Изначально германское командование не собиралось использовать иностранные формирования даже для тыловой службы,

о чем свидетельствуют слова, сказанные Адольфом Гитлером во время совещания 16 июля 1941 года: «Никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев. Это особенно важно. Даже если в ближайшее время нам казалось бы более легким привлечь какие-либо чужие, покоренные народы к вооруженной помощи, это было бы неправильным. Это в один прекрасный день непременно и неизбежно обернулось бы против нас самих. Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казак и не украинец» [3]. Однако поражение под Москвой, провал блицкрига и значительные потери в живой силе на начальном этапе военных действий заставили немцев пересмотреть свою политику по отношению к тем, кто готов сотрудничать.

К созданию русских частей привлекались пленные советские командиры, а также белоэмигранты. Большой вклад в развитие и поддержание коллаборационистских отрядов внесла внутренняя немецкая антинацистская оппозиция. Большинство оппозиционеров занимали высокие должности в государственном аппарате, поэтому они всячески защищали и покрывали русских коллаборационистов от вмешательства в их дела сил гестапо и СД. Они понимали, что Гитлер ведет свою страну к краху, что его планы невыполнимы, а для их достижения он готов уничтожить миллиарды людей. Спротивлению нужна была сильная и свободная Германия, а не скованная железной диктатурой страна, мчащаяся в пропасть. Аналогичные цели были и у большинства руководителей русского коллаборационистского движения. Обе стороны понимали, что имеют одинаковые интересы, а для их достижения нужно работать сообща, несмотря на большую опасность быть раскрытыми и осужденными как заговорщики. Если говорить очень коротко, то истинной главной целью большинства руководителей крупных коллаборационистских формирований была активизация патриотически настроенных сил русского народа для ведения такой борьбы, чтобы Россия могла бы выйти из войны не нацистской и не коммунистической, а русской.

На тему коллаборационизма в Советском Союзе было наложено строжайшее табу. Ближе к концу войны советская пропаганда вела активную работу по созданию как можно более отталкивающего образа русских коллаборационистов, приписывая им всевозможные бесчеловечные поступки и заклеивая их позором. После проведения суда над руководителями значимых коллаборационистских формирований многие материалы по их делам были уничтожены. В результате, многие годы в Советском Союзе никто не изучал этот феномен. Все изменилось в 1987 году с принятием в Союзе политики гласности и рассекречиванием государственных архивов в 1990-х. Запрет на обсуждение данной темы был снят, исследователи взялись за изучение всех доступных источников и в результате с 1990-х явление коллаборационизма было пересмотрено. К сожалению, на сегодняшний день еще не все историки знакомы с действительной историей русского коллабора-

ционизма, многие по инерции, заданной советской историографией, имеют предвзятое мнение и не желают ознакомиться с новой информацией.

Как известно, историю пишут победители. Поэтому до наших дней сохранилось устойчивое, предвзятое, абсолютистское, навязанное пропагандой, мнение о том, что все немецкие солдаты были кровожадными убийцами, а их пособники — жалкие трусливые предатели, выступившие против своих сограждан. Историки ни в коем случае не должны оправдывать преступные деяния нацистов, однако, особенно в наше время, когда имеется доступ ко многим надежным источникам, следует преподнести факты такими, какие они есть на самом деле, следует быть более объективными. Коллаборационизм является важной и неотъемлемой частью истории Второй мировой войны. Однако не стоит забывать, что среди немецких солдат были как аморальные живодеры, так и обычные люди, по различным обстоятельствам, попавшим в войска вермахта или СС. Так же и среди коллаборационистов были те, кто желал своей стране и своему народу только лучшего и стремился скинуть кровавый диктаторский

режим, а были и последние негодяи. Нужно понимать, что Вторая мировая война явилась долгожданным случаем для русской оппозиции открыто выступить против большевиков. У коллаборационистов не было выбора к кому присоединиться в своей борьбе, потому что главным противником Союза была Германия с ее нацистской диктатурой. Стоит добавить, что отчасти сам Сталин своими поступками и приказами, в которых проявилось все отношение советской власти к своим же попавшим в плен защитникам, подтолкнул часть томлящихся в плену красноармейцев пойти на такой отчаянный шаг, как сотрудничество с оккупантами. Судьбы большей части участников антисоветского движения, которые были выданы властям СССР союзниками, печальны. Многие были расстреляны без суда и следствия, а те оставшиеся, кто сумел выжить в условиях советских лагерей к 1955 году, были амнистированы, но так и не смогли вернуться к нормальной жизни. Проблема русского коллаборационизма — спорный вопрос, который все еще остается открытым и не до конца изученным. Я надеюсь, что в будущем историки смогут расставить все на свои места.

Литература:

1. Александров, К. М. Офицерский корпус Армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2001. 1120 с.
2. Земсков, В. Н. Репатриация перемещённых советских граждан [электронный ресурс] // scep sis.net: научно-просветительский журнал URL: http://scep sis.net/library/id_1234.html (дата обращения: 11.05.2015).
3. Из протокольной записи совещания А. Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза [электронный ресурс] // hrono.ru URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/19410716_3.html (дата обращения: 19.05.2015).
4. Кромиади, К. Г. За землю, за волю! Воспоминания соратника генерала Власова. М.: Вече, 2011. 336 с.
5. Семиряга, М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 862 с.
6. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. с. 91–112.
7. Хоффманн, Й. История власовской армии [электронный ресурс] // militera.lib.ru: Военная литература URL: <http://militera.lib.ru/research/hoffmann/05.html#> (дата обращения: 19.05.2015).
8. Сталин — Речь 3 июля 1941 г. [электронный ресурс] // sov music.ru URL: http://www.sov music.ru/text.php?fname=st_30741 (дата обращения: 19.05.2015).
9. Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина // megabook.ru: Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия URL: <http://megabook.ru> (дата обращения: 02.05.2015)

Из истории возделывания картофеля в Кубанской области и Ставропольской губернии в 1861–1917 гг.

Синчина Евгения Владимировна, аспирант
Кубанский государственный университет

В представленной статье автором рассмотрено внедрение культуры картофеля в России, а также на землях Кубани и Ставрополя в пореформенное время (1861–1917 гг.). Показана степень товарного значения картофелеводства в незерновом хозяйстве указанных регионов, а также выделены общие тенденции развития данной отрасли, отличные особенности от других регионов Российской империи.

Ключевые слова: картофель, возделывание, урожайность, посевная площадь, сельскохозяйственная культура, Кубанская область, Ставропольская губерния.

На сегодняшний день картофель является самым распространенным и популярным овощем в нашей стране, он имеет важное значение в пищевой промышленности и кулинарии, входит в наш повседневный рацион питания. Несмотря на это, всенародно любимый овощ появился в России лишь около 300 лет назад, пройдя непростой путь внедрения в сельскохозяйственное производство страны. История возделывания в России картофеля, несомненно, интересна и актуальна. В представленной статье хотелось бы подробнее рассмотреть этот процесс на Кубани и Ставрополье — традиционных регионах зернового сельского хозяйства, где картофель со временем занял место одной из ведущих овощных культур. В Полной энциклопедии русского сельского хозяйства за 1901 г. можно обнаружить следующее определение: «Картофель (*Solanum tuberosum*, из семейства *Solanaceae*, пасленовых) принадлежит к группе растений клубнеплодных, т.е. возделываемых ради мясистых подземных образований, клубней, имеющих частью заводское, частью кормовое и пищевое значение... Подобно корнеплодам, это тоже типичные растения парового клина, почему часто вместе с корнеплодами их обозначают именем плугопольных или пропашных растений... Под картофель отводится почти 4% общей посевной площади в Европейской России, в то время как корнеплоды (главным образом сахарная свекла) не занимают и полупроцента той же площади» [1, с.8–9]. Отсюда можно сделать вывод, что картофель уже в начале XX в. имел применение в разных отраслях, и помимо этого использовался в севообороте. Таким образом, картофель не только полезное во всех смыслах растение, но и перспективное в возделывании.

Культура картофеля пришла в Европу в XVI в. благодаря испанским конкистадорам, привезшим из Южной Америки это растение. Как известно, долгое время европейцы настороженно относились к картофелю и поначалу использовали, как декоративное и садовое растение. Из Испании картофель распространился в другие страны: Нидерланды, Англию, Ирландию, Францию, Швейцарию. В Италии картофель называли «*tartufo*» из-за сходства с подземным плодом сумчатых грибов — трюфелем, затем под влиянием других европейских языков южноамериканскому растению было дано такое название, под каким мы сейчас знаем его. Во Франции картофель получил название «земляных яблок» — «*rommes de terre*». Некоторое время за картофелем сохранялось это наименование и в России, где он появился в XVIII в. Первое проникновение культуры картофеля на территорию России связывают с посольством царя Петра I в Европу, откуда впервые было привезено это растение, однако судьба первого диковинного корнеплода не известна. Встречаются данные, что при Анне Иоанновне картофель возделывался на огородах под Санкт-Петербургом, а также «был разводим в значительном количестве “партикулярными людьми” (вероятно, иностранцами и лицами высших

сословий)» [2, с.629]. В правление Екатерины II были приняты государственные меры по распространению культуры картофеля среди земледельцев. В 1765 г. разосланы губернаторам по всей империи семена и наставления «О разводе и употреблении земляных яблок, которые называются в иных местах “тартуфелями” и “картуфелями”» [3, с.9].

В это время начинает заниматься экспериментами по выращиванию картофеля А.Т. Болотов (1738–1833 гг.) — писатель, философ, ботаник, один из основателей агрономии в России. Поселившись в своем имении в Тульской губернии, А.Т. Болотов изучал разные сорта картофеля, его агротехнику и возможности переработки (получение крахмала). Он сделал много интересных выводов о способах посадки картофеля, например, клубнями и черенками: «Помянутые опыты доказали мне (А.Т. Болотову — прим.авт.) ясно, что плодородие сего произрастания превосходит почти всякое чаяние: яблоки не только по всем оного корням вырастают, но сама наружная трава сего произрастания к произведению плодов способна...» [4]. Ученый отмечал: картофель хорошо растет на песчаных почвах, а также имеет большую урожайность, что могло способствовать широкому распространению этой культуры в России. Однако существовали определенные трудности — народные предрассудки, неграмотность земледельцев, невозможность сбыта урожая ввиду отсутствия специализированных предприятий и т.д.

При Павле I и Александре I продолжалась популяризация возделывания картофеля на государственном уровне, но народ также относился к этому растению с недоверием. В 1839–1840 гг. случился неурожай хлебов, что способствовало возникновению постановлений Николая I, направленных на распространение посевов картофеля: 1) завести во всех казенных селениях общественные посевы картофеля для снабжения им крестьян к будущим посевам; 2) издать наставление о возделывании, хранении и употреблении картофеля; 3) поощрять премиями и другими наградами хозяев, отличающихся разведением этой культуры [5, с.629–630]. Недружелюбное восприятие населением этих постановлений, а также насильственное внедрение указанной государственной программы содействовали «картофельным бунтам». Такие бунты в то время происходили не только в России, но и в других европейских странах, например, в Восточной Пруссии.

Несмотря на все препятствия, культура картофеля постепенно завоевывала популярность среди земледельцев. Для примера приведем следующие цифры: в 1841 г. в Российской империи высевалось чуть меньше 4 млн. четвертей картофеля, а в 1895 г. — около 20 млн. четвертей [6, с.10]. К началу XX в. в России было известно множество сортов картофеля: ранние («американка», «ружанка», «Июльская красавица», «скороспелка» белая и желтая), средние столовые («Миндальный», «еловая шишка»,

«снежинка»), средние столовые и заводские («Дабер», «Император Рихтера», «синюха»), кормовые («Синий великан»), поздние столовые, поздние заводские («Саксонская луковица» белая, жёлтая и красная, «Самсон»).

Культура картофеля первоначально внедрялась и распространялась в центральных и западных губерниях страны, но благодаря таким факторам, как освоение новых присоединенных территорий, отмена крепостного права в 1861 г., прекращение войны и стабилизация ситуации на Кавказе способствовали проникновению картофеля и в другие регионы империи. Так, картофель стал в тот период времени новой овощной культурой для Кубани и Ставрополя, сельское хозяйство которых в основном было ориентировано на зерновое производство. Русские переселенцы из центральных губерний во многом повлияли на активное распространение картофеля на Северном Кавказе. В 1860—1890-е гг. картофель в Кубанской области и Ставропольском крае не был полевой культурой, а выращивался преимущественно на огородах и для собственного хозяйства, иногда излишки продавались в соседние города. Возделывание картофеля не требовало наемного труда и больших затрат, что позволяло заниматься им даже бедным семьям. Со временем в Северокавказском регионе «картофель выходит не только за пределы усадебных огородов, но и получает распространение в аулах карачаевцев, осетин, балкарцев, чеченцев и ингушей» [7, с.94].

Однако ведущей сельскохозяйственной культурой Кубани и Ставрополя картофель так и не стал в пореформенный период. Историки П.Н. Раджаев, В.Н. Ратушняк предполагают, что во многих районах Северного Кавказа распространение картофеля сдерживал фактор малопригодности почвы (её состав и структура) для данной культуры [8, 9].

Например, наибольшая урожайность картофеля на рубеже XIX—XX вв. была в Прибалтике — около 600 пуд. с 1 дес., Сибири — 440 пуд., на Урале — 400 пуд., тогда,

как в среднем по Северокавказскому региону — 293 пуд. с десятины. Площадь под посевами картофеля в европейских губерниях империи в это время приблизительно равнялась 1 млн. 400 тыс. дес. [10, с.10].

В Кубанской области к 1895 г. наибольшие посевные площади и урожайность картофеля были в Баталпашинском, Лабинском, Екатеринодарском отделах [11, с.31]. Что касается Ставрополя, то помимо злаков в черноземной полосе указанной губернии выращивали картофель, в местностях же с глинистой почвой он почти не возделывался [12, с.356].

Картофель в Кубанской области и Ставропольской губернии имел характер натурально-потребительского продукта, но его товарооборот осуществлялся в пределах местного рынка. В документах можно найти следующие свидетельства по поводу Кубанской области в сельскохозяйственном отношении: «Вообще огородничество может иметь в области, особенно в Закубанском крае, прекрасную будущность; рост его в настоящее время во многих местностях задерживается только отсутствием удобных путей сообщения с рынками сбыта» (Справочник по Ставропольской епархии, 1911 г.) [13, с.370].

Таблица 1 наглядно иллюстрирует развитие картофелеводства в Кубанской области и Ставропольской губернии в сравнении с Терской областью в начале XX в. [14, с.40—41]. Обращая внимание на цифры, приведенные в Таблице 1, следует учитывать, их зависимость от общей территориальной площади областей и губернии, от подходящих природно-климатических условий для культуры картофеля (например, в благоприятных условиях предгорных районов Терской области преобладало огородничество). При анализе статистических данных необходимо помнить, что на 1905 г. вся территориальная площадь Ставропольской губернии составляла 53490 км², Терской области — 72260 км², Кубанской области — 94903 км² [15].

Таблица 1. Посевная площадь и сборы картофеля на Тереке, Кубани и Ставрополье в 1901–1914 гг.

	1901–1905 гг.		1906–1910 гг.		1911 г.		1914 г.	
	Посев. площадь (дес.)	Сбор (пуд.)	Посев. площадь (дес.)	Сбор (пуд.)	Посев. площадь (дес.)	Сбор (пуд.)	Посев. площадь (дес.)	Сбор (пуд.)
Кубанская область	58751	16965	51411	16041	52282	16612	44201	16514
Терская область	14662	4287	15467	4346	18229	5387	28144	12157
Ставропольская губерния	6672	1342	4002	939	4551	712	3331	1081

На основании Таблицы 1 можно сказать о стабильном незначительном увеличении посевов картофеля в Кубанской области и Ставропольской губернии. Картофель выращивался здесь только для собственных потребительских целей. Высокая урожайность, большие площади посевов, а также выход на региональный рынок по продаже картофеля были в значительной мере характерны в северокавказском регионе для Терской области. Как видно из Таблицы 1, к 1914 г. посевная площадь карто-

феля на Кубани и Ставрополье стала сокращаться, тогда, как в Терской области этот показатель продолжал расти.

Несмотря на военные действия, в 1914–1917 гг. население продолжало возделывать картофель. В Ставропольской губернии большинство хозяйств, занимавшихся картофелеводством, находились в Святокрестовском, Ставропольском, Медвеженском и Благодарненском уездах, всего — 2926 крестьянских и частновладельческих хозяйств. В Кубанской области культурой картофеля в это время занималось 24678 хо-

зяйств, причем во всех семи отделах [16, с.62,66]. Больше число хозяйств здесь, занимающихся картофелем было сосредоточено в тех же отделах, что и двадцатилетие назад (Баталпинском, Лабинском, Екатеринодарском).

В дореволюционный период картофель стал одним из самых распространенных овощей, возделываемых в России. Его выращивали как на огородах, так и на полях. Было замечено, что картофель отличное пропашное растение — после него можно сеять бобовые и другие корнеплоды. Государственные меры во много способствовали популяризации среди населения этого растения. Увеличение посевных площадей и высокая урожайность карто-

феля сделали возможным его выход на местный и межрегиональный рынок. Так же излишки производства картофеля подтолкнули к развитию некоторые отрасли промышленности — появлялись предприятия по переработке этого продукта (крахмальные, винокурные заводы). Тем не менее, в отдельных регионах Российской империи (например, на Кубани и Ставрополье) культура картофеля не имела такого широкого и специализированного развития, продолжая оставаться культурой огородной, для домашнего потребления и в некоторых случаях для продажи на местных рынках и ярмарках, уступая другим, более рентабельным сельскохозяйственным растениям.

Литература:

1. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук. СПб., 1901. Т. 4. С.8–9.
2. Энциклопедический словарь: в 86 т. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1896. Т. 14. С.629.
3. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства... Указ.соч.С.9.
4. Бердышев, А. П. Андрей Тимофеевич Болотов // Библиотека юного исследователя [Электронный ресурс]. URL: <http://nplit.ru/books/item/i00/s00/z0000038/st016.shtml> (дата обращения 20.11.2015).
5. Энциклопедический словарь... Указ.соч. С.629–630.
6. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства... Указ.соч.С.10.
7. Ратушняк, В. Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX — начале XX века. Ростов-на-Дону, 1989. С.94.
8. Раджаев, П. Н. Экономический быт горцев Нальчикского округа. Владикавказ, 1920. С.48.
9. Ратушняк, В. Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX — начале XX века. Указ. соч. С.94.
10. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства... Указ.соч.С.10.
11. Статистика Российской империи. XXXV. Урожай 1895 г. Вып.2. СПб., 1895. с. 31.
12. Исторический обзор Терека, Ставрополья, Кубани. М., 2008. С.356
13. Исторический обзор... Там же. С.370.
14. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год 9-й. Петроград, 1916. С.40–41.
15. Административно-территориальное деление Российской империи// Российская империя — история государства Российского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusempire.ru/rossijskaya-imperiya/administrativno-territorialnoe-delenie-rossijskoj-imperii.html> (дата обращения 20.11.2015).
16. Статистический справочник Юго-Востока России. Ростов-на-Дону, 1923. Вып. II. С.62,66.

О местоположении крепости в Сарапуле

Туранов Андрей Алексеевич, инженер, краевед (г. Ижевск)

В статье рассматривается спорный вопрос о локализации крепостных сооружений XVIII века в Сарапуле; впервые приводятся документальные сведения с точным указанием места расположения крепости, позволяющие более целенаправленно организовать археологические исследования в городе.

Ключевые слова: Сарапул, деревянная крепость, местоположение крепостных сооружений.

Из исторических источников известно о существовании в XVIII веке деревянной крепости в селе Сарапуле (ныне город в Удмуртии). Крепость эта была запечатлена на гербе Сарапула, данном ему при утверждении в статусе города и уездного центра в 1780 г. И хотя сохра-

нившиеся планы застройки Сарапула того периода не содержат указаний на крепость, но сам факт существования крепостных укреплений историками сомнению не подвергается. Однако, вопрос о местоположении крепости к настоящему времени остается открытым: в историче-

ской и краеведческой литературе указывается несколько возможных вариантов, но ни один из них точными документальными свидетельствами или значимыми археологическими находками пока не подкреплен. Долгое время наиболее популярной была версия расположения крепости на Старцевой горе. Сейчас многие отдают предпочтение версии расположения крепости на приречной террасе в районе современной Центральной площади.

Так, уроженец Сарапула историк А.А. Шепталин, ссылаясь на некие неназванные «археологические материалы», частично сохранившийся рельеф и сообщение Н.П. Рычкова «про три деревянные церкви внутри деревянного ж замка построенныя», определяет положение крепости в районе современной Центральной площади, полностью исключая версию о Старцевой горе [1, с. 150–151]. В своей книге он даже приводит рисунок под названием «План Сарапула, конец XVII в.» с изображением крепости в указанном месте [1, с. 119], умалчивая, при этом, что это не копия старинного документа, а продукт творения нашего современника.

В 2006 году попытку реконструкции крепости принял ижевский историк А.В. Коробейников, так же предполагая ее размещение в районе Центральной площади [2]. Такое расположение хотя и проработано им с позиций фортификации, однако альтернативные варианты не были рассмотрены вовсе. Поэтому обоснование выбора именно этого места в качестве «натуры» при определении контуров сооружения не бесспорно. Складывается впечатление, что и здесь локализация была сделана с привлечением «мнения» сарапульских археологов, неясного предположения, что «лучшая половина города» должна располагаться на месте бывшей крепости, и наличия старого плана именно этой части города... По результатам этой работы даже создан макет крепости [3, с. 43–44], который был включен в экспозицию Сарапульского музея [3, с. 21]...

Представляется, что для решения проблемы месторасположения Сарапульской крепости известных письменных источников, отражающих представления нескольких поколений исследователей, явно недостаточно. А поскольку проведение масштабных археологических исследований на предполагаемых территориях города в настоящее время затруднено, то следует искать документальные свидетельства. Лучшим доказательством стало бы обнаружение однозначных указаний в современных крепости материалах XVIII века.

Впрочем, при внимательном прочтении кое-какие полезные указания удастся обнаружить и в опубликованных материалах. Так, посетивший Сарапул весной 1773 года академик Паллас сообщает о селе, что «лежит оно вдоль по правому берегу Камы, по большей части при подошве высокаго места, на коем и поныне еще видна развалившаяся деревянная крепость, которая во времена прежде бывших Башкирских беспокойств построена. Она состояла из плотной бревенчатой стены, с батареями и стрельными башнями, и имела весьма выгодное положение. Внутри оной построена главная церковь, дом Управителя, который дворцо-

выми деревьями к Сарапулу принадлежащими, или Сарапульскою волостью управляет и Судебная, или управительная контора» [4, с.237]. Это описание позволяет выделить интересную для нашей темы деталь: территориально крепость и село не представляют единого целого, — на местности они разнесены. Село располагается большею частью под горой, а крепость находится вне села, — на горе. Вероятно, именно поэтому крепость и отсутствует на планах жилой застройки Сарапула XVIII века.

В связи со всем вышесказанным представляются важными сведения о местоположении укреплений, обнаруженные автором в документах XVIII века, хранящихся в Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА). Документы эти прямого отношения к крепости не имеют, а описывают события накануне прохождения войска Е. Пугачева по территории современной Удмуртии на Казань. Информация по интересующему нас вопросу содержится в «деле» о крестьянине Сарапульской волости Павле Тюкалове [5], посланном к сарапульскому управителю со сведениями о пугачевском войске после переправы его через Каму у г. Оса. Тюкалов в дороге «язык за зубами» не удержал, за что в Сарапуле был взят под стражу, и после допросов отправлен в секретную комиссию в Казань.

Из допроса в секретной комиссии выясняется, что «**был при въезде уже в Сарапул**» Тюкалов поддался на расспросы встретившегося ему крестьянина и «... о сожжении злодеями пригорода Осы и о побитии всех жителей с проста и сказывал, что увидя стоящие **близ того места под башней** управитель Баранов и поручик Мелентьев <...> тогда ж призвав ево к себе спрашивали <...> и приказали ему идти за собою **в земскую приказную избу**, где по приходе и спрашивали уже ево под битьем плетми...» [5, л. 216 об. — 217]. Из приведенных фрагментов вполне определенно можно заключить, что крепость (названы башня, и находившаяся в крепости приказная изба, — «судебная, или управительная контора» по Палласу) располагалась на самой окраине Сарапула, — «при въезде».

Из материалов следствия удастся установить также, что:

— Тюкалов прискакал верхом на лошади [5, л. 215], по-видимому, торопился, а значит, должен был ехать, по возможности, кратчайшей дорогой;

— к управляющему в Сарапул он ехал уже не первый раз [5, л. 216], а значит, дорогу знал хорошо;

— по пути проезжал через село Нечкино [5, л. 215об.], а значит, к Сарапулу прибыть должен был с северной стороны.

Суммируя эти выводы, с большой вероятностью можно полагать, что крепость располагалась близ северной окраины Сарапула.

Наиболее же интересным для нас является сообщение о прибытии и задержании Тюкалова в донесении управляющего Самсона Баранова. Этот эпизод в документе описывается так:

«1774 году Июня 25 дня во время бытности Сарапульской волости управителя титулярного советника Баранова при строении около Сарапула деревянного города на учрежденном карауле при самом селе Сара-

пуле на Старческой горе: Прибежал на верховой лошади разгласитель о злодее и государственном враге Пугачеве оной же волости починка Опарина крестьянин Павел Анофреев сын Тюкалов которой до разгласения в народ того зла взят к Сарапульским управительским делам и о том при самом управителе и порутчике Мелентьеве он Тюкалов объявил:...» [5, л. 215] (запись приведена с раскрытием слов под титлами — А.Т.).

Приведенное здесь описание места пребывания управителя Сарапульской волости весьма содержательно. Поскольку статус города дан был Сарапулу лишь спустя 6 лет после описываемых в документе событий, то «деревянный город на учрежденном карауле», в данном случае, очевидно, следует понимать как оборонительное сооружение, укрепление, огражденное деревянными стенами, а попросту — деревянную крепость. Похожее определение, — «деревянный рубленый город», — дано крепости и в описании герба [6], составленном в 1781 году. Указание «при строении» может трактоваться двояко: и как «при производстве строительных работ», и как «пребывание при существующем строении», но поскольку известно, что крепость существовала задолго до даты опи-

сываемых событий, то здесь должна быть принята вторая трактовка. Таким образом, суммируя, по смыслу получаем, что управляющий находился в существующей деревянной крепости, что вполне отвечает свидетельствам академика Палласа о расположении в крепости дома управителя и управительной канторы. И, наконец, теперь мы подходим к главному — деревянная крепость находилась «около Сарапола <...> при самом селе Сарапуле на Старческой горе». То есть крепость находилась не в самом селе, а на горе около него. «Старческая гора» в настоящее время именуется Старцевой, на ней располагается северная часть современного Сарапула.

Таким образом, существовавшая ранее, но отодвинутая в последнее время на второй план, версия местоположения сарапульской крепости на Старцевой горе находит свое документальное подтверждение в современных ей письменных источниках. Обнаруженные сведения позволяют более целенаправленно организовать археологические исследования в городе, и, в частности, поиск остатков оборонительных сооружений XVIII века. Представляется, что дальнейшие попытки искать следы крепости в районе Центральной площади, либо где-то ещё, малоперспективны...

Литература:

1. Шепталин, А. А. Сарапул. Сарапуль. Сарапуль: Историко-краеведческие очерки. — Ижевск: Удмуртия, 2007.
2. Коробейников, А. В. Крепость на гербе уездного города Сарапула. // Герценка: Вятские записки. — Киров, 2006. — Вып. 10. — С. 43–55
3. Коробейников, А. В. Н. Н. Блинов о древности Сарапула. [Электронный ресурс] — Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет, 2008.
4. Сарапул в 1773 году. (Из путешествия Палласа) // Вятские губернские ведомости, 1847, № 36, ч. неофиц., — С. 236–238.
5. РГАДА Ф. 6, Оп. 1, Д. 467 (Ч. 8), Л. 212–218
6. Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 2 — Вятка, 1881. — С. 3 (Приложения).

Священнослужители и прихожане: контакты и противоречия

Фот Алёна Гергардовна, аспирант

Оренбургский государственный педагогический университет

В предложенной статье, на основе анализа документов из различных архивных фондов и опубликованных источников, рассматривается проблема взаимоотношений православного приходского духовенства с паствой в Оренбургской губернии пореформенного периода. Показано, что в установлении прочного контакта с прихожанами большое значение имели личные качества иерея и его готовность принять местные обычаи. Автор доказывает, что главной причиной возникающих конфликтов была существующая в Российской империи система материального обеспечения причта. Исследование проводится в рамках изучения повседневной жизни провинциальных приходских священников православного вероисповедания.

Ключевые слова: Оренбургская губерния; пореформенный период; повседневность; приходское православное духовенство; прихожане; материальное обеспечение; конфликт.

В конце XX-начале XXI столетия на волне интереса к социальной истории исследователи обратились к изу-

чению повседневной жизни различных слоёв российского общества. Одной из самых самобытных и малоизученных

страниц русской истории осталась повседневность приходского православного духовенства. Хотя в последние годы исследователи стали обращаться к этим сюжетам, специального исследования повседневной жизни приходских клириков Оренбургской епархии не предпринималось.

Под повседневностью мы понимаем исторически сложившуюся жизненную среду, включающую в себя различные стороны человеческой жизни: публичную, частную, личную, профессиональную, материальную и духовную [28, с. 4.]

Иерей ежедневно должен был быть готов «учить, слушать и руководить» [36, с. 3]. Как духовный учитель, он был обязан наблюдать за религиозно-нравственной жизнью своих прихожан, руководить ими в постижении христианских истин. Важной задачей было следить, чтобы паства не впала в суеверие, и вразумлять заблуждающихся. В число больших заслуг пастырю ставили организацию в приходе школы и обучение в ней детей [37, с. 52]. Таким образом, в своей трудовой повседневной жизни священнослужители не могли избежать постоянного тесного контакта с прихожанами. Именно они являлись основным объектом деловой активности пастыря. В частной жизни ни один член церковного причта также не мог обойтись без помощи паствы. Система жизнеобеспечения белого духовенства была построена таким образом, что материальное благополучие и бытовая обустроенность пастырской семьи в основном ложилась на плечи жителей прихода. Качество повседневной жизни приходского причта зависело от того, насколько успешными были его отношения с пасомыми.

В силу указанных обстоятельств подавляющая часть исследователей, изучающих приходское православное духовенство, так или иначе затрагивала проблемы взаимоотношений клириков с прихожанами. В императорской России особое внимание этому аспекту уделял историк-публицист А. А. Папков. Он писал об отчуждении между духовенством и паствой, усматривая основную причину этого печального явления в замкнутости духовного сословия [32, 33, 34]. Современные Папкову исследователи приходили к сходным выводам, но отмечали ещё один немаловажный фактор — материальную зависимость клира от прихожан [27, 40].

В советский период взаимоотношения пастырей и прихожан рассматривались исключительно в негативном ключе. Церковь представлялась инструментом «для одурманивания масс», а её служители верными пособниками самодержавия в проведении реакционной политики царского режима. С этих позиций были написаны работы Е. Ф. Грекулова, А. Дмитриева, В. Писарева [22, 23, 24, 25, 35]. В начале 1980-х гг. историки сосредоточили своё внимание на доказательстве существования глубокого кризиса в отношениях народа и духовенства, проявившегося во время революции 1905—1907 гг. [26, 31] В итоге можно констатировать, что для советской историографии был характерен идеологизированный подход к изучению истории приходского духовенства, его восприятие как класса, эксплуатирующего приход.

Современные историки, затрагивая вопросы о взаимоотношениях священнослужителей с приходской общиной, стремятся избегать крайностей. Они признают тот факт, что приходское духовенство чаще всего являлось проводником государственной политики, но отмечают немалый вклад, который клирики внесли в улучшение жизни прихода (например, в сфере образования). В нарастании отчуждения между прихожанами и священнослужителями, учёные склонны видеть обоюдную вину конфликтующих сторон. Такой взвешенный подход характерен для работ Т. Г. Леонтьевой, Т. А. Берштам и М. Ю. Белоноговой [29, 3, 2]. В диссертационных исследованиях последних лет историки обобщают и дополняют сведения своих коллег на примере изучаемых ими епархий [1, 4, 28]. Данная статья призвана внести свой вклад в разработку проблемы.

Сельский пастырь, прибывая к месту служения, мог рассчитывать на решение своих бытовых проблем только с помощью жителей прихода. Консистория, отправляя новоиспечённого клирика в приход, даже прогонными деньгами снабжала его редко и неохотно. О средствах для обустройства на новом месте нечего было и говорить. Саратовский иерей Александр Розанов сообщал читателям своих «Записок сельского священника»: «... Епархиальная власть не обеспечила, да и не могла обеспечить своего нового иерея ни прогонами до прихода, ни квартирой там, ни отоплением, ни хлебом, ни прислугой, — она не дала ему ровно ничего. Ему дали приход, посвятили и сказали: “ступай и живи, как знаешь, но только с неременной обязанностью возвышать религиозно-нравственное состояние своих прихожан, — послание было апостольское: Ни сапог, ни жезла, ни пиры в путь”» [38, с. 30]. Гавриил Попов в 1890 году, определённый в Новокумлянский приход Оренбургской епархии, оказался в точно такой же ситуации. Едва вступив в должность, он должен был собрать жителей, угощать и поить их вином. Только выполнив этот обязательный ритуал, он стал посещать их дома с требами, собирать продукты и деньги. Поскольку Попов несколько лет назад уже состоял в этом приходе на вакансии дьякона, то прихожане, выказывая своё к нему расположение, приглашали иерея за стол, и, в свою очередь, также предлагали ему вино [15, л. 1]. Такое удачное возобновление знакомства позволяло священнику надеяться, что он неплохо устроится в приходе. Но налаживая таким образом контакты с крестьянами, Попов слишком увлёкся спиртным и, в результате, навёл на себя обвинение со стороны благочинного в неблаговидном поведении. Едва приступив к службе, священник с худшей стороны зарекомендовал себя и перед епископом, которому тоже стало известно о случившемся [15, л. 1 об., 3]. Однако епархиальное начальство, зная о традициях совместной выпивки приходских священников с прихожанами «для сближения», часто смотрело на данное явление сквозь пальцы.

В гораздо худшем положении иерей оказывался, если с самого начала попадал во враждебное окружение. Так, Павел Данилов после окончания семинарии получил на-

значение в Яманский поселок Уральской области, где жители приняли православие на началах единоверия. [Единоверие — объединение старообрядцев с православной церковью под условием подчинения православному духовенству и принятия церковнослужителей от православных архиереев; но само богослужение и таинства старообрядцы совершают по старопечатным книгам и по своим обрядам. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 42, с. 553—554]. Первая же служба пришлась прихожанам не по душе. Молодой священник вспоминал: «После вечерни собралась толпа казаков около церковной сторожки (в которой я поселился) и начинает мне говорить: “Ты, батюшка, нам так не служи”, “а как же?” — спрашиваю я. “Ты щепотью не молись”. (Я молился троеперстно)» [20, л. 81]. Иерей предпринял попытку применить на практике знания, полученные в семинарии — принялся рассказывать о троеперстии и доказывать его пользу для спасения души. Казаков пылкая речь молодого человека не убедила: «“Каки что не говори, а щепотью не молись!”. “Потом, батюшка, ты начал не кладёшь”; я говорю: “какой начал?” Они засмеялись. “Батюшка, а начала не знаешь! А вот какой, вот как”. Я говорю: “этого я ещё нигде не встречал”. “Ну, вот, теперь знай и клади перед каждой службой и после службы”. Далее, “ты, вот читал ныне чего-то совсем не писанное”. Я начинаю защищать свою проповедь, что содержание проповеди взято из того же св. Писания. “Нет! Ты нам неписанное не читай!”» [20, л. 81]. Подобно любому священнослужителю Данилов попытался подстроиться под желание прихожан — начал молиться крестом, начал «вычитывать начал» и в конце Литургии не произносил устно проповедь, а читал из «Сборника проповедей Белоцветова». Эти уступки положения не спасли. Как показывал священник, «я услышал заявление, что “по тоненькой, новой книжечке не читай, а читай по большой”». В последнем случае я не знал, как поступить. Подходящих «больших и старых» книг у меня не было. Узнав из предшествующих разговоров с ними их грубость, настойчивость и придиричивость ко мне, я почти ничего не сказал им на это, а продолжал читать проповеди из указанного сборника». Павел Данилов так и не смог завоевать расположение прихожан, получив от них прозвище «парниша» [20, л. 81об.]. Результат такого противостояния был закономерен — молодой человек не выдержал и попросил перевести его в другой приход. Епископ удовлетворил его просьбу (что само по себе было огромной редкостью), понимая, что, если священник стал предметом насмешек, ему уже не удастся стать хорошим духовным отцом для этих прихожан [20, л. 85].

Эти неудачи можно было бы списать на молодость священника. Однако, наличие опыта и многолетнее пребывание на одном месте также не являлось залогом взаимопонимания с приходской общиной. В Оренбургской губернии в одном приходе часто проживали убежденные православные и недавно принявшие христианство люди. Хватало раскольников и единоверцев. Каждый из них

смотрел на религию по-своему и потому не всегда доверял словам священника. Александр Добролюбов 13 лет был настоятелем в таком непросто́м приходе при Петропавловской церкви села Маслейского Челябинского уезда. Все годы он стремился приучить паству к жизни сообразно с церковными канонами: «Много ли, мало ли, я стараюсь учить. Обличаю пьянство, принимаю меры к искоренению его; уничтожаю суеверие, увеселительные собрания молодёжи, как противные строгому духу христианства сами по себе, так и потому, что они в некоторой степени проводники безнравственности. Обязываю молодых людей усваивать христианское веро- и нравоучение, хотя бы через изучение Символа веры и Деяний святых» [17, л. 93 об.] Эти инициативы находили поддержку не у всех прихожан Добролюбова. По его словам, «наиболее вредные люди истолковывают мои пастырские начинания в дурную сторону».

Положение осложнялось тем, что четыре года назад Добролюбову обещали скуфью [Скуфья — повседневный головной убор православного духовенства и монахов. Представляет собой небольшую круглую чёрную, мягко складывающуюся шапочку; складки надетой скуфьи образуют вокруг головы знамение креста. Значение награды получила в 1797 г. И в этом случае шилась из фиолетового бархата. В законе нет чёткого определения, за что священник мог получить эту награду. Обычно ею награждали «за беспорочное служение алтарю Господню». — 4, с. 235], но она так и не была им получена. Это обстоятельство давало прихожанам повод предполагать, что начальство не одобряет действий священника [17, л. 93 об.]. Отправляя епископу Оренбургскому и Уральскому Макарию письмо, иерей понимал, что «напоминать о скуфье зазорно и незаконно», но усталость и разочарование, которые явно ощущаются в последних строках послания, взяли верх над здравым смыслом: «Уставу моего служения поставляется сильнейшая преграда. Авторитет мой унижен. Поддержки же и помощи я ниоткуда не получаю» [17, л. 94], — с горечью писал священник. В завершении он обращался к епископу за советом: «оставаться ли здесь, и с помощью Божьей продолжать борьбу с царствием тьмы, или же уйти на иное место, где, быть может, я буду более полезен для прихода?» [17, л. 94.]. Ответ архиепископа указывает на то, что тот был человеком с живым и гибким умом. Макарий прибегнул к простому, но эффектно́му сравнению: «Недостоин похвалы воин, который уходит с поля сражения, не добившись победы». В последних словах, обращенных к Добролюбову, — «совет мой — сразиться не с паствою, а прежде с собственной корыстью и слабостью» [17, л. 93], — явно слышен упрёк за напоминание о несостоявшемся награждении и недовольство поведением священника. Это наставление дало Добролюбову понять, что на прошение о переводе будет получен отказ. В итоге он остался на прежнем месте. Однако, судя по описанной клириком ситуации, дальнейших трений с пасомыми ему было не избежать.

Приведённый пример свидетельствует, что стремление приходского духовенства добросовестно выполнять возложенные на него властями обязанности также могло привести к конфликту с прихожанами.

Даже, если духовник пользовался искренним уважением населения, ему часто не удавалось уговорить жителей отречься от своих исконных обычаев и развлечений ради благочестия. Так, у благочинного пятого округа, настоятеля Михаило-Архангельского храма в селе Исаево Николая Ивановича Покровского сложились весьма тёплые, почти дружеские отношения с жителями вверенного ему прихода. Однако за долгие годы службы отец Николай так и не смог отучить прихожан от традиционных в зимнее время кулачных боёв. В 1887 г. он сообщал в Консисторию: «... Никакие пастырские убеждения не могут изменить этого в народе, а при этом со стороны гражданской власти никогда не было предпринято никаких мер к уничтожению сказанного убийственного порока. Нужно к сему сказать, что означенные буйственные развлечения исключительно совершаются в вечерние поры до полуночи близ самых храмов Божьих, а потому решительно не дают возможности, но только препятствуют отправлять вечерние богослужения в праздники и воскресные дни и вести внебогослужебные чтения и беседы» [13, л. 50 об].

Если представители духовенства хотели жить в мире с местным населением, им приходилось принимать его обычаи и образ жизни даже в том случае, когда это противоречило понятиям об элементарной нравственности. Случалось, что священно-и церковнослужителям доводилось закрывать глаза на совсем уж неприглядные явления. Причт Покровской церкви города Оренбурга с горечью сообщал в Высочайшее Присутствие по делам православного духовенства: «... иной воротила [Воротилами в России второй половины XIX-начале XX вв. часто называли влиятельных членов приходского общества, мнение которым главным образом и влияло на решение остальных жителей — А. Ф] нарушает все мыслимые и немыслимые законы Божеские и человеческие, открыто живёт с блудницей при живой жене, напивается сверх всякой меры, обирает работников, а ты знай себе — молчишь. Ибо иной раз наставлять — остаться без пропитания» [39, л. 15]. Это горькое откровенное признание напоминало правительству о самой острой проблеме повседневности духовенства — его материальной зависимости от прихожан. Перевод священнослужителей на казенное жалование осуществлялся медленно, потому основным источником дохода для клира были «доброхотные даяния» от прихожан за требы или жалование, которое жители платили причту по договору. Также священнослужители имели право собирать деньги при обходе домов паствы. Подобный способ обеспечения привёл к тому, что прихожане, осознавая зависимое положение духовенства, стали воспринимать священнослужителя лишь как исполнителя треб.

За рамками церковных служб священник часто не пользовался уважением и не имел большого автори-

тета в обществе. Позицию прихожан по данному вопросу выражает один из героев рассказа П. Несмелова «Заручная», предупреждая родственника, кандидата в священники о том, чего жители ждут от иерея, и о возможных последствиях, в случае, если он не станет следовать рекомендациям: «... Прихожанами живёт, — стало быть, им всякое уважение и снисхождение должен оказывать. <...> От Господа поставлен, — ну и знай только господне — службы служи аккуратно, требы справляй. <...> Иной везде суётся: и это не так делаете и этого между вами не надлежит быть <...> поглядишь того видного прихожанина задел другова, — ну, и доход убавят, да ещё и у начальства сумнение на него наведут. А то, бывает, и из прихода выпрут. Всякое бывает!» [30, с. 452]. Зачастую, сталкиваясь с тем, что паства подходит к вопросам веры формально и, испытывая постоянную нужду в деньгах, клирики постепенно начинали воспринимать своё служение как ремесло, доходную статью.

Любое требоисправление приносило хотя и нестабильный, но всё же определённый доход. Как правило, претензии паствы к этой стороне деятельности священников заключались в том, что те требовали высокую плату за свои услуги [см., например: 9, 10, 11]. Иногда священники вовсе отказывались выполнять требы прихожан. Такое случалось, как правило, в ночную ненастную пору, если с требой необходимо было отправляться на дальние расстояния, пешком или в плохонькой повозке. Перед началом в таких случаях священник оправдывался тем, что ехать далеко, а в требе не было особой необходимости (часто просили причастить больного святыми тайнами, а священник по описанию пришедшего с просьбой находил, что болезнь не опасна). Отказ следовал и в том случае, если за священником приходили во время церковных служб [см., например: 5, 8]. Нередко отказ причта исполнить требу был вынужденной мерой, чтобы заставить жителей выплатить задолженность по руге [Руга — первоначально означала отсыпной хлеб, выдававшийся духовенству вместо жалованья. С XVI в. прихожане договаривались с причтом о количестве выплат хлебом или деньгами, о чем и заключали с причтами «порядные записи» (договор) — 43, с. 208] или оговорённому жалованию. Так священник посёлка Дедуровского Урочинской станицы Гавриил Никольский отказался венчать сына урядника Якова Гуцкулова, Алексея [16, л. 60б], поскольку его отец должен был причту «... за три года руги, каковую не платит не почему либо, как то за неимением хлеба, а просто по грубости. Он человек состоятельный...». Ситуация разрешилась, как только отец семейства рассчитался со священнослужителями [16, л. 70б]. Однако, какими бы ни были причины, священник не имел права отказывать прихожанам в исполнении треб. И если кто-либо подавал жалобу по этому поводу, а вина священника находила подтверждение, его ждало суровое наказание вплоть до низведения в причетники [41, с. 73—75].

Ещё одной причиной раздора священника с паствой становилось нерадение священнослужителей в прове-

дении церковных служб. Добросовестное богослужение в храме требовало от священника немалых знаний, а от причта — физической выносливости и слаженности действий. При этом за ведение служб духовенство почти ничего не получало и выполняло эту свою обязанность без особого рвения. Прихожане жаловались, что священники опускают целые куски из священного писания, сокращают службу, не могут или не хотят объяснить непонятные места в прочитанном и нередко опаздывают с началом богослужения. Здесь необходимо отметить, что клирики, как правило, задерживали службу не по своей воле. Большая протяжённость прихода и необходимость отлучаться с требами приводила к тому, что они просто не успевали вернуться в церковь к нужному часу [см., например: 7, 12].

Если прихожане были всерьёз недовольны своими приходским священником, они составляли приговор о его удалении из прихода и посылали прошение на имя епископа, настаивая на смене пастыря. Обычно в таких случаях епархиальное начальство шло навстречу желаниям прихода и присылало нового священника. Так, в феврале 1864 г. доверенные от прихожан села Алексеевки государственные крестьяне Макар Васильев и Антон Павлов, прислали на рассмотрение епископа Оренбургского и Уральского Варлаама жалобу на своего священника Николая Семёновича Добролюбова. «С самого определения 1 ½ месяца он у нас служил только четыре обедни, несмотря на то, что в дни месяца были ещё праздники, кроме воскресных, живёт постоянно в Ивановке, если когда и был, то при некоторых требах по таинствам он всегда требовал с нас денег и прочего, а славил в Рождество — кроме денег требовал с каждого двора поросёнка или курицу, кроме данной ему пудовки хлеба, с угрозами в противном случае не проводить. До таво обидевшись на это, что подобных ему священников никогда не имел приход и иметь не согласны потому более, что мы видели раньше сего отеческое расположение бывшего у нас священника Ивана Муратова, точно как к детям и без всяких обид и стеснений исполнял Богослужение в своё время и требы безвозмездно, чем заставлял нас любить и уважать его как доброго пастыря и наставника положили настоящий наш приговор вручить доверенным от нас лицам крестьянам Макару Васильеву и Антону Павлову и просим их исходатайствовать у Его Преосвященства переместив нашего теперешнего священника Добролюбова куда либо по усмотрению, а бывшего Муратова с чистой признательностью убедительно прибегнуть с просьбой также просим допустить на прежнее место» [6, л. 2об]. В итоге крестьяне добились своего [6, л. 12об].

В фондах Оренбургской духовной консистории и Канцелярии епископа Оренбургского и Уральского находится огромное количество дел, в которых священнослужители и прихожане предъявляют друг другу разнообразные претензии. Однако история сохранила доказательства того, что они не всегда находились по разные стороны баррикад. В ряде случаев прихожане отстаивали интересы

полюбившегося им духовника перед епархиальным начальством. Так, например, протоирей Пётр Райский в 1902 году по распоряжению епископа был определён к Градо-Оренбургской Варваринской тюремной церкви. Получить деньги или хлебную ругу за отправление треб с заключённых не представлялось возможным. Кроме мизерного (600 р. в год на весь причт, состоящий из настоятеля и псаломщика) государственного жалования, доходов у Райского не предвиделось. При этом квартиру ему приходилось снимать за свой счёт. Добровольцев, желающих занять эту должность, не находилось. Промучившись два года, Пётр Данилович с трудом нашёл себе преемника и обратился к Оренбургскому епископу Иоакиму с просьбой разрешить ему вернуться на прежнее место службы — в ранг настоятеля Введенского храма города Оренбурга. Архипастырь, питая искреннее уважение к протоиерею, который много лет честно и без нареканий служил Оренбургской епархии, переход позволил [19, л. 92—92об.]. Однако прихожане Введенской церкви за эти годы успели по достоинству оценить своего нынешнего настоятеля, Владимира Георгиевича Серебрякова, и направили епископу приговор: «... Отец Владимир Серебряков за время настоятельства своего заслужил искреннюю нашу любовь и глубочайшее уважение, как высоконравственный человек, истинный христианин, доброжелательный и отзывчивый пастырь, истово, не жалея своих сил и здоровья, отправляющий церковные службы и требы священник, даровитый проповедник. И мы высказываем наше искреннее желание, чтобы о. Владимир Серебряков нас оставлял, и замены его не желаем» [19, л. 89]. Епископ и протоирей Райский долго не хотели отступать от утвержденного решения. Между просителями, архипастырем и обоими претендентами на место настоятеля Введенской церкви велась длительная переписка [19, л. 83—87об.]. Данные клировой ведомости Введенского храма за следующий после описанных событий 1905 г. позволяют утверждать, что епископ Иоаким поддался требованиям прихожан. Священник Серебряков остался на своём месте [14, л. 141об-142].

Хотя подобные случаи и имели место в приходской жизни, следует иметь ввиду, что епископ мог не прислушаться к мнению даже уважаемых и состоятельных граждан, если на образовавшуюся вакансию, по его мнению, находился более достойный человек. В 1890 году Михаило-Архангельская церковь города Троицка Оренбургской губернии остро нуждалась в четвёртом штатном священнике. Глава города Фёдор Дмитриев написал об этом епископу Макарию (Троицкому), рассчитывая определить на это место уважаемого всеми жителями священника Михаила Менстрова [16, л. 63—63 об.]. Дмитриев имел все основания рассчитывать на успех ходатайства. С самого первого дня рукоположения в сан священника в 1878 году Михаил Менстров был определён к Михаило-Архангельскому храму сверх штата. По словам городничего, «Отец Михаил Менстров со дня рукоположения в сан священника —

вполне оправдал доверие Вашего Преосвященства, доказав на деле — ту полную и нравственную отзывчивость к своим прихожанам, какая только требуется от достойного и внимательного пастыря». Все эти годы он безвозмездно преподавал закон Божий в городском Александровском женском училище, и «своим образованием оказал значительную пользу в занятиях по сказанному училищу» [16, л. 63 об.]. Тем не менее архипастырь ответил Дмитриеву, что в город хочет прибыть священник, окончивший полный курс богословских наук, а священник Монстров получит другое назначение [16, л. 65]. Сложно сказать, было ли дело действительно в более высоком образовательном уровне нового претендента на место или в связях, которыми обладал его отец-благочинный. Так или иначе, Михаилу Менстрову пришлось покинуть полюбившийся ему Троицк [16, л. 65].

Сохранились доказательства по-настоящему глубокой привязанности прихожан к своим иереям. Жители Яманхалинского прихода Оренбургского края настолько сроднились со своим священником Елисеем Казанцевым, что восприняли его семейную драму как свою собственную. Получив перевод в этот приход, молодой человек ненадолго оставил жену Анну у её родителей. Они договорились, что снова станут жить одной семьей, как только священник устроится на новом месте. Через несколько месяцев иерей вернулся за Анной, но та наотрез отказалась уехать с ним. Судя по отзывам прихожан, Елисей Казанцев был тихим, скромным человеком, исправно исполняющим свои обязанности и не обижающим жену. Однако, за два года, прошедших с момента расставания, священник так и не смог убедить жену вернуться к нему. В то время Елисею едва сравнялось 25 лет. Разводы в пастырских семьях не допускались и клирик, страдая от одиночества и потеряв надежду вернуть супругу домой, стал раздумывать над тем, чтобы снять с себя сан [21, л. 36—36 об.]. Опасаясь, что пастырь так и поступит, и сопереживая его горю, жители прихода направили на имя епископа Иоакима «покорнейшую просьбу» повлиять на строптивую матушку: «Ради Бога простите нас Владыка Святой, что мы дерзнули обременять Вас такой неподходящей нам просьбой, но мы упоминали, что горе и радости нашего батюшки есть и наши собственные и мы ревностно желали бы, что пастырь сей, безропотный труженик прослужил по божьей и своей воле до склона своих дней в нашем приходе» [21, л. 37—38 об.]. Известно, вернулась ли к отцу Елисею жена, но молодой человек, ощутив одобрение и поддержку жителей вверенного ему прихода, решил не прекращать пастырскую деятельность [21, л. 35].

Жители села Поляновки Челябинского уезда Оренбургской губернии не потеряли связи со своим прежним батюшкой Львом Русановым и после того, как он был перемещён в село Сухоборское того же уезда. Крестьяне продолжали живо интересоваться делами иерея. Когда до них дошёл слух, что он впал в немилость у епархиального начальства, прихожане обратились к епископу. Из их по-

слания видно, что клирик оставил в душах крестьян глубокий след и оказал на них заметное нравственное влияние, по-настоящему приобщив к вере: «... При о. Льве жители Поляновки только и привыкли посещать храм Божий, его беседы громадное нравственное влияние имели на народ. Причт никогда им не был обижен, ни материально, ни нравственно. Всеми о. Лев был Любим и уважаем. Примером Уважения к о. Льву может служить один редкостный случай. Одна престарелая раскольница, чувствуя себя близкой к кончине, приехала к отцу Льву исповедаться. На вопрос его: “почему она не исповедалась в своём приходе?” Говорит: “там батюшка Табак курит и водку пьёт”, много можно было бы привести выдающихся примеров уважения к нему даже раскольников» [18, л. 138—139]. Растроганный епископ велел ответить написавшим, «... о священнике О. Льве Русанове я истинно доброго мнения и благодарю Вас за благорасположение к своему бывшему духовнику» [18, л. 138].

К сожалению, примеры столь тёплых и уважительных взаимоотношений представителей духовного сословия с приходской общиной в масштабах епархии встречаются нечасто. И всё же они позволяют утверждать, что клирики, несмотря на сложные условия жизни в приходе, имели возможность установить хороший контакт с пасомыми к пользе обеих сторон.

Необходимо отметить, что взаимоотношения священнослужителей и прихожан включали в себя две главные составляющие: духовную и материальную. Духовная сфера в большинстве случаев сводилась к своевременному выполнению священнослужителями церковных обрядов, которые занимали значительное место в жизни любого прихода. Подоплёка материальных взаимоотношений заключалась в финансовой зависимости клириков и членов их семей от благорасположения приходской общины. Последнее обстоятельство очень часто отрицательно влияло на пасторскую деятельность духовенства, что, в свою очередь, способствовало появлению конфликтных ситуаций. Случалось, что конфликт заканчивался удалением или добровольным уходом духовного лица из прихода. Стремясь завоевать расположение прихожан, клирики были вынуждены подстраиваться под их образ жизни и обычаи. При таком положении дел они далеко не всегда могли указывать пастве на её недостатки. Приходская община, осознавая подчиненное положение, которое занимало по отношению к ней духовенство, зачастую не уважала священнослужителей и не считалась с их мнением за пределами храма. В тоже время необходимо отметить, если иерею удавалось завоевать расположение жителей вверенного ему прихода, они могли отстаивать его интересы перед епархиальным начальством и поддержать его в трудных жизненных обстоятельствах, а сам пастырь получал возможность оказывать на паству значительное нравственное влияние. В конечном счете, во взаимоотношениях прихожан и духовенства многое зависело от личности клирика, его умения найти подход к каждому члену приходской общины.

Литература:

1. Белова, Н. В. Провинциальное духовенство в конце XVIII—начале XX в.: быт и нравы сословия. (На материалах ярославской епархии): дисс. ... канд. ист. наук, Ярославль, 2008. 266 с.
2. Белоногова, Ю. И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века. (По материалам Московской епархии). М.: Издательство ПСТГУ, 2010. 176 с.
3. Бернштам, Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: Востоковедение: СПбГУ, 2007. 311 с.
4. Васина, С. М. Приходское духовенство Марийского края в XIX — начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук, Йошкар-Ола, 2003. 361 с.
5. ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 173. Оп. 3. Д. 4051.
6. ГАОО., Ф. 173. Оп.3. Д. 4084.
7. ГАОО., Ф. 173. Оп.3. Д. 4100
8. ГАОО., Ф. 173. Оп.3. Д. 4149.
9. ГАОО., Ф. 173. Оп.3. Д. 4243.
10. ГАОО., Ф. 173. Оп.3. Д. 4342.
11. ГАОО., Ф. 173. Оп.3. Д. 4376.
12. ГАОО., Ф. 173. Оп.3. Д. 4425.
13. ГАОО., Ф. 173. Оп.3. Д.4656.
14. ГАОО., Ф. 173. Оп.9. Д. 1576
15. ГАОО., Ф. 174. Оп.1. Д. 88.
16. ГАОО., Ф. 174. Оп.1. Д. 182.
17. ГАОО., Ф. 174. Оп.1. Д. 211.
18. ГАОО., Ф. 174. Оп.1. Д. 286.
19. ГАОО., Ф. 174. Оп.1. Д. 235.
20. ГАОО., Ф. 174. Оп.1. Д. 338.
21. ГАОО., Ф. 174. Оп.1. Д. 339.
22. Грекулов, Е. Ф. Русская церковь в роли помещика и капиталиста. М.: Атеист, 1930. 153 с.
23. Грекулов, Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX — начало XX вв.). М.: Наука, 1969. 184 с.
24. Дмитриев, А. Церковь и идея самодержавия в России. М.: Атеист, 1930. 320 с.
25. Дмитриев, А. Церковь и крестьянство на Руси. М.: Атеист, 1931. 182 с.
26. Емелях, Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. М-Л: Наука, 1978. 182 с.
27. Заозёрный, Н. А. Что есть православный приход и чем он должен быть? Сергиев посад: Склад издания в книжном магазине магазина М. С. Еслова, 1912. 114 с.
28. Калашников, Д. Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX — начала XX века. (На материалах Курской епархии): дисс. ... канд. ист. наук, Курск, 2011. 189 с.
29. Леонтьева, Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX начале XX вв.. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.
30. Несмелов, П. Заручная. Рассказ. // Странник. 1883. Т. 3. № 12. С.644—662
31. Носова, Г. Я. Язычество в православии. М.: Наука, 1975. 152 с.
32. Папков, А. А. О благоустройстве православного прихода с приложением проекта приходского устава. СПб.: С-Петерб. синод. тип, 1907. 64 с.
33. Папков, А. А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя (1855—1870 гг.). СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1902. 184 с.
34. Папков, А. А. Упадок православного прихода XVIII—XIX веков. М.: Тип. В. Чичерина, 1899. 163 с.
35. Писарев, В. Церковь и крепостное право в России. М.: Изд-во Социально-экономической литературы, 1930. 365 с.
36. Полный годичный круг кратких поучений. В 4-х томах / сост. Протоирей Г. Дьяченко. / М.: Благовест, 2012. Т. 1. 548 с.
37. Протоиерей, В. Г. Певцов. Лекции по церковному праву. Саратов: Издательство Саратовской епархии, 2004. 148 с.
38. Розанов, А. И. Записки сельского священника. Быт и нравы православного духовенства. Записки пересмотр, и испр. авт. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1882. 324 с.
39. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 804. Оп. 1. Раздел III. Д. 249
40. Тихомиров, Л. Современное положение приходского вопроса. М.: Издательство А. Лапухина, 1907. 92 с.
41. Устав Духовных Консисторий. СПб.: Синодальная типография, 1843. 134 с.
42. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб: Семёновская типография, 1894. Т 22. 511 с.
43. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб: Семёновская типография, 1899. Т. 53. 527 с.

Место термина «кустарь» и «кустарное гнездо» в историческом контексте

Чиркунов Илья Вячеславович, аспирант

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

В толковых словарях и другой неспециальной литературе термины кустарь и ремесленник являются схожими [1, с. 347]. Однако, в контексте данной работы очень важно сделать разграничение данных понятий. Особенно актуальным термин «кустарь» для Российской империи становится после 1861 года. Отмена крепостного права повлекла за собой высвобождение большого количества свободной рабочей силы.

Исследование проблем кустарной промышленности требует от исследователя знания четкого определения нескольких понятий — кустарь, кустарное селения, центр промысла.

Для понимания термина «кустарь» необходимо обратиться к причинам зарождения и дальнейшего развития кустарного сектора. Первостепенной причиной был социально-экономический кризис. Он толкал население на поиск дополнительного заработка. Из второстепенных причин можно выделить географическое положение и климат. Некоторые исследователи уверены, что одним из факторов развития кустарного сектора мог стать географический фактор. Обширная территория Российской империи не позволяла развивать торговые отношения с другими странами.

Наличие в течение долгого времени крепостного права и провальная политика органов власти в отношении массы крестьянского населения, получивших свободу после 1861 года привели к социальным проблемам и противоречиям. Их следствием стало малоземелье. Появлялось все больше крупных держателей земель, которыми являлись богатые помещики и даже церковь. Со временем ситуация менялась в худшую сторону, так как рост сельского населения приводил к усугублению проблемы малоземелья.

Кризис был комплексным и не сосредотачивался в одном регионе. Во второй половине XIX века он проявлялся и на окраинах Европейской части России. Например, исследователи Казанской губернии в своих работах указывали, что численность крестьянства возрастала, а общее количество угодий на каждого из них уменьшалось. Таким образом, занятие промысловой активностью стало необходимостью [2, с. 8].

Однако занятия кустарными промыслами не всегда приносило прибыль и удовлетворение материальных нужд. Постоянный денежный недостаток заставлял кустарей работать день и ночь. Для повышения производительности глава семьи кустарей часто вовлекал в работу свою жену и детей, доверяя им простые подготовительные работы. Но и это не могло обеспечить высокой доходности, например, в северной части Европейской России кустари Олонецкой губернии получали очень мало [3, с. 389].

Определение термину «кустарь» было дано еще дореволюционной наукой. Кустарями считались мелкие про-

изводители, которые работали на рынок либо сами, либо по заказу. Таким образом, конечного потребителя не было. Кустарное производство отличалось от домашнего и от ремесленного. Ремесленник работал на заказ для конечного потребителя, в то время как домашнее производство должно было удовлетворять нужды собственного потребления [4, с. 2].

Однако данное определение не было распространено повсеместно. В более поздней работе по изучению кустарной промышленности в Псковской губернии, вышедшей в 1914 году, указывается, что отсутствие четкого определения понятия «кустарная промышленность». Таким образом, сравнение отдельных губерний по критерию развития кустарного сектора не имело прочного основания.

В документе «Основные положения для производства, предпринимаемого Главным управлением землеустройства и земледелия обследования кустарной промышленности» была предпринята попытка закрепления определения термина «кустарная промышленность». По мнению Управления, лицо могло считаться кустарем, только в случае соответствия трем основным условиям. Во-первых, все изделия должны изготавливаться на рынок, а не на конкретное лицо (заказчик, скупщик). Во-вторых, считалось необходимым лично принимать участие в процессе изготовления продукции. В-третьих, данная категория лиц должна была принадлежать к числу сельских жителей. Современники считали, что отличить кустаря от ремесленника и домашнего производителя все равно было весьма сложно. По этой причине в Псковской губернии проходила регистрация лиц, которые работали на заказчика [5, с. 4–5]. Однако, при переписи лиц, занятых в кустарном производстве в Костромской губернии возникли трудности. Для регистраторов представлялось трудным провести тонкую грань, которая отделяла кустаря от ремесленника и домашнего производителя. Поэтому в списки занесли всех людей, которые занимались личным производством дома или в мастерской. Таким образом, в регистрационные карты попадали лица, которые являлись скорее деревенскими ремесленниками, а не кустарными производителями. Например, деревенского кузнеца по типу занятий можно было отнести к ремесленникам. Но тот же кузнец в свободное время мог работать на заказчика или изготавливать товар для самостоятельного сбыта на рынке. В таком случае кузнец считался кустарем [6, с. 7–8]. Сложно было выявить и других мелких сельских промышленников.

С этой же проблемой сталкивались и исследователи Вятской губернии. В их работах говорилось о том, что между ремесленниками и кустарями трудно провести разграничения. По этой причине реальное число кустарей по

документам могло быть значительно больше, а ремесленников меньше [7, с. 3].

Следующая проблема, с которой сталкивались исследователи при подсчете кустарей, заключалась в том, что один крестьянин мог заниматься сразу несколькими видами промыслов. Волостные правления сообщали лишь общее число кустарей, занятых в конкретной сфере. Следствием этого являлись неточности при подсчете, так как некоторых кустарей могли «сосчитать» два и более раз [2, с. 12–13].

Кроме ремесленников, при подсчете количества кустарей, в списки часто включались лица занятые либо отхожими промыслами, либо так называемые надомники, которые выполняли работу для фабрик на дому.

Следующая проблема заключается в том, что промыслы и число кустарей в местности могли меняться в самый непродолжительный период времени. В 1863 году вышел первый том работы П. П. Семенова «Географо-статистический словарь Российской империи». Например, в данной работе были описаны промыслы Тамбовской губернии на момент выхода этого труда, но к концу XIX века ситуация изменилась и появились новые промысловые занятия населения, о которых ранее ничего не писалось. В некоторых населенных пунктах, например в селе Абрамово Арзамасского уезда Нижегородской губернии, промыслы вообще не были указаны, хотя их наличие подтверждается архивными данными, а в конце XIX столетия они стали указываться уже источниками [8].

Таким образом, подсчеты кустарей в работах являлись неточными, их число было либо заниженным, либо завышенным. Это в первую очередь было связано с проблемой отсутствия определения, классификации и отличительных особенностей занятия данной категории сельского населения.

Вторая проблема заключается в том, какое селение считается «кустарным гнездом». Селение возможно было называть «кустарным», если в нем имелись кустари, и велось какое-либо кустарное производство. Я. Е. Водарский в своей работе «Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма» опирался на сведения земской статистики. По его мнению, кустарным селом мог являться населенный пункт, в котором более половины мужчин рабочего возраста не занимались земледельческими работами [9, с. 15–18]. Свой критерий оценки селений существовал и у дореволюционных статистов. Они считали селение кустарным в том случае, если в нем жил хотя бы один человек, занятый в сфере промыслового производства [10].

Третий вопрос, который вызывает затруднения при изучении темы, связан с тем, как следует понимать термин

«центр промысла». Четкого определения в литературе нет. Каждый из авторов пытался вложить в определение понятия свой смысл.

Я. Э. Водарский выделяет три условия, при которых село может считаться «центром промысла» [11, с. 8]. Во-первых, употребление этого термина возможно, если речь идет об административно-территориальных единицах, обладавших потенциалом в кустарном производстве. Здесь стоит отметить центры обработки металлов (село Павлово Горбатовского уезда Нижегородской губернии), центры производства кожи (село Выездное Арзамасского уезда Нижегородской губернии) и так далее.

Во-вторых, «центром промысла» может называться промысловый район. Чаще всего входящие в него уезды или уезды соседних губерний.

В-третьих, «центром промысла» исследователи именovali некоторые селения. В таком случае указывалось количество людей, занятых в сфере кустарного производства, объем производимого товара и его общая стоимость. Однако формулировка не является точной, поскольку значение кустарей и оценочная стоимость их производства указывалась редко. Таким образом, критерии, по которым дореволюционные исследователи могли относить населенные пункты к «центрам промысла» остаются неизвестными.

В таком случае количество кустарей в населенном пункте не играло никакой роли и не влияло на возможность называть местность промысловым центром. Например, исследователи Уфимской губернии называли центрами промысла населенные пункты, где насчитывалось от 5–15 дворов, занятых кустарным производством [12, с. 130]. В то же время в Казанской губернии отмечалось село Старые Карабаяны. Оно, по словам исследователей, являлось крупным центром бондарного промысла, при этом занималось им всего 8 дворов [2, с. 28–33].

Таким образом, для использования термина «центр промысла» необходимы два основных критерия. Во-первых, мнение исследователей-современников кустарного сектора в России в XIX–начале XX вв. Проблема в том, что не всегда можно определить, на какие критерии опирались исследователи современники. Был ли выделен населенный пункт как «центр промысла» по каким-то критериям или он обозначался так «случайно», остается под вопросом. Во-вторых, стоит обращать внимание на количество промысловых дворов, которые указаны исследователями. Проблема в том, что не всегда источник содержит в себе подробные данные. В том случае, если населенный пункт сосредотачивал в себе несколько промысловых занятий, то он мог называться «многопромысловым центром» [11, с. 9].

Литература:

1. Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2003.
2. Мелкая промышленность Казанской губернии. Казань, 1911.
3. Отчеты и исследования по кустарной промышленности России. Т. V. СПб. 1898.

4. Указатель кустарных промыслов, встречающихся в Орловской губернии. Орел, 1895.
5. Кустарные промыслы Псковской губернии: По исследованию 1912 года. Псков, 1914.
6. Кустарно-ремесленные промыслы Костромской губернии. Вып. II. Кострома, 1913.
7. Краткий очерк кустарной промышленности Вятской губернии. Вятка, 1896.
8. Семенов, П. П. Географо-статистический словарь Российской империи. Т. 1. СПб., 1863.
9. Водарский, Я. Э. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М. 1972.
10. Справочный указатель кустарных производств и кустарных мастеров. Вып. 1—5. СПб. 1892—1902.
11. Водарский, Я. Э. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX—XX столетий. М.: Институт российской истории РАН, 2004.
12. Кустарные промыслы Уфимской губернии. Уфа, 1912.

Реформирование судебной системы России во второй половине XIX века: либеральные взгляды и их реализация

Шигильдеева Лидия Вадимовна, студент
Иркутский государственный университет

Статья посвящена анализу деятельности реформаторов судебной системы второй половины XIX века в России. В ней рассматриваются наиболее важные личности и их влияние на учреждение Судебных установлений и развитие правовой науки в России.

Ключевые слова: Россия, судебная реформа, 1864 год, либеральные взгляды.

Судебная реформа в России была одной из наиболее значимых из всей эпохи Великих реформ. Вопрос о необходимости изменения судопроизводства назрел давно, еще при Николае I. Но для того, чтобы внести существенные преобразования в одной части, судебной, возникала проблема неизбежного реформирования других отраслей государственного устройства. Поэтому во время правления Николая I о переустройстве старых порядков не могло быть и речи. С приходом к власти Александра II начинаются изменения. Его политический курс был более либеральным, что особенно отразилось на внутренней политике. Начало дальнейшей деятельности, связанной с переустройством государства, дала отмена крепостного права.

Влияние отмены крепостного права на судебную реформу отметил выдающийся российский юрист, один из разработчиков Судебных Уставов 1864 года — С. И. Зарудный: «Если бы 19 февраля 1861 года не состоялось по воле Самодержца Всероссийского освобождение крестьян с землею, то ни в коем случае не были бы утверждены 20 ноября 1864 года Судебные Уставы. При крепостном праве, в сущности, не было надобности в справедливом суде. Настоящими судьями были тогда только помещики; над ними господствовал высший своевольный суд. Помещики не могли ему не покоряться; но в их руках сосредоточилась власть над большинством народонаселения. Крестьяне расправлялись с помещиками судом Линча. После 19 февраля и высшие наши сановники сознали, что появилась безотлагательная необходи-

мость в суде скором и справедливом». [10.] Разработка проектов реформы началась еще до отмены крепостного права, практически параллельно велись работы по этим двум направлениям. Так уже в 1852 году при II-ом отделении Е. И. В. канцелярии был образован комитет для составления проекта гражданского судопроизводства. Но действия комитета были строго регламентированы. Не подлежали обсуждению такие вопросы, как гласности некоторые другие. Что же касается Государственного совета, то при обсуждении проектов судопроизводства, ему было объявлено Высочайшее повеление о запрете рассмотрения таких вопросов как: гласность, адвокатура и суд присяжных. В первые в Государственном совете они появились в проектах уставов уголовного судопроизводства и судостроительства, представленных Д. Н. Блудовым в 1860 г. Позднее, 23 октября 1861 года, по Высочайшему повелению были образованы специальные комиссии при Государственной канцелярии для извлечения «Главных основных начал» из проектов Блудова. Это был ответ на доклад, который подготовил государственный секретарь В. П. Бутков совместно со статс-секретарем департамента законов С. И. Зарудным. Уже к концу 1861 года комиссия подготовила «Основные начала», но и в них в полной мере не отразились либеральные воззрения деятелей того времени. Поэтому сменивший Д. Н. Блудова на посту председателя в Государственном совете князь П. П. Гагарин, в январе 1862 года исходатайствовал Высочайшее повеление, которое гласило: «Изложить в общих чертах соображения Государ-

ственной канцелярии и прикомандированных к ней юристов о тех главных началах, несомненным достоинством коих признано в настоящее время наукою и опытом европейских государств и по коим должны быть преобразованы судебные части в России». Это позволило не только обсуждать, но и утверждать такие принципы судопроизводства как: отделение власти судебной от законодательной и исполнительной, несменяемость судей, самостоятельность адвокатуры, решение уголовных дел судом присяжных, не исключая дел политических и литературных. Все это отразилось в «Соображениях и основных положениях о гражданском и уголовном судопроизводстве и судоустройстве», составленных комиссией при Государственной канцелярии. После их рассмотрения в Государственном совете, они были утверждены 29 сентября 1862 г. Согласно «Основным положениям» разрабатывались проекты Судебных уставов. Для этого была создана специальная комиссия, делившаяся на три отделения: гражданское судопроизводство, уголовное судопроизводство и судоустройство. В состав каждого отделения входили: председатель, члены и эксперты. Гражданская секция состав: С. И. Зарудный, К. П. Победоносцев, Н. В. Калачов; эксперты — А. П. Заблоцкий-Десятовский, Н. П. Семенов. Уголовная — Н. А. Буцковский, М. Е. Ковалевский, Я. Г. Есинович; эксперты — В. Д. Спасович, П. А. Александров. Судопроизводства — А. М. Пласвский, Д. А. Ровинский, П. В. Даенвский; эксперты — М. Н. Любошинский, Эссен. Многие из них уже зарекомендовали себя как опытные юристы и правоведы, знавшие российское дореформенное законодательство, знакомые с судопроизводством в других странах и обладавшие хорошей практикой судопроизводства. Еще до официального разрешения, т. е. до принятия «Основных Положений» ими высказывались либеральные, западные идеи судебного преобразования. К примеру, Д. А. Ровинский первый высказался о необходимости введения суда присяжных. Он активно отстаивал свою точку зрения и боролся с противоборствующим мнением о неспособности человека отличать преступления от несчастия, и тем самым невозможности участия народа в судебных разбирательствах. Согласно взглядам Дмитрия Александровича, народ способен видеть разницу между состраданием и снисходительностью к преступлению. Приводя аргументы из своей практики (сын московского полицмейстера, губернский стряпчий, затем тов. председателя уголовной палаты, губернский прокурор, прокурор судебной палаты и председатель департамента судебной палаты) и жизненного опыта, он старался убедить в не только судебную общественность, но и широкий круг современников путем выступлений и публикаций в печати. В устав уголовного судопроизводства вошло положение о суде присяжных. Их роль заключалась в установлении вины подсудимого, а именно ответ на вопрос: «Виновен ли подсудимый или нет?» В первом случае, судья выносил приговор, в соответствии с законом, а во втором — подсудимого оправдывали. По

оценкам современников, видевших суд присяжных в действии, он оправдал ожидания, возложенные на него.

Соратником и помощником Д. А. Ровинского в этом вопросе был Н. А. Буцковский. Он разработал правовую базу для суда присяжных, описал их права и обязанности, провозглашенные реформой. Многие из этих положений нашли отражение в его работе «Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года». Помимо этого, Николай Андреевич выступил с предложениями об отмене телесных наказаний. В 1861 году, будучи прикомандированным к Государственной канцелярии, он работал в комитете по отмене телесных наказаний. А уже 17 апреля 1863 года был издан закон, который отменял: тяжкие телесные наказания, наложение клейма и штемпельных знаков, наказания для женщин, кроме ссыльных. Возможно, его вклад повлиял на дальнейшее развитие по улучшению данного вопроса.

Еще одним выдающимся судебным деятелем был Николай Иванович Стояновский. Его труды «Учреждение судебных следователей» и «Наказ следователям», в которых одной из главных идей было выделение следственной части из ведения полиции, положили начало одному из принципов судебной реформы — отделению судебной власти от административной. Современники эпохи преобразований отмечают вклад С. И. Зарудного в судебную реформу, и с ними нельзя не согласиться. Его заслуга заключалась в поддержке либеральной линии и стремлении повлиять на ее принятие в процессе реформирования. Благодаря ходатайствам Сергея Ивановича, составленным им проектам, запискам и т. п. ему удалось отстаивать принципы, а также способствовать привлечению к комиссиям и на важные должности (такие как председатель Государственного совета и т. д.) людей, настроенных и готовых к преобразованиям.

В процессе реформирования судебной части в России принимало участие много выдающихся юристов и правоведов того времени. Каждый по-своему внес свой вклад в разработку и создание Судебных уставов. Кто-то разрабатывал что-то новое, второй старался использовать, насколько это было возможно для нашего государства, европейский опыт, другой анализировал различные предложения и старался вычленив из них наиболее подходящие и значимые. Немало было и таких, чья заслуга заключалась в непосредственном ежедневном труде, по составлению комментариев, записок и всевозможных поправок и предложений, ведению документации делопроизводства и так далее.

В ходе проведения судебной реформы 1864 года реформаторы сталкивались не только со сторонниками, но и убежденными противниками своих взглядов. «Отцы и дети» судебной реформы не всегда и не во всем смогли выразить свои либеральные идеи, тем не менее им удалось многие из них провести в жизнь, что сделало возможным появление в России суда и судопроизводства отвечающего современным, по тогдашним понятиям, буржуазным требованиям.

Литература:

1. Виленский, Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. — Саратов, 1969. — 400 с.
2. Гессен, И. В. Судебная реформа. М., 1905. — 267 с.
3. Джаншиев, Г. А. Страница из истории судебной реформы. Д. Н. Замятин. — М., 1883. — 154 с.
4. Джаншиев, Г. А. Основы судебной реформы: Сборник статей / Г. А. Джаншиев. — М.: «Статут»; РАП, 2004. — 316 с.
5. Джаншиев, Г. А. С. И. Зарудный и судебная реформа / Г. А. Джаншиев. — М.: тип. Е. Гербек, 1889. — 186 с.
6. Джаншиев, Г. А. Эпоха великих реформ / Г. А. Джаншиев. — СПб.: Типо-литография Б. М. Вольфа, 1907. — 1006 с.
7. Звягинцев, А. Г., Орлов Ю. Г. От первого прокурора до последнего. — Издательство: Олма-Пресс, 2001. — 384 с.
8. Кони, А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. — М.: Юридическая литература, 1968. — Т. 5. — 536 с.
9. Российское законодательство X XX вв. Т. 8. Судебная реформа. / Отв. ред. Б. В. Вшенский. — М.: Юрид. литература, 1991. — 495 с.
10. Русская Старина 1888 г., № 9
11. Русский биографический словарь: В 25 т. / А. А. Половцов. — М., 1896—1918
12. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России / Коротких М. Г.; Науч. ред.: Карпачев М. Д. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. — 185 с.
13. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. — СПб, Типо-Литография И. А. Ефрон, 1894. — Т. 12. — с. 309—312

5. АРХЕОЛОГИЯ

История изучения археологического памятника «Гермонасса — Тмутаракань»

Гусев Константин Дмитриевич, студент
Кубанский государственный университет

В статье рассматриваются основные этапы изучения археологического памятника «Гермонасса-Тмутаракань» в станице Тамань. Выделяются основные особенности и характеристики периодов исследования, особая роль отводится персоналиям и их вкладу в разработку проблемы.

Ключевые слова: археологический памятник, городище, изучение, слой, клад, тмутараканский камень, музей, Тмутаракань, Гермонасса, Таматарха.

Археологический памятник «Гермонасса-Тмутаракань», как, впрочем, и другие многочисленные памятники Таманского полуострова, начали привлекать внимание исследователей еще в конце XVIII века, что связывают с присоединением к России территории Кубани и высадкой первых казаков-черноморцев на Тамани 25 августа 1792 года. Несмотря на находку казаками так называемого Тмутараканского камня, основной интерес исследователей на протяжении нескольких десятилетий ограничивался лишь античным периодом. При этом стоит отметить, что профессиональный характер работы не носили. Так, первые на полуострове проводились гарнизонными солдатами под руководством генерала Вандервейде, в результате чего все ценные находки самого большого кургана Фанагорийского некрополя были разграблены. Полковник Парокня, работавший на курганах близ Тамани в 1817 году, нашел «значительные древности, особенно золотые» [1, с.5]. Однако их судьба нам так и неизвестна, из чего можно сделать вывод, что данные работы проводились с целью поиска сокровищ и наживы.

С конца 30-х годов XIX-го века на полуострове начинают правительственные раскопки. Одним из их руководителей был Д. В. Карейша — чиновник министерства внутренних дел, в ведомстве которого находились археологические исследования в России, а также А. Б. Ашик — директор Керченского музея. Сам факт того, что за работами наблюдал не лично А. Б. Ашик, а некий молодой грек говорит о несерьезности проводимых исследований. Д. В. Карейша затем, в 1842 году, проводил раскопки 9 курганов близ Тамани, но без всякого результата.

Наконец, в 40-е гг. очередь доходит и до Гермонассы, в развалинах которой находят знаменитый клад античных золотых монет, вошедших в нумизматическую литературу под названием «Пуленцовский клад». По официальным источникам, Пуленцов продолжал грабительскую работу на городище после казака Алексея Тараненко, которому так и не удалось найти клад. В 1845 году Пуленцов

вынужден был уехать в Темрюк, а нанятые им рабочие в это время на большой глубине нашли расписную древнегреческую вазу, доверху наполненную золотыми монетами. Скорее всего, большая часть монет была похищена, и лишь 21 была доставлена Пуленцову (только потому, что о находке узнали посторонние и скрыть ее было уже нельзя). Пуленцов отправил монеты местному кавказскому князю М. С. Воронцову, однако сам, несмотря на блестящее открытие, остался недоволен, так как считал, что существует громадный клад, который надо продолжать искать.

С начала 50-х годов намечился перелом в самом методе исследования археологических памятников. Теперь целью раскопок является не только стремление обнаружить ценные вещи, но и решить некоторые научные вопросы. С этого времени ведутся подробные журналы всех раскопок с приложением чертежей и рисунков, на основании чего составляются отчеты [2].

В 1852 г. ведение раскопок на Таманском городище было поручено исполняющему должность директора Керченского музея К. Р. Бегичеву. Раскопки проводились вдоль обрыва, с левой стороны от пристани, где был найден «Пуленцовский клад». На разных глубинах обнаружены остатки каменных стен от бывших построек, обломок нижней части мраморной статуи небольших размеров. В античном слое была обнаружена фрагментированная амфора, обломки простых и расписных чернолаковых сосудов, донца чернолаковых сосудов с граффити на дне, небольшая чернофигурная ваза с изображением битвы с животными. Раскопки велись до материка, и установлено, что нижний слой относился к VI в. до н.э., то есть ко времени возникновения Гермонассы.

Летом 1868 г. на Таманском городище производил раскопки археолог В. Г. Тизенгаузен [3]. Им были открыты фундаменты каменных строений, найден обломок мраморной колонны с сильно поврежденной византийской надписью и фрагмент древнего надгробия, вто-

рично использованного в качестве строительного материала, с изображением женской фигуры, стоящей между двумя детьми, а также разбитый краснофигурный чернолаковый кратер, глиняный светильник, ручка синопской амфоры II в. до н.э. с клеймом, на котором сохранилось имя Леомедонта и эмблема — всадник с поднятой рукой, верхняя часть терракотовой статуэтки, несколько медных монет, по-видимому, боспорских.

Отметим, что раскопки городища в дореволюционное время проводились только спорадически и, следовательно, большого научного значения иметь не могли. Никто так и не смог разобраться в культурных слоях городища, несмотря на то, что городище несколько раз прокапывалось до материка. Это обусловлено тем, что все внимание исследователей было сосредоточено на манящих своими богатствами курганах. Можно выявить две цепи курганов, идущих от Гермонассы: первая — на запад вдоль моря к Тузле, вторая — на юго-запад к горе Зеленой. Здесь было найдено немало погребений с чрезвычайно богатым инвентарем. Так же в 1916 в этих местах в насыпи кургана грабительскими раскопками открыта гробница, содержащая великолепный расписной и позолоченный мраморный саркофаг — «Таманский саркофаг».

Революция 1917 года привнесла изменения и в изучении археологических памятников Таманского полуострова. В 1921 году в станице Тамань появились «Таманская археологическая станция и музей», основанный школьными работниками, уроженцами станицы братьями с. Г. и А. Г. Остроумовыми. Музей, не имевший средств на раскопки, ставил задачи сбора материалов по истории местных раскопок, запись впечатлений кладоискателей, расшифровку древних монет и т.д. Однако в поле зрения центральных экспедиций (московских и ленинградских) Таманский полуостров не попадал на протяжении большей части 20-х годов. Первой профессиональной экспедицией стала экспедиция А. С. Башкирова (в ней так же принимали участие В. Д. Блаватский, М. М. Кобылина, Л. П. Харко), одной из задач которой было и изучение Таманского городища. Результатом исследований явилась не только инвентарная опись фондов местного музея, но и находка мраморного фриза с остатками рельефа с изображением фигур гигантов, обнаруженный в станице Таманской (станица Тамань). Материал о мраморном фризе был впоследствии опубликован Л. П. Харко, предположивший, что фриз является частью архитектурной постройки, возможно небольшого храма в Гермонассе [4].

В это же время встает вопрос о сохранении памятников культурного наследия, в частности спасение археологических памятников от разрушения и кладоискательства. Для этого в 1922 археолог-краевед В. В. Соколов по решению Совета при Кубано-Черноморском музее был отправлен на Тамань с целью организации работ по учету и охране археологических объектов [5].

И все-таки в 1930 году Таманский полуостров был избран Государственной академией истории материальной культуры для систематических и продолжительных ис-

следований с охватом памятников всех категорий и всех эпох. В свете данных событий в 1930 г. была организована Таманская археологическая экспедиция под руководством А. А. Миллера, начавшая раскопки Таманского городища — Гермонассы — Таматархи — Тмутаракани. Стоит отметить, что с именем А. А. Миллера связана революция в источниковедении железного века [6]. Им были на практике разработаны новые методы исследования памятников со сложной стратиграфией. Именно с этого времени начинается планомерное исследование городища, однако первый этап исследований был слишком мал — экспедиция А. А. Миллера работала всего 2 года (1930–1931 гг.), поэтому некоторые ученые обозначают данный период как разведочный [7]. В ходе него были открыты четыре античных могильника. Так же оказалось, что верхние слои, представляющие слой турецкого времени XVI–XVIII вв. и большая часть XIV–XV вв. сняты местными жителями для производства сырцовых кирпичей. Отметим, что об археологических раскопках Миллера на Тамани вообще известно очень мало — существует упоминание в «Энциклопедии украиноведения», что он «установил место летописного города Тмутаракань». В настоящее время остатки раскопа А. А. Миллера наблюдаются в береговом обрыве между современными раскопами «Северный» и «Северо-Восточный» [8]. Основные результаты работ экспедиции А. А. Миллера были использованы в работе И. И. Ляпушкина (1902–1968), который при обработке стратиграфических данных и керамического комплекса выделил два средневековых слоя городища: IX — начала X вв. и конца X — начала XIII вв. В 1935 г. А. А. Миллер попал под каток репрессий, о его смерти точных данных не осталось, а реабилитирован был только в 1957 году. Раскопки, без малого, прекратились на 21 год и только в 1952 г. начались систематические раскопки Таманского городища Институтом археологии АН СССР под руководством Б. А. Рыбакова. Еще в 1950 г. экспедицией Государственного исторического музея в составе А. П. Смирнова (1899–1974) и Н. П. Сорокиной (1922–2002) был проведен осмотр Таманского городища в целях выяснения урона, нанесенного ему во время боевых действий 1942–1943 гг. Основной вывод — настоятельное требование скорейшего проведения археологических исследований вследствие сильных разрушений, причиняемых морем и вследствие постоянных обвалов. Руководствуясь этими положениями, в 1952 г. Институтом истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР была организована Таманская археологическая экспедиция под руководством Б. А. Рыбакова. Работы на городище проводились в период 1952–1955 гг. (в 1956 г. работу продолжал античный отряд Таманской, а в 1957 г. Пантикапейской экспедиции ГИМ). Первоначально на трех участках городища было заложено 18 раскопов. Основное внимание было уделено центру городища, где было разбито 11 раскопов — I, II, III, VIII–IX, X, XI, XII, XIX, XX, XXIII, шурфы 1 и 2, траншеи 1 и 2 длиной от 6 до 15 м (общая площадь более 750 м²). Специальный разведывательный отряд по подъемному материалу

должен был наметить распространение античного и средневекового поселений, выяснить протяженность городища, изучить его планировку и застройку. Результаты исследований показали, что толщина верхних слоев Таманского городища (раннее средневековые — современная поверхность) равна примерно 6 м, античные слои — ок. 3–4 м. В результате работ Таманской экспедиции под руководством Б. А. Рыбакова было окончательно установлено возникновение первого поселения на данной площади в VI в. до н.э. В 1965 г., с целью исследования античных слоев Таманского городища, под руководством И. Б. Зеест была создана Гермонасская экспедиция ИА АН СССР. С 1968 г. раскопки городища проводились совместно с ГМИИ им. А. С. Пушкина, под руководством А. К. Коровиной. С 1971 г. (с перерывами в 1977 и 2004 гг.) раскопки на городище проводит Гермонаско-Тмутараканская экспедиция ГМИИ. С 1989 г. работами руководит С. И. Финогенова. В 1983–1996 гг. в составе экспедиции работал отряд Таманского музейного комплекса (ТМК) под руководством О. В. и И. Н. Богословских.

С 1999 г. под руководством Э. Р. Устаевой, работа средневекового отряда ТМК — КГИАМЗ была возобновлена. Экспедицией было учтено, что в настоящее время от городища осталось чуть более половины его первоначальной площади, так как северная часть его продолжает размываться морем, часто происходят обвалы, в результате которых погибают крупные участки культурного слоя. Именно столь бурное разрушение памятника вынуждало вести интенсивные охранные работы вдоль береговой полосы с целью остановить разрушение городища [9]. В 1985 г. вся территория городища была условно разбита на квадраты 5 × 5 м, имеющие буквенно-цифровое обозначение, согласно этой таблице с этого времени разбивались все площади раскопов на городище. Доследование площадей и разбивка новых осуществлялась исключительно в двух случаях: либо в целях фиксации разрушающихся береговых участков, либо для лучшего визуального показа городища. Вместе с тем, работы приостанавлива-

лись, по мере появления архитектурных объектов, представляющих экспозиционную ценность [10, с.8]. Всего раскопами Таманской экспедиции занято около 1250 м² раскопанной площади. Важно подчеркнуть, что «особенностью данного городища является огромная толщина культурного слоя, достигающая 12 м, что мешает созданию целостной картины истории городища, так как приходится тратить большое количество времени, чтобы раскопать тот или иной участок до материка. Как на «Северном», так и на «Нагорном» раскопах ни одна постройка не была доследована до конца, так как кладки помещений уходят в борта раскопов, что мешает сделать основополагающие выводы о планировке города и его жилых построек, об истории его заселения.

В настоящее время Таманское городище является археологическим заповедником «Гермонасса-Тмутаракань» под открытым небом площадью 5–6 га. Обнаруженные строительные остатки сохраняются и консервируются. Различные участки раскопов демонстрируют жизнь города на протяжении более двух тысячелетий его существования от XVIII в. н. э. и до VI в. до н.э.

Подводя итог главе отметим, что исследования Таманского городища проделали сложный эволюционный путь начиная с кладоискательских раскопок XIX века, заканчивая становлением здесь профессиональной археологии XX века — экспедиций А. А. Миллера, Б. А. Рыбакова, И. Б. Зеест, А. К. Коровиной, С. И. Финогеновой, Э. Р. Устаевой. Результатом их работы стало накопление огромного количества источников, которые начали заполнять пробелы в истории Тамани, и в частности Гермонассы. Однако несмотря на это исследователям не удалось определить древнюю топографию самой Гермонассы, изучить динамику разрастания города, политическая история так и осталась неизвестной, исчерпывающими исследования назвать невозможно при этом само городище в силу природного фактора год от года разрушается, что еще сильнее актуализирует изучение архитектурного памятника мирового масштаба.

Литература:

1. Герц, К. К. Собрание сочинений. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. // К. К. Герц — СПб., 1898. — Вып. 2.
2. Прошлое Кубани. Из наследия Н. В. Анфимова / сост. е. А. Хачатурова. — Краснодар, 2010.
3. Тизенгаузен, В. Г. Новейшие археологические раскопки на Таманском полуострове / В. Г. Тизенгаузен. — М., 1869.
4. Харко, Л. П. Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской / Л. П. Харко // Советская археология. — М., 1941. — № 7.
5. Есипенко, Л. М. Неизвестный автограф профессора А. С. Башкирова / Л. М. Есипенко // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. — Краснодар, 2012.
6. Миллер, А. А. Археологические разведки / А. А. Миллер. — Л., 1934.
7. Кошеленко, Г. А., Кругликовой, И. Т., Долгорукова, В. С. Античные государства Северного Причерноморья / Г. А. Кошеленко. — М., 1984.
8. Чхаидзе, В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове / В. Н. Чхаидзе. — М., 2008.
9. Коровина, А. К. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове / А. К. Коровина. — М., 2002.
10. Богословская, И. Н., Богословский, О. В. Исследование средневековых слоев Таманского городища / И. Н. Богословская // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. — Ейск, 1992.

Библия как исторический источник

Куцова Евгения Анатольевна, магистрант

Научный руководитель: Аванессов С.С., доктор философских наук, профессор

Томский государственный педагогический университет

Настоящая работа предлагает обратить внимание на отсутствие в России такого научного направления, как библейская археология, целью которой является доказывать по материальным свидетельствам достоверность событий, описываемых в Библии.

Ключевые слова: Библия, библейская археология, наука в России, история Древнего мира.

Библия — это Священное Писание христиан, объединяющее в себе в общей сложности 77 книг Ветхого и Нового Заветов, 11 из которых в православной традиции признаются неканоническими, в католической — второканоническими, а многими протестантскими религиозными течениями не признаются вовсе. Основой Ветхого Завета является так называемая «Еврейская Библия» или Танах, состоящая из трёх частей: Письменной Торы (Закон), Небиима (Пророки) и Ктубима (Писание) — всего 24 книги, которые более, чем тысячу лет записывались и редактировались. Главной целью редактирования Танаха было не только фиксирование текста письменно, с точностью до знака, но и сохранение правильного произношения этого текста. В 6–7 вв. текст Танаха, в котором использовались 22 согласных буквы древнееврейского алфавита, был снабжён гласными знаками вокализации, интонационными знаками, ударениями и паузами.

Священные тексты христиан и иудеев объединяет много общего, но принципиальное расхождение в них имеет, главным образом, догматическую основу. В иудейской (впрочем, как и в мусульманской) религиозной традиции, Бог — только трансцендентен и, соответственно, Он, по определению, не может воплотиться, приняв формы земного мира. Именно по этому, Мессия, Которого иудейский мир ожидает до сего дня, не воспринялся и не соотносится носителями этой религии с Иисусом Христом, Который, с точки зрения христиан, и есть Тот Самый Спаситель и Царь мира, воплотившийся более 2000 лет назад, Тот Самый Богочеловек, в Котором божественная и человеческая природы соединены не слитно, не раздельно, неразлучно и неизменно; ведь в христианстве Бог и имманентен и трансцендентен одновременно. Соответственно, вектора герменевтических поисков одних и тех же библейских событий, описываемых казалось бы идентично в обоих Священных Писаниях, разнонаправлены. Основание данного разногласия можно найти, например, на страницах книги пророка Исаии. Там есть такие слова: Дева (христианский вариант), Женщина (иудейский вариант) «во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что означает с нами Бог» (Ис 7: 14–16) — этим пророчеством о будущем пришествии Мессии, пророк Исаия вразумлял царя Ахаза, сына Иоафамова, потомка царя

Давида, в дни угрозы физического уничтожения царского рода в следствии военного вторжения в Иудею со стороны Ассирии и Египта. В соответствии с иудейским толкованием, здесь речь идёт о молодой женщине которая родит уникального человека-правителя, и он, соответственно, поднимет носителей этой религиозной традиции на вершину земного мироустройства; в христианском же толковании речь идёт о Деве, которая чудесным образом станет матерью Мессии — Богочеловека, т.е. Христа, обладающего как божественной, так и совершенной, неповреждённой грехом человеческой природой; при этом целью воплощения Богочеловека в земном мире является возвращение людей к Богу путём уподобления Ему, приобщение людей по их доброй воли к вечному и благодатному богообщению, которое было утрачено прародителями человечества Адамом и Евой в результате грехопадения. Богословский спор догматического характера между иудеями и христианами с особой силой вспыхнул после Второй мировой войны, из-за археологических находок, сделанных в местечке Вади-Кумран, недалеко от Мёртвого моря, в 1949 году. Десять лет спустя, после открытия, к их систематическому обследованию приступила экспедиция Дж. Хардинга и Р. Де Во, в результате чего миру открылось множество пергаментных свитков 2–3 вв. до н.э. [1], в том числе, и Танаха на греческом языке. Священные тексты, многие из которых были переписаны многократно, соответствовали синодальному переводу современной Библии. Среди древних пергаментов, из которых местные бедуины первоначально пытались выкроить стельки, была найдена, и книга Исаии. Иудеи комментируют эту находку, как вариант Танаха не исправленный масаретами; христиане же ссылаются на тот факт, что имеют дело с очень авторитетной редакцией Септуагинты, или переводе семидесяти, который был так назван в соответствии с преданием, восходящим к «Письму Аристее», и повествующим о 72 благочестивых еврейских мужах, положивших начало этому труду под сенью Александрийского маяка. Христианская традиция утверждает, что качество перевода Септуагинты было высоким и общепризнанным в 3–1 вв. до н.э. даже в среде эллинизированных иудеев, которые использовали его, как основной. Например, «иудейский историограф Эвполом пользовался греческим переводом книг Паралипоменон в середине 2 века до н.э.

э». [2], кроме того, этот перевод был начат по приказу Птолемея Филадельфа (285–246) для Александрийской Библиотеки, и был исполнен самым благоговейным образом.

Однако, все теологические споры утихают между иудеями, православными, католиками, и протестантами, когда речь заходит об историчности Библии. Дело в том, что 18 век — Век Просвещения в Западной цивилизации, породил сомнения в достоверности описываемых там событий; высказывалось не мало мнений о том, что Библия (соответственно и Танах) — это всего лишь сборник мифов и легенд, подобных древнегреческой литературе. Однако 19 век полностью перевернул это представление. На территории Месопотамии, сначала путешественники, а позже исследователи находили холмы (или тели), на вершинах которых иногда виднелись остатки полуразрушенных строений. Раскопки в таких местах дарили миру удивительные открытия: в 1842–1845 гг. был открыт Дур-Шаррукин (современный Хорсабад — южная резиденция ассирийских царей Салманассара V (726–722 гг.), осадившего Самарию, и Саргона II (721–705 гг.), покорившего её (4 Цар 17)); в 1849–1850 гг. — Калах (местечко Нимруд (Быт 10:8–11)); год спустя была открыта Ниневия (Тель-эль-Куянджик (Быт 10:11; Ион 1–4)); в середине 20 века — Урук (или Эрих, ныне — Варка (Быт 10:10)) [3]; в 1933 г. была обнаружена столица Мари [4]; в 1950-х гг. — исследовался Иерихон (Нав 2; 5:16; 6).

Часто подробности Священного Писания даже в мелочах поражали исследователей своей точностью изложенных в нём фактов. Законы, традиции и обычаи, государственное устройство, культ, исторические имена и географические названия — всё постепенно стало обретать определённые черты, обогащалось новыми смыслами, становилось ясным и логичным. Как следствие, именно в 19 веке были заложены первые научные центры, специализирующиеся на исследованиях в данной области: Британский фонд исследования Палестины (1865 г.), Американское общество исследований Палестины (1870 г.), Германское Палестинское общество (1878 г.), Русское Императорское Православное Палестинское общество (1882 г.).

Итогом этой деятельности стало рождение такой науки, как библейская археология, подтверждающая и восстанавливающая по вещественным памятникам материальной культуры историю Священного Писания.

За последние 200 лет в этом научном направлении сложилось несколько школ: английская, немецкая, после Второй мировой войны — американская, израильская; работы проводились ведущими исследовательскими центрами мира: Гарвардским университетом США (раскопки в Самарии (4 Цар 5:3)), колледжем Вринмауэ (раскопки в Тарсе, на родине апостола Павла); Востоковедческим институтом (Oriental Institute) Чикагского университета (исследования в «городе колесниц» Мегиддо (2 Пар 8:5–6), иранском Персиполе, иракском Иармо (Ягмо)

и в Египте); Британским археологическим факультетом (в Иерихоне); американские факультеты Восточных исследований, как самостоятельно, так и в содружестве с другими учреждениями работали в Эцион-Гавери. Что касается музеев, то, например, Филадельфский университетский музей США проводил раскопки в Беф-Сане (1 Цар 31:8–10); Британский музей в Ниневии, Страсбургский в древнем Унгарице (современный Рас-Шамра) [5]. Большинство исторических событий, изложенных в Библии научно подтверждено. Однако работы в данном направлении чрезвычайно много — материала, которым располагает только один Британский музей достаточно, чтобы обеспечить работой не одно поколение учёных. За рубежом, по библейской археологии созданы фундаментальные труды, налажен выпуск периодических изданий соответствующей тематики [6], сделаны поистине великие открытия, плодами которых пользуются и в России, например, в области истории древнего искусства, истории Древнего Египта, Шумер, Палестины, Ассирии, Вавилонской империи, Древней Персии, вообще истории Древнего Востока.

Открытия, связанные с подтверждением Библии, как исторического источника, часто сопровождалась курьёзами и историями, достойными приключенческого романа. Так, Роберт Кольдевей, приступивший в 1899 году к раскопкам Вавилона (Быт 10:10; 11:1–9; 4 Цар 24–25; Дан), вынужден был организовывать вооружённые эскорты для себя и коллег, чтобы защититься от сынов пустыни, для которых стрельба была или развлечением или средством наживы; в своих дневниках знаменитый археолог не раз описывал эти опасные приключения.

Вести первых открытий, связанных с исследованием библейского региона, печатались в газетах, вызывая бурные споры у просвещённой публики. Так, немецкий учитель Фридрих Гротенфенд [7], впечатлённый публикациями о находках Карстена Нибура в Персиполе, даже поспорил на пирушке с друзьями, что сможет дешифровать клинопись. Утром, на свежую голову он несколько не отчаялся и вскоре добился скромного, но результата, опубликовав его в 1802 году.

Среди исследователей находились скептики, которые задавались целью опровергнуть Библию. Например, англичанин Вильям Рамсей отправился в Малую Азию исключительно для того, чтобы доказать, что всё, о чём писал евангелист Лука в своём Евангелии и в Деяниях апостолов, является вымыслом. Однако, проведённые им всесторонние исследования, сделали из этого скептика ревностного христианина. Научному подтверждению фактов, изложенных в Библии, посвятили свою жизнь многие зарубежные исследователи [8]; среди которых можно назвать первых французских и английских ассириологов и шумерологов: П. Э. Ботта [9], Ж. Менана [10], Ф. Тюро-Данжена [11], Г. О. Лейарда [12], Г. Рассама [13], Ч. Л. Вулли [14], В. Олбрайта [15], и т.д. Не оценима и работа первых дешифровщиков клинописи (1857 г.) — И. Левенстерна, Г. Роулинсона, Э. Хинкса, Ж. Опперда,

У. Фокса-Тальбота, а также разработка грамматики языка древних египтян и дешифровка египетских иероглифов Ф. Шампольоном, первые результаты по которым были получены им в 1822 г. Библейская археология, в какой-то мере оказалась катализатором для учёных, работающих в самых разных направлениях науки: в физике, химии, биологии, астрономии, ведь вопросы: откуда появился человек и как устроен мир, — вопросы, на которые Библия отвечала языком символов, вдохновлял многих на поиск более конкретных и подробных ответов.

Материальные свидетельства человеческой культуры Ближнего Востока вот уже 200 лет доказывают достоверность описываемых в Священном Писании событий. За рубежом вопрос об историчности Библии лежит в плоскости научных доказательств, а вот в России — более в плоскости веры. Проведённый автором опрос студентов исторических факультетов ТГУ и ТГПУ в мае 2015 года показал, что 49% будущих историков считают, что Библия — есть сборник легенд. Корни такого рода мнения об этом уникальном источнике информации о прошлом человечества лежат, видимо, в атеистическое прошлое нашей страны, что привело к отсутствию соответствующей научной школы первоначально в СССР, а затем и в России. Библейской археологии, как научного направления, в России не существует, а доказательная база истории Древнего Востока зиждется исключительно на зарубежных исследо-

ваниях. «Библейская археология и древнейшая история Святой земли» проф. Д.В. Деопика [16] — единственное светское университетское учебное пособие, выпущенное к 2011 году в России. Библейская археология в России — это скорее удел энтузиастов. Например, в 2003 году, почти 100 лет спустя с момента последней русской экспедиции, организованной Русским Императорским Православным Палестинским обществом (1916 г.), экспедиция, во главе с востоковедом и журналистом Андреем Поляковым, поднялась на легендарную гору Арарат в поисках Ноева Ковчега. Их работа широко освещалась в СМИ. Результаты поиска были относительно скромными. А вот китайская археологическая экспедиция, оказались более успешной, их заявление спорно, однако в 2010 году китайские учёные объявили о том, что нашли Ноев ковчег [17].

Отношение к Библии, в последние годы стало меняться. Однако этот процесс не может быть продуктивным без поддержки государства. России нужна соответствующая научная школа с достойным финансированием, кадровым обеспечением, разнообразными учебными программами. История страны не может рассматриваться только в её географических границах, — она часть истории человечества, которая описана и в Библии, факт достоверности описываемых событий в которой, не является особым поводом для дискуссий, например, в Европе, Австралии или Америке.

Литература:

1. Вандеркам Дж. Свитки Мёртвого моря. — 3-е международное издание. — Москва: Аристель, 2012. — 351 с.
2. Василиадис, Н., Библия и археология / Перевод с греческого. — Москва: Свято-Троицкая Лавра, 2006. — 410 с.
3. Бертман, С. Месопотамия / Энциклопедический справочник/. — Москва: Вече, 2007. — 416 с.
4. Мари, [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ru.wikipedia.org (дата обращения: 11.05.15.)
5. Василиадис, Н., Библия и археология / Перевод с греческого. — Москва: Свято-Троицкая Лавра, 2006. — 410 с.
6. Прт. Ростислав Снегирёв, Библейская археология. — Москва: Свято-Троицкая Лавра, 2007. — 576 с.
7. Гротенфенд, [Электронный ресурс]. — Режим доступа: dic.academic.ru>dic.nsf/ruwiki/248915 (дата обращения: 10.05.15.)
8. Прт. Ростислав Снегирёв, Библейская археология. — Москва: Свято-Троицкая Лавра, 2007. — 576 с.
9. Ботта, [Электронный ресурс]. — Режим доступа: dic.academic.ru>dic.nsf/es/71327/БОТТА (дата обращения: 10.05.15.)
10. Православная Библиотека>0—0—0—1873—20 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: golden-ship.ru>Православная Библиотека>0—0—0—1873—20 (дата обращения: 10.05.15.)
11. Тюрро-Данжен, Франсуа, [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ru.wikipedia.org>, wiki/ (дата обращения: 10.05.15.)
12. Лэйард, Остин Генри, [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ru.wikipedia.org (дата обращения: 10.05.15.)
13. История археологических открытий, [Электронный ресурс]. — Режим доступа: uchebnikonline.com>... staro-davnogo... arheologichnogo... (дата обращения: 10.05.15.)
14. Вулли, Чарльз Леонард, [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ru.wikipedia.org (дата обращения: 10.05.15.)
15. Уильям, Ф. Олбрайт, [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ru.knowledgr.com>00148384/ (дата обращения: 10.05.15.)
16. Деоптик, Д.В. Библейская археология и древнейшая история Святой земли. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2011. — 396 с.
17. [“ktrnhjysq htcehc]. Режим доступа: <http://www.utro.ru/articles/2010/04/27/890975.shtml> (дата обращения: 29.11.15.)

Прикосновение к истокам. Археологические раскопки на острове Вёжи

Родионова Ирина Алексеевна, преподаватель;
Полетаева Надежда Александровна, преподаватель
ОГБПОУ «Костромской политехнический колледж»

В Костромской акватории Горьковского водохранилища расположен уникальный археологический памятник Верхнего Поволжья — селище Вёжи. Древнее селище Вёжи или как ещё называют «Костромская Атлантида» — это одно из самых таинственных и интересных, но в то же время малоизученных мест на областной карте. [1] Находится оно на территории Костромской низины, затопленной в 1954 году при масштабном советском строительстве Горьковского водохранилища.

По мнению большинства исследователей, данное место весьма уникально. Под толщей воды здесь мирно лежат достаточно значимые археологические находки. Памятник оценивается специалистами как высоко содержательный источник информации о характере освоения Костромского Поволжья северорусским населением Новгородских и Псковских земель с XII—XIII веков, на так называемом северном пути славянской колонизации Костромского Поволжья. [2] В настоящее время селище, когда-то располагавшееся на возвышенном берегу реки Идоломки, представляет собой остров, образовавшийся в результате затопления данной местности водами водо-

хранилища. В связи с искусственным происхождением водоема, его дно имеет сложный характер с большим перепадом глубин.

Летом 2015 года в Костромской области стартовала межрегиональная комплексная экспедиция под названием «Загадки острова Вёжи», цель которой — раскрыть средневековые тайны уникального археологического памятника Верхнего Поволжья — селища Вёжи.

Экспедиция организована на средства гранта, выделенного Попечительским советом Русского географического общества в 2015 году. Сертификат на 1 млн. 800 тысяч рублей председатель Попечительского совета РГО Владимир Путин вручил руководителю костромского отделения Роману Рябинцеву в апреле этого года в Санкт-Петербурге.

Экспедиция стартовала 15 июля. В течении двух недель студенты из Нижегородской, Вологодской, Костромской и Московской областей работали на раскопках селища в поисках средневековых артефактов, а также проводили биологические исследования на разных островах водохранилища. Их курировали про-

Рис. 1. Территория Костромской низины

Рис. 2. Вручение федерального гранта

Рис. 3. Археологические раскопки

Рис. 4. Переправа на остров

фессиональные археологи и специалисты костромских вузов. Двум студентам нашего образовательного учреждения посчастливилось участвовать в этой экспедиции.

Ребята рассказали, что остров, который до затопления этих мест был большим искусственным холмом древнего поселения, их покори́л.

Рис. 5. Лекция по краеведению

Рис.6. Удивительные находки острова

Николай Слезов, студент строительной специальности: «Были удивлены его масштабами, и действительно, мы здесь смогли прикоснуться к истории». Степан Данилов, будущий геолог, также поделился своими впечатлениями о работе на острове: «Мы нашли множество интереснейших вещей: перстни, пуговицы, кожаную обувь, свистки. За время экспедиции мы все очень подружились». Ребята прослушали курс лекций по краеведению и истории Костромского края, по археологии, истории костромских церквей и костромских святых, а также о фауне и флоре Костромской области.

Во время ознакомления лекторов с бытом и предметом научных изысканий экспедиции были представлены удивительные находки: кусок кожи — деталь средневекового детского башмачка. В 16-м веке его носила маленькая модница, лет пяти, уверяют археологи. Подошва от «взрослого» сапога, тоже сделанного с большим искусством и по последней средневековой моде: с загнутыми носом и наборным кожаным каблуком. Вся эта обувь принадлежала жителям древнего села Вёжи. Впрочем, по своему богатству и уровню жизни населения оно больше походило на город. Археологи рассчитывают найти здесь берестяные грамоты. А находок на Вёжах действительно много, как ни на одном археологическом памятнике в нашем регионе. Здесь сырая почва. Она не пропускает кислород, и все предметы хорошо сохраняются.

Один из дней экспедиции был посвящен Деду Мазая. На основании детального анализа литературного произведения Н.А. Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы» специалисты выяснили, что прообразом литературного героя был обычный крестьянин, который действительно проживал в этих краях. Правда, Мазай — это лишь деревенское прозвище, а звали настоящего спасателя зайцев Иван Саввич Мазайхин и жил он, действительно, в Вёжах. Вероятно, писатель познакомился с Мазайхиным примерно в 60-е годы XIX века. [3] Как и описано у Н.А. Некрасова, в Вёжах действительно некоторые здания возводили «на высоких столбах» — из-за того, что местность была заболочена. Весеннее половодье в этой местности также было обычным явлением — селище стояло на возвышенности, а вот многие лесные звери в низине во время разливов погибали.

И вот, как-то утром, собрался Мазай за дровами и увидел перед собой малый клочок земли, на котором собралось множество зайцев. Мазай бережно всех их собрал к себе в лодку. Возвращаясь назад, он прямо с пня подобрал и зайчиху, накрыв её зипуном. Далее дед Мазай увидел дрейфующее бревно, на котором ютилось около десяти малых зайчат. Зацепив багром за сучёк, он дотянул это бревно прямо до берега. Этот момент можно сегодня увидеть на многих картинах — он является как бы символом подвига деда Мазая. Естественно, вся деревня смеялась, но животные были уже в безопасности. После того

Рис. 7. Установка дорожного знака

Рис.8. Участники Межрегиональной археологической экспедиции — 2015

как лодка причалила, все зайцы кинулись наутек, но две пары измокли и очень ослабли. Мазай их забрал с собой на ночлег, а утром когда они отогрелись — выпустил в лес. Вот такая она — душа русского человека! В память о дедушке Мазе и всех жителях затопленных костромских деревень участники экспедиции установили дорожный знак «Остров Деда Мазая» на крупном безымянном острове в районе Идоломской дамбы под Костромой. [4]

Руководитель экспедиции, председатель Костромского отделения РГО Роман Рябинцев: «Обнаружить в этих местах можно все что угодно. Именно поэтому наша экспедиция называется «Загадки острова Вёжи. Отчет по исследованиям будет готов в октябре. Сейчас идет камеральная обработка и анализ полученных данных. Ваши студенты хорошо проявили и зарекомендовали себя. В ходе экспедиции они познакомились с археологией и основными методами биологических исследований. Надеюсь, что полученная информация и знания будут использованы студентами в дальнейшем».

Роман Рябинцев уточнил, что во время научной экспедиции ученые намерены провести реконструкцию объектов материальной культуры сельского населения Верхнего Поволжья XIII–XVIII веков. Они хотят составить первую комплексную многослойную карту Костромской низины и акватории водохранилища с рельефом и глубинами дна, которая поможет спасти сотни жизней. В составлении уникальной карты будут участвовать топографы, гидрологи и специалисты по подводной археологии. Из-за отсутствия комплексной карты с указанием глубин люди постоянно гибнут на этой территории.

Костромская земля с давних пор была символом русской патриархальной деревни. Тем значительнее тот культурный, духовный и материальный ущерб, нанесенный этому региону созданием на его территории Костромского залива Горьковского водохранилища, нередко именуемого «морем». [5] История строительства всего каскада волжских водохранилищ представляет собой извечный конфликт, возникающий при решении задач промышленно-экономического развития и сохранения историко-культурного наследия.

В этой связи, более известна трагическая история старинного русского города Молога, погребенного на дне

Рыбинского водохранилища. Однако не менее интересны и затопленные деревни соседней с Ярославской областью Костромской земли, в частности Спас-Вёжи. Девятнадцать населенных пунктов Костромской области подлежали выселению в соответствии с планом создания Костромского залива Горьковского водохранилища. Среди них были и довольно крупные, насчитывающие несколько сотен крестьянских дворов. Не стоит забывать и о том, что выселение нередко проходило с применением жестоких мер принудительного характера, осуществляемых по отношению к гражданскому населению, отказывающемуся уходить с веками насиженных мест, отрывать от родных корней и покидать могилы предков. До сих пор местные старожилы со всего Северного Поволжья, наиболее затронутого переселенческой политикой в ходе создания каскада водохранилищ, могут поведать полулегендарные истории о жителях, приковывавших себя к оградкам домов, добровольно обрекая себя на гибель. А ведь у каждого крестьянского двора, у каждого жителя была своя история — история семьи, история рода, исполненная подвигов и неудач, больших и малых свершений. Истории этих людей — живших, любивших и сражавшихся за нашу Родину на фронтах Первой и Второй мировых войн — не должны быть забыты.

В этом и заключается Высокая Миссия для организаторов и вдохновителей Межрегиональной археологической экспедиции Костромского областного отделения Русского географического общества «Загадки острова Вёжи» — привлечь внимание жителей регионов Северного Поволжья и всей России к историко-культурному и духовному наследию деревень, сел и городов, уничтоженных в результате антропогенного воздействия на исторически сложившийся ландшафт региона.

Экспедиция на остров Вёжи, организованная Костромским областным отделением, должна стать первым этапом в масштабном проекте по созданию на территории Костромского района Костромской области интерактивного этнографического музея-заповедника под общим названием «Затерянная Родина деда Мазая», посвященного, в том числе, теме сохранения и популяризации культурно-исторического наследия и быта жителей этой земли.

Литература:

1. Меньков, Б. К. Воспоминания о Мискове // Зонтиков Н. А. «Некрасов и Костромской край» — Зонтиков Н. А. «Некрасов и Костромской край» — Кострома: ДиАр, 2008. — 384 стр.
2. Пискунов, Л. П. Из истории моей родины. О прошлом деревни Вёжи под Костромой
3. Парийский, Л. А. В местах, воспетых Н. А. Некрасовым. Шода // Зонтиков Н. А. «Некрасов и Костромской край» — Кострома: ДиАр, 2008. — 384 стр.
4. Кострома // Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: Филол. фак. С. — Петерб. гос. ун-та, 2002. Т. 2: З — О. — 720 с.: ил.
5. Костромское водохранилище. buher.ru

Древние традиции гончарного ремесла Гянджи как важный источник

Эминбейли Вусал Хидает оглы, бакалавр, научный сотрудник;
Мамедов Эльнур Танрыверди оглы, бакалавр, научный сотрудник
Гянджинское отделение НАН Азербайджана

С древних времен город Гянджа особенно отличался высоким развитием торговли и народного ремесла. Еще с эпохи неолита, а также энеолита на территории древней Гянджи изготавливались ранние керамические изделия. Этот факт доказывают обнаруженные многочисленные образцы гончарного ремесла с территории Гянджи и ее окрестностях.

В этой эпохе прослеживается традиционное продолжение керамических форм предыдущих исторических периодов. А также продолжают действовать и древнейшие культовые обряды эпох бронзы и раннего железа, часто влиявшие на создание таких традиционных керамических форм как зооморфные, сообщающиеся и другие сосуды. Кроме того, в этом историческом периоде одновременно встречаются и сосуды, созданные на базе потребностей хозяйственно-бытовой жизни страны. Примером могут служить вазы, фляги и другие сосуды с развитыми керамическими формами. В историко-этнографической, научной характеристике художественной керамики древней Гянджи данного периода большое значение имеет развитие конструктивных форм и пластических особенностей гончарных изделий. Основными конструктивно-пластическими формами художественной керамики античного периода Кавказской Албании являются: а) Керамические фляги; б) Художественные вазы; в) Фигурная керамика. На территории старой Гянджи, а также в некоторых историко-археологических памятниках долины реки Гянджачай было обнаружено довольно много образцов данных основных групп керамических изделий. Керамические фляги как одна из основных конструктивно-пластических форм художественной керамики древней Гянджи данного исторического периода, не случайно возродились в гончарном ремесле. Так как, они были тесно связаны с хозяйственной жизнью наших предков и географическими особенностями.

Важно отметить, что художественно-пластические особенности керамики древней Гянджи особенно сильно проявляются в фигурных сосудах. Религиозные представления и культовые обряды, способствовавшие созданию фигурных сосудов, переходя из поколения в поколение, были основной причиной традиционного продолжения данного вида художественной керамики. В этом отношении примечательно, что разные художественные формы фигурных сосудов эпохи бронзы повторялись и в последующих эпохах-в эпохе раннего железа, в IV—I веках до нашей эры и даже в раннем средневековье. Основными фигурными сосудами данного периода являются зооморфные керамические изделия. На довольно обширной территории Евразии (современной Восточной Европы, Ирана, Турции, Центральной Азии) были обнаружены об-

разцы гончарного ремесла, имеющие сходство с сосудами античного периода Гянджи.

Антропоморфные, зооморфные и геометрические орнаменты художественных керамических изделий древней Гянджи, а также зооморфных (фигурных) сосудов имеют много общностей с гончарными образцами таких историко-археологических памятников как Бампур, Тепе Гийан, Персеполь, Шахи-Тумп, Гийан и др. Встречаются вазы с полусферическими корпусами, на трех ножках, имеющие многочисленные разновидности. Подобная архаическая форма ваз возможно зародилась на базе культовых потребностей. Эти типы ваз широко распространились по всему Кавказу и Ближне Восточным странам.

Художественные вазы античной Гянджи, зародившиеся на базе культовых потребностей, безусловно являются большим творческим достижением наших предков, о особенности керамистов и одним из ярких признаков развития материальной культуры Кавказской Албании. Вазы данного исторического периода использовались населением для украшения своих бытовых условий. Отсюда можно сделать вывод о высоких культурно-бытовых потребностях наших предков.

Важными историко-этнографическими показателями изделий художественной керамики древней Гянджи данного периода являются декоративно-орнаментальные особенности.

Во-первых, особое художественное значение керамических форм имеют конструктивные элементы. Туловище, горловина и венчик, а также ручка, носик являются важными источниками исследования античных керамических изделий Гянджи. Кроме того, виды художественного убранства керамических сосудов также считаются весомыми показателями. Основными декоративно-орнаментальными особенностями художественных керамических изделий древней Гянджи и всего Азербайджана данной эпохи являются врезная орнаментация, рельефно-декоративное убранство, также графический способ в декоративном убранстве.

Нужно отметить, что белоинкрустированные керамические изделия древней Гянджи в отдельных случаях относятся не только к позднебронзовому и раннежелезному периодам, но и к данной античной эпохе. В этом отношении декоративно-орнаментальные особенности керамических образцов Гянджи имеют особое значение. Гравировка керамических сосудов античной Гянджи во многих случаях характеризуется применением белой массы и таких орнаментальных мотивов, как кружки, треугольники и др.

Подобные украшения в основном обнаружены в сероглиняной керамике IV—III вв. до нашей эры. Кроме того, одним из важных и наиболее ярких элементов рельефно-декоративного убранства Кавказской Албании,

а также Гянджи является украшение корпуса сосудов каннелюрами. Этим приемом гончары Гянджи пользовались еще в VII—V веках до нашей эры. Данные каннелюры, разделяя туловище на широкие вертикальные выпуклые части, придают сосуду оригинальную декоративность и стройность. Четко вырезанные каннелюры сопровождают высокую горловину и сочетаются со скрученной формой ручки. Декоративные мотивы отвлекают внимание от грубой лепки сосуда и обогащают его композицию пластическими формами.

У некоторых художественных ваз плечико сферической формы корпуса украшено ритмически повторяющи-

мися бугорками, которые сделаны нажимом пальца изнутри. Венчики ваз выделяются круговой каймой, которая приподнята над корпусом сферической формы и только в одном месте превращается в волнообразную, откинутую назад форму. Кроме того, характерными художественными керамическими вазами античной Гянджи являются изделия (вазы) с колесообразным корпусом, имеющим три ножки или же стройный поддон, который состоит из цилиндрического подпоручика и круглой подставки. Изделия эти приобретают художественное значение благодаря пластической красоте и композиционной оригинальности своих керамических форм.

Литература:

1. Акунова, Л. Ф., Приблуда С. З. Материаловедение и технология производства художественных керамических изделий: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1979—216 С.
2. Dyson, R. Early Cultures of Solduz, Azerbaijan// A Survey of Persian Art. London, 1967, v. 14
3. İm dov, F. M. G nc nin tarix yaddaşı. Bakı: Şirvann şır, 1998. — 198 S.
4. Гасанов, Э. Л. К вопросу о развитии гончарного ремесла / Актуальные проблемы истории Гянджи: материалы 2-й науч. — прак. конф. Гянджа, 2010 — с. 25—30.
5. Guliyeva, N. M., Hasanov E. L. About ethnographic-archaeological research of some handicraft branches of Ganja during XIX — XX centuries / Progressive scientific explorations — 2012: Proceed. of the 8th Inter.Scienc. — pract. conf., Prague, 2012. PP. 73—75.
6. Guliyeva, N. M., Hasanov E. L. Investigation of basic decorative-applied arts of Ganja on the basis of some innovative arguments and technologies // Science and Society: Proceedings of the 3rd International scientific-practical conference. — London, 2013. — PP. 281—291.
7. Hasanov, E. L. Innovative ethnographic facts on investigation and teaching of some basic decorative — applied arts of Ganja of the XIX — XX centuries // Applied and Fundamental Studies: Saint Louis, Missouri (the United States of America), 2012. — PP. 400—403.
8. Hasanov, E. L. Sur la formation de la culture urbaine de Gandja. International scientific journal Theoretical & Applied Science (Marseille, France). № 7 (15), PP. 46—49.
9. Häsānov, E. L. Die Gāndschanischen teppiche von XIX — XX Jahrhundert als geschichtliche — ethnographische quelle // European Science and Technology (Die Europäische Wissenschaft und die Technologien): 2nd International scientific conference. Bildungszentrum Rdk e. V. — Wiesbaden, 2012. — PP. 26—27.
10. Мусеибли, Н. А. Археологические раскопки в Земямчайском некрополе // Археология и этнография Азербайджана. Баку, 2004, № 2.
11. Stein, A. An Archaeological Tour in Gedrosia // Memoirs of the Archaeological Survey of India. Calcutta, 1931, № 43

6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Base de recherche innovant de l'histoire et de la littérature de Gandja

Гасанов Эльнур Лятиф оглы, PhD (доктор философии) по историческим наукам, ведущий специалист
Гянджинское отделение НАН Азербайджана

Hasanov Elnur Latif oglu, PhD, leading specialist
Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences (Ganja, Azerbaijan)

Hasanov Elnur Latif oglu, Ph.D., spécialiste de la Direction générale de Gandja de l'Académie Nationale des Sciences
d'Azerbaïdjan (Gandja, Azerbaïdjan)

Gandja est l'une des anciennes villes dans le monde. Sur la base de nouvelles méthodes et technologies innovantes ont été étudié les principales caractéristiques de la formation de la culture urbaine dans la ville antique Ganja dans ce travail scientifique. Le nom de la ville est tiré des tribus turcophones «Gəncəklər» (Gandjaklar). Aux différents étapes de l'histoire de l'Azerbaïdjan Gandja tout en conservant son statut, les traditions de l'ancien Etat et l'indépendance était d'une grande importance. Cette ville avait été le province principale du Califat en VIIe siècle, en XIe siècle des Seldjouq, en XII–XIII siècle le siège principale en état Atabaylar. L'étoile éternelle du ciel de la sagesse le poète et d'Azerbaïdjan Nizami Gandjavi est né à Gandja dans la famille d'aristocrate (noble) et y a changé sa monde. Dans son ensemble, pour la civilisation humaine il a crée un monument de moral matériel. Le mausolée de cheïkh Nizami, érigé au début de XIIIe siècle à Gandja, dès sa construction s'est transformé au lieu de saint (pèlerinage) du peuple «Irfan» et des hommes au bout des siècles. Ce lieu de pèlerinage est devenu le lieu saint non seulement pour les habitants local et pour les hommes qui aimaient Nizami et aussi pour les penseur célèbre de l'orient. De ce point de vue Gandja est aussi l'un de plus ancien centre culturel de l'Azerbaïdjan. Ayant une histoire de 4000 ans Gandja est célèbre de son İmamza-dé, comme un lien de pèlerinage et comme un monument historique du monde oriental. Gandja est l'une des anciennes villes dans le monde. Sur la base de nouvelles méthodes et technologies innovantes ont été étudié les principales caractéristiques de la formation de la culture urbaine dans la ville antique Ganja dans ce travail scientifique. L'Azerbaïdjan se trouve au carrefour de l'Europe et de l'Asie. Avec son climat doux, ses richesses naturelles et pour sasituation géographiquement et naturellement avantageuse l'Azerbaïdjan est très célèbre dans le monde entier. Notre pays est la partie importante de la civilisation humaine. Aujourd'hui musée d'éthnographie d'Etat de Gandja il y a 30.000 (trente mille) monuments protégés prou-

vant 40 mille ans de Gandja. Au milieu du septième siècle, à Gandja, les écoles, les madrassas, les bibliothèques privées et publiques, "Maison de sagesse", "centre de guérison" ont été établis. La situation climatique importante (de la région), le beau paysage, la fortune naturelle riche, les ressources d'homme de la région font connaître Gandja non seulement en Azerbaïdjan, mais aussi dans le proche et moyen Orient comme un des centres culturels, économiques et industriels. Avant de Jesus Christ (J.C) dans les années 400 (quatre cents) il a eu lieu un tremblent de terre très dévastateur, épicentré à 25 (vingt cinq) kilomètre de la ville Gandja moderne. Après le terrible tremblement de terre le sud de la ville était complètement détruite. Malgré le changement de l'emplacement, le château est toujours appelé par la population locale. Il s'agit d'une très vaste zone de forêt et dans le forêt, avec les matériaux de construction locaux construite sur les ruines de la magnifique château et les murs de la ville et les ravitaillement du port atteint jusqu'à nos jours.

Mirzé Chafi Vazeh est né en 1794 à Gandja dans une famille d'un maçon qui s'appelait Karbalai Sadiq. Il s'occupait de travaux architecturaux dans le palais du Khan de Gandja Djavad Khan. C'est pourquoi les vers de Mirzé Chafi Vazeh était respectés en étranger dans cette époque — là et ceux — ci fait connaître leur auteur. A propos ses oeuvres ne sont pas gardés en Azerbaïdjan, il n'a pas été connu dans son pays natal. M. Chafi a perdu son père quand il était très jeune. Il a vécu sous les auspices de son parent Hadji Abdulla. Son fils devient un clergé. Chafi a commencé à faire ses études religieuses. Mais comme il s'intéressait à l'enseignement laïque, dans le medréce (une école religieuse) les clergés ont refusé de lui enseigner. L'un des premiers éducateurs du XIX siècle Mirzé Chafi Vazeh était contemporain de Abbasqoulou Aga Bakikhanov et devancier de Mirze Fatali Akhundov. La poésie lyrique et philosophique avait été connue en Europe et en Russie. Ses vers rappelaient aux lecteurs européens et aux lecteurs russes le grand poète persan Eumar

Khaïam. C'est pourquoi les vers de Mirzè Chafi Vazeh étaient respectés en étranger dans cette époque — là et ceux — ci fait connaître leur auteur. A propos ses oeuvres ne sont pas gardés en Azerbaïdjan, il n'a pas été connu dans son pays natal. En fait Mirze Chafi Vazeh a dû quitter le medrécé. Sur cet événement orientaliste Adolf Berjé a écrit dans ses mémoires. Après avoir quitté le medrécé il a commencé à s'instruire à développer ses connaissances intellectuelles et il a appris la langue persane. Ça lui a permis de connaître les grands poètes de l'Orient et ses oeuvres. A l'aide de Hadji Abdoulla Mirze Chafi Vazeh dirigeait les travaux du palais de Pusté Khanoum, la fille de Djavad Khan. En 1826 pendant la guerre entre la Russie et l'Iran Pusté Khanoum est obligée de s'en fuir à l'Iran avec son frère Ougourlou Khan. Mirza Chafi reste sans travail, en ce moment-là Hadji Abdoulla meurt. Malgré que Mirzè Chafi reste seul, il ne tombe pas dans la dépression, il commence à enseigner aux enfants et s'occupe d'apprendre l'écriture aux enfants. Un de ces enfants était Mirzè Fétéli Akhoundov qui apprenait l'écriture. En 1840 Mirza Chafi Vazeh arrive de Gandja à Tiflis. Au mois de novembre de la même année, à l'aide de Mirza Fatali Akhundov il est nommé le professeur d'azerbaïdjanais et persan à l'école de territoire à Tiflis. Il habite à Tiflis jusqu'à la fin de l'année 1846. Après la séparation de Tiflis il a écrit la poésie "Adieu Tiflis" en langue persane. En 1844 il crée une colloque philosophique, littéraire Divanihikmet à Tiflis. A ce temps là, dans le colloque de vers participaient Abbaskoulou aga Bakikhanov. M. F. Akhoundov, les poètes Najami, Cheula, Mirza Hassan, Hadji Abdulla, Mirza Yousif, Vidadi, Haci Yusif. Grâce à l'activité de cette colloque Mirza Chafi Vazeh a fait la connaissance avec les hommes de science célèbres et hommes de profession (mitier). Gandja et Mirzè Chafi Vazeh L'un des membres de cette colloque était Fridrikh Fon Bodenchedt né en 1819, au Province Payné se trouvant à côté de Honnover, la capitale de Bas Sakson de l'Allemagne. Bodenchedt était juif. Il avait fait ses études dans les universités célèbres comme Guétinguène, Munhène, Berlin. En 1841, Bodenchedt arrive à Moscou et là il s'occupe de l'éducation des enfants de knyaz Mikhaïl Qolitsin. En 1844, avec l'invitation de générale Neydtqart, juge en tête de cause, il arrive à Tiflis et y travaille en qualité de professeur. Il apprenait la langue persane. Mirza Chafi a son tour, faisait la connaissance avec les oeuvres des classiques de l'Europe d'ouest, à l'aide de lui. En 1846 Bodenchedt rentre en Allemagne. Dans les années 1889–1890 il va aux Etats — Unis. En 1892 il est mort et il est enterré dans la ville Visbaden de l'Allemagne. En 1846, Mirza Chafi rentre à Gandja. Il est nommé en qualité de professeur à l'école "Qəza" (territoire) ouverte par l'état. Attendant à professorat, il s'occupe

aussi de la créativité de poésie. En 1850, au mois de janvier il rentre à Tiflis et commence à travailler en qualité de professeur de la langue azerbaïdjanaise à la gymnase des nobles. Il y habite jusqu'à la mort (à la fin de sa vie). En 1852, le 28 novembre, il est derrière du jardin Botanique. Aujourd'hui, il n'y a pas d'original en persan et azerbaïdjanais édité en russe et dans les langues de l'Europe d'ouest. Les manuscrits des vers sont emportés en Allemagne par Fridrikh Fon Bodenchedt. Une partie de ces poésies ont été introduites dans son oeuvre "Mille et un jour à l'Est". Après son oeuvre, en 1851, F. Bodenstedt fait publier à Berlin un petit livret nommé Les chants de Mirzè Chéfi. Celui-ci, après une diffusion rapide, rend son auteur très célèbre. Peu après les oeuvres de Mirzè Chéfi se répandent vite dans toute l'Europe Occidentale.

Les religieux ne l'aimait guère car dans ses poésies M. Chafi utilisait toujours les mots pinards, bien aimées, amante, maîtresse etc. Les religieux ne comprenaient pas que ces mots étaient des exemplaires littéraires. Dans les mêmes mots M. Chafi chantait l'amour extraordinaire plus forte que l'amour mondaine. Le premier de ces livres a été rédigé pour les élèves supérieurs du lycée et le deuxième était pour les débutant et pour des écoles de province. Deuxième volume a été paru par Ivan Grigoriev à Tabriz en 1855 après la mort de Mirzè Chafi Vazeh et celui-ci fut utilisé, comme un manuel pour apprendre l'azerbaïdjanais au lycée et dans les écoles de province. L'édition complète de ce livre apparut à la fin de l'année 1856 et a envoyé au Ministère de l'Education pour la permission de son utilisation comme un manuel. Mais certains professeurs de l'Université de Peterbourg ont écrit des opinions négatives. Dans la deuxième partie on présente des aforismes et des citations citées de différents auteurs. Elles étaient traduites comme oeuvres Garabakhsnamé et Derbendnamé. Dans la troisième partie on présente beaucoup de vers. Les guéssidés et les extraits du poème Leyli et Medjnoun y sont introduits aussi. Ainsi, on peut dire que Mirzè Chafi Vazeh a présenté le premier manuel en azerbaïdjanais. Après ce manuel à la deuxième cinquantaine du XIX siècle Mirzè Abdulhassan Vézirov, Seyyid Azim Chirvani, Rachid bek Efendiyev ont continué cette tradition d'écrire les manuels pour les écoles. On a fait beaucoup de recherches sur la vie et sur l'activité de Mirzè Chafi Vazeh dans son pays natal et dans des autres pays. En XIX siècle l'orientaliste allemand Adolf Bergé a fait imprimer un guézel écrit en persane un tekbeýt (c'est une espèce d'un vers de la poésie orientale) de Mirze Chafi Vazeh et la traduction de A. F. Veltmande dans la revue de l'Association Orientalisme d'Allemagne. On a fait la recherche sur M. Ch. Vazeh en Russie, en Europe et dans d'autres pays.

Références:

1. Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy (1875) Berlin, 1875.
2. Azərbaycan etnoqrafiyası (2007): 3 cildə, I c., Bakı, 2007.
3. Bayramov A (2008) Fridrix Bodenştedtin Mirzə Şəfi Vazeh haqqında xatirələri. Bakı: Nurlan, 108 s.
4. Burton-Brown T. (1951) Excavations in Azerbaijan, 1948. London.

5. Die Lieder des Mirza Schaffy (1851) Berlin, 1851.
6. Əhmədov F. M. (2007) Gəncənin tarix yaddaşı. Gəncə: Elm.
7. Əfəndiyev R. S. (1966) Azərbaycanın bədii sənətkarlığı. Bakı: Azərnəşr.
8. Guliyeva N. M., Həsənov E. L. (2014) Die traditionelle Gəndşənischen Teppiche von Zeitraum der Aserbajdschanischen Gelehrten und Dichter Mirsə Schäfi Waseh als ethnoanthropologische quelle (XIX Jahrhundert). European Applied Sciences, 2: pp. 3–5.
9. Гасанов Э. Л. (2014) О развитии традиционных ремесленных отраслей Гянджи на рубеже XIX–XX веков. Фундаментальные исследования. № 9–4. с. 892–895.
10. Гасанов Э. Л. (2014) Традиционные этно-антропологические и исторические особенности основных ремесленных отраслей Гянджи XIX — начала XX в. Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Т. 4. № 3. с. 86–90.
11. Hasanov E. L. (2014) Innovative basis of research of local handicraft branches of Ganja of the second half of XIX — beginning of XX centuries. Mediterranean Journal of Social Sciences, vol. 5, № 23, Part IV, pp. 2359–2362. Doi:10.5901/mjss.2014.v5n23p2359
12. Hasanov E. L. (2014) To the question on the research of typical features of craftsmanship heritage of Ganja of the late XIX — early XX centuries. ISJ Theoretical & Applied Science 12 (20): 27–30.
13. Hasanov E. L. (2014) Basic craftsmanship branches of Ganja of the second half of XIX — beginning of XX centuries as a historic-ethnographical source. (Asian Journal of Social Sciences & Humanities), vol. 3, Number 3, pp. 9–14.
14. Hasanov E. L. (2015) Multidisciplinary approach to investigation of the basic handicraft branches of Ganja till the XX century. ISJ Theoretical & Applied Science 1 (21): 7–15.
15. Hasanov E. L. (2015) To the Question on Research of Craftsmanship Traditions of Ganja of XIX — First Half of XX Centuries. Mediterranean Journal of Social Sciences, vol. 6, № 1, Part S1, pp. 433–437. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n1s1p433
16. Həmidova İ. (2000) Azərbaycan parça sənətinin tarixi inkişaf yolları. Elmi axtarışlar, VIII toplu, Bakı.
17. Həvilov H. A. (1991) Azərbaycan etnoqrafiyası. Bakı: Elm.
18. Nishiaki Y., Hasanov E. L. (2014) About ethnoarchaeological and anthropological research of some prehistoric monuments of Ganja. ISJ Theoretical & Applied Science, 1: 45–48.
19. Smith W. B., Hasanov E. L. (2013) Importance of handicraft traditions in investigation of history of urban culture in Ganja. ISJ Theoretical & Applied Science 11 (7): 61–66.
20. Tərlənov M., Əfəndiyev R. (1960) Azərbaycan xalq sənəti. Bakı: Uşaq gənc nəşr.
21. The dawn of Art. (1974) Leningrad: Aurora Art Publishers.
22. Zeitschrift für Ethnologie-Verhandlung der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, (1901) Ethnologie und Urgeschichte. Berlin, 1901.

Об одном источнике хозяйственно-культурной классификации этносов

Кучумов Игорь Вильсович, кандидат исторических наук, доцент

Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН

Сахибгареева Лилия Фанилевна, кандидат филологических наук, доцент

Башкирский институт физической культуры (филиал) Уральского государственного университета физической культуры

Ныне забытое сочинение выдающегося французского исследователя истории России Пьера-Шарля Левека (1736–1812) «История народов, подвластных России» (1783; далее ИВН) посвящено описанию этнографического состава Российской империи в XVIII в. Основным источником ее был труд И.Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей» (СПб., 1776–1777. Ч. I–III; далее ОВН).

В отличие от ОВН, ИНР имеет четкую структуру. Сплошной, не разделенный на параграфы текст И.Г. Георги П. — Ш. Левек радикально переработал. В первую

очередь он разбил каждый этнографический очерк на «главы», которые соответствуют определенной схеме описания того или иного народа, хотя автор и не всегда строго придерживается ее, что, видимо, было вызвано различным объемом имеющейся у него этнографической информации. Как правило, П. — Ш. Левек начинает рассказ о народе с краткой обрисовки физической географии мест его обитания. Затем он переходит к общей характеристике этноса, характеризуя внешний вид и нравы его представителей, а также систему хозяйства. Отдельные «главы» автор посвящает описанию религии, обрядов (в частности, свадебного, родильного и похоронного)

и обычаев. Эта структура в целом совпадает со схемами инструкций, выдававшихся реальным экспедициям, и соответствует присущему XVIII в. духу инвентаризации [1, с. 124].

Система группировки народов в ОВН построена по принятому в русской науке с 1730-х гг. лингвистическому (лингвогенеалогическому) принципу, соединенному с географическим — как писал И.Г. Георги, «следуя землеописательному чертежу Российской Империи». Автор ОВН описывал народы, как бы двигаясь кругами с увеличивающимся радиусом от столицы государства. Напротив, у П. — Ш. Левека классификация этносов «основывается не на географии местожительства, или, лучше сказать, кочевания народов, и не на хронологии их открытия, а на степени умственного развития и особенностях образа жизни». Тем самым ученый предложил объединять этносы по признаку социально-экономического и культурного развития. «Чтобы лучше понять человечество, — писал он в начале своего сочинения, — нужно сначала изучить его во младенчестве, то есть в состоянии дикости, в которой зародились наши идеи, пороки, добродетели, безумства, ремесла и знания. Чем примитивнее народ, чем меньше он затронут прогрессом, который возможен только благодаря долгому саморазвитию и длительным связям с соседями, тем явственнее мы увидим, каким был человек в своем первородстве и как он превратился в цивилизованного. Где еще можно найти пригоднейшее место для исследования развития человеческого ума, если не на обширных просторах российских владений? Именно здесь народы, погруженные в самое наипрimitивнейшее состояние, какое только возможно представить, соседствуют с более развитыми дикарями, и уже вышедшими из стадии дикости варварами, а также с более или менее вступившим на путь цивилизации населением».

Вместе с тем, разработанная целиком на этнографическом материале классификация П. — Ш. Левека не отменяла, а обогащала лингвистическую систематизацию этносов у И.Г. Георги. И сам французский ученый, и его современники и последователи видели и понимали ограниченные возможности группировки этносов по языковому принципу, которая, как всякая формализация, репрезентует объект исследования в упрощенном виде. Например, к числу, по современной терминологии, финно-угорских народов, автор ИНР, опираясь на самые передовые и обоснованные теории своего времени, относит саамов (лапландцы, в старой русской литературе — лопари), финнов, эстонцы (эсты), ижору, марийцев (черемисы), мордву (мордовцы), удмуртов (вотяки), манси (вогуличей), хантов (остяки, отяки) и... чувашей. Современные исследователи с этим не согласны и, как правило, полагают, что здесь многие ведущие ученые (а П. — Ш. Левек был не одинок в своем «заблуждении» — сторонники финно-угорской теории этногенеза чувашей имелись в XVIII—XIX вв. и даже во второй половине XX в.) допускали ошибку. При этом упускается из виду то, что сторонники принадлежности чувашей к финно-уграм говорили не об

отнесении языка этого народа к финно-угорской языковой семье (уже в XVIII в. многие ученые не сомневались в том, что чувашский язык относится к «татарским», но вот визуальные свидетельства во многом говорили об обратном, что вынуждало видеть в чувашах тюркоязычных финно-угров), а о сочетании в его материальной культуре тюркских и финно-угорских (марийских) компонентов (на сходство этих двух народов обращает внимание через ОВН и П. — Ш. Левек), по причине чего еще в середине II тыс. н.э. чувашей в русских источниках называли «черемисскими татарами». Данная проблема периодически всплывает в дискуссиях современных чувашских ученых, но пока неизвестно, каково было соотношение тюркского и финно-угорского компонентов в формировании чувашей, а потому нельзя считать эту теорию иррациональной или ошибочной. Она свидетельствует лишь о том, что господствующая в современной науке классификация этносов преимущественно по данным лингвистики страдает ограниченностью и не может учесть всего многообразия этнической истории и форм межэтнического взаимодействия. В частности, согласно этноязыковой классификации, сегодня к тюркским народам относят общности, которые не являются непосредственными биологическими наследниками древних тюрков. Непонятно, к кому следует причислять швейцарцев, бельгийцев или желтых уйгуров.

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении народов Прибалтики. Так, к «финнам» П. — Ш. Левек, вслед за И.Г. Георги, причислял латышей, эстонцев и ливов. Приверженцы господствующей в современной этнологии классификации (заимствованной, кстати, из арсенала другой науки), естественно, с этим согласиться не могут. Но если обратиться к анализу хозяйственно-культурного типа населения Прибалтики, то здесь ясно выделяется Прибалтийская историко-этнографическая (по М.Г. Левину и Н.Н. Чебоксарову) область, где, «как известно, с глубокой древности (по крайней мере со II тысячелетия до н.э.) расселялись и взаимодействовали различные по происхождению и языку этнические группы — лето-литовская (включая прусов), говорящая на балтийских языках, и эстона-ливская, говорящая на прибалтийско-финских (западнофинских) языках. Принеся в Прибалтику различные хозяйственно-культурные типы — лесных охотников и рыболовов у предков прибалтийских финнов, скотоводов и земледельцев у предков лето-литовцев — и обладая различными культурно-бытовыми особенностями, эти народы в ходе длительного исторического взаимодействия выработали много общего и в хозяйстве, и в культуре... Несмотря на резкие различия в языке между литовцами и латышами, с одной стороны, эстонцами и ливами, с другой, — всем им свойственны многие общие хозяйственные и культурно-бытовые черты. Перечислим лишь некоторые из них: широкое распространение в прошлом двухлемешной сохи в качестве основного пахотного орудия и молотба при помощи палкообразного била или цепа, значительная хозяйственная роль коневодства и свиноводства, повсеместное распро-

странение срубного жилища с духовой печью или камином, наличие хлебосушилок с печью (риги), туникообразная рубаха с наплечными нашивками, кругло-выпуклые женские застежки (по-латышски «скаты») и др». [2, с. 13].

Основные принципы своей новаторской для своего времени систематизации П. — Ш. Левек позаимствовал, с одной стороны, из работ современных ему философов-просветителей, а с другой — из естественных наук. Несмотря на то, что в последних тогда неперерекаемым авторитетом являлся К. Линней, полагавший биологические виды неизменными и созданными по божественному плану, источниками разработанной П. — Ш. Левеком классификации этносов являлись все же не труды живого классика европейского естествознания, а более маргинальные в то время идеи Д. Рея, П. де Мопертюи, Ж. — Л. Бюффона и Э. Дарвина, в разных вариациях отстаивавших идею изменения организмов под воздействием внешней среды. Идея эволюционного развития человечества получила воплощение в трудах крупнейших интеллектуалов европейского Просвещения (Ш. Л. Монтескьё, Вольтера, А. Р. Тюрго, Ш. де Бресса, А. Фергюссона, Ж. А. Кондорсе, чуть позднее — И. Г. Гердера), однако у них этнографический материал привлекался с той или иной долей полноты, и не был самостоятельным источником. Поэтому их работы, посвященные эволюции государства и социума, все же являются обществоведческими, а не этнографическими. Некоторые из указанных мыслителей (в частности, Ш. Л. Монтескьё и, особенно, А. Фергюссон) предлагали подразделять этапы истории человечества на основе выделения хозяйственно-культурных типов (в советское время эти идеи реабилитировали и развили М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, хотя сами считали своим предшественником Кларка Уисслера) — дикости, признаком которой является охотничье хозяйство, варварства с доминированием в нем скотоводства, и цивилизации с ее земледельческой экономикой. Заимствуя эти идеи, П. — Ш. Левек дополнил их критериями культурного и когнитивного развития. Такой подход значительно опережал развитие современной П. — Ш. Левеку науки. Например, А. Л. Шлётцер достаточно субъективно разделял народы на три группы: победоносные (персы, татары и монголы и др.), важные (египтяне, финикийцы, евреи, греки и др.) и главные (ассирийцы, македонцы, испанцы, британцы) [3, с. 99–101] — ясно, что здесь речь идет не столько этнологическом, сколько цивилизационном синтезе, напоминающем теорию «осевого времени» К. Ясперса, но значительной части этносов в эту классификацию попросту не нашлось места.

Распределив этносы по уровню развития их экономики и культуры, кабинетный этнолог (но ведь и среди них было немало внесших большой вклад в науку, вспомним, например, А. Ван Геннепа, А. Н. Афанасьева, Д. Фрезера, Д. Н. Анучина, Ю. В. Кнорозова, Ю. В. Бромлея и др.) П. — Ш. Левек, наряду с А. Фергюссоном, фактически выступил предтечей эволюционизма, который как методология стал складываться в этнологии только с се-

редины XIX в. Однако если А. Фергюссон разработал свою теорию, используя фрагментарный и случайно отобранный этнографический материал, то П. — Ш. Левек опирался на обширные и систематизированные факты, добытые его коллегами в многолетних экспедициях, и лишь позднее забвение его труда не позволило включить ИНР в число работ, которые обычно рассматриваются в истории этнологии как раннеэволюционистские.

Разработанная П. — Ш. Левеком систематизация этносов определила и маршрут его воображаемой экспедиции, который существенно отличался от реальных мероприятий его современников. Как правило, европейские путешественники (как и отдельные кабинетные мыслители — ср. «Добавление к путешествию Бугенвиля» Д. Дидро) обычно попадали из «цивилизации» в «дикость» и «варварство», отбывая с Запада на Восток. Ментальная же экспедиция позволяет начать ее из любого места и допускает произвольные перемещения в пространстве, поэтому П. — Ш. Левек, подражая многочисленным «Письмам» таких ментальных странников, как Монтескьё, Пуллен де Сен-Фуа, Жубер де Ла Рю, маркиз д'Аржан, мадам де Графиньи и Мобер де Гуве, начал ее из «дикости» в «цивилизацию». Он был первым французом, отправившимся в воображаемое путешествие по России, особенно, по ее азиатской части.

П. — Ш. Левек входил в ту небольшую группу интеллектуалов своего времени, которая пыталась преодолеть европоцентристскую парадигму тогдашней общественно-политической и научной мысли. Сохранив принятое в ОВН деление народов по языковым признакам, автор ИНР выстроил иную структуру изложения фактического материала, где повествование начиналось не с описания финно-угорских, как у И. Г. Георги, этносов, а с дальневосточных тихоокеанских островов. С Дальнего Востока П. — Ш. Левек отправлялся на запад (в Сибирь), затем сворачивал на северо-запад, а потом вновь возвращался на восток. При этом автор ИНР не «заезжал» к тептярям, мишарям, томским, верхнетомским, обским, кистимским, тулиберским и заянским татарам, бирюссам, белтырям, коибалам, саятам, тубинцам, камачинцам и каракассам, енисейским хантам, аринцам, азанам, котовцам и юкагирам: если ОВН является описанием народов Российской империи, претендующим на определенную полноту, то целью ИНР, видимо, было апробировать на российском материале теории всемирно-исторического процесса, получившие развитие в эпоху Просвещения.

ИНР была опубликована тогда, когда в европейской науке (прежде всего в Вене, Лозанне и Йене) о человеке происходил переход от народоведения к этнологии. «Научная дисциплина, получившая названия «этнология» или «этнография»... оформилась в 1771–1787 гг. как характерная для эпохи Просвещения попытка упорядочить накопленные данные о народах... которая была сделана на основе прежних исследований, потребовавших теоретического пересмотра» [4, с. 101]. Некоторые авторы полагают, что этнология как научная дисциплина зародилась

дилась в России, и на материалах, добытых исследователями среди российских народов [5, с. 192, 194]. И среди славной плеяды первопроходцев этой науки наряду с немецкими учеными стоит имя П. — Ш. Левека.

Литература:

1. Слезкин, Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. с. 120—154.
2. Левин, М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса) // Советская этнография. 1955. № 4. с. С. 3—17.
3. Шлёцер, А. Л. Представление всеобщей истории. СПб.: Типография при Святейшем Правительствующем Синоде, 1809. 227 с.
4. Фермойлен, Х. Ф. Происхождение и институционализация понятия *Völkerekunde* (1771—1843) // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. с. 101—109.
5. Фермойлен, Х. Ф. Герард Фридрих Миллер (1705—1783) и становление этнографии в Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. с. 177—198.

7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Геральдика на современных монетах России как часть исторического наследия

Подгорнов Алексей Николаевич, учитель истории
Урюпинский колледж бизнеса (Волгоградская обл.)

На протяжении всей своей истории человечество, как в целом, так и в отдельном взятом государстве не раз обращалось к такой науке как геральдика. Чтобы иметь представление об этой науке, дадим ей развернутое определение. Итак, геральдика, иначе говоря, гербоведение — это специальная историческая дисциплина, которая занимается изучением гербов, а также традиций и практики их использования. Являясь частью эмблематики — группы взаимосвязанных дисциплин, которые изучают эмблемы, имеет свое отличие, которое заключается в том, что строение, употребление и правовой статус гербов соответствует особым, исторически сложившимся правилам. Геральдика содержит систему специальных знаний о форме, композиции изображения, цветах и составных частях герба, его художественное воплощение. [1]

Корни геральдики уходят в Средневековье, по мнению ученых именно тогда и был разработан геральдический язык, применяемый для опознавания рыцарей, законченных в железные латы. Известно, что ранняя геральдическая символика была чрезвычайно простой и легко читаемой, а также не содержала сложных рисунков, но затем все изменилось, на щитах появились роскошные фигуры и мудрые надписи, которые вскоре превратились в опознавательные знаки и стали ассоциироваться с конкретными личностями. Как здесь не вспомнить легендарное произведение Вальтера Скотта «Айвенго» и главного героя, имевшего на своем щите изображение молодого дуба, вырванного с корнем, под которым была надпись на испанском языке: «Desdichado», что означает «Лишенный наследства». [2]

Начиная с XIII века в Европе кроме фигур на щитах, как было сказано выше, появляются надписи, называемые девизами. В этот временной период получили особое распространение личные и родовые девизы. Обычно девиз был связан, с каким-то ярким событием, произошедшим в жизни рыцаря, имел множество толкований, особенно если был аллегорическим или же вообще состоял из одной буквы. Главным достоинством таких девизов было заключено в разнообразии смыслов, которые можно им придать. Будучи опознавательным знаком рода или отдельной личности девиз два века подряд не претерпевал изменений в общественном плане, и только в XV веке все из-

менилось, теперь девиз стал общедоступной формой, несущей в себе особую форму мудрости, которая в свою очередь могла быть трех видов: словесная (иначе говоря, мудрость слова), фигурная (иначе говоря, логическая мудрость), смешанная (иначе говоря, объединение мудрости слова и мудрости логики). Каждый был подвластен выбрать свою форму мудрости, не опасаясь каких-либо последствий. [3]

Зародившись и немного эволюционировав в Европе, геральдика постепенно начала проникать во все уголки мира, Россия не стала исключением.

Своим зарождением и развитием русская геральдика обязана царю Алексею Михайловичу. Бесспорно то, что до него существовали некоторые эмблемы, такие как, например, двуглавый орел государственной печати, печати некоторых городов, но они не имели полноты и законченности, не приняли ещё постоянных геральдических форм.

Начальным этапом зарождения русской геральдики принято считать вторую половину XVII века, когда под влиянием дипломатических отношений с Польшей и Западной Европой начинают создаваться гербы и в России, путём смешения двух геральдических систем, западноевропейской и польской соответственно. Известно, что источником для польских гербов служили знаки, помещенные на знамена, символизирующие тот или иной род, то есть мы можем наблюдать полное историческое соответствие. Соблюдая это негласное правило в основу старейших русских гербов легли эмблемы тех областей и городов, которые некогда составляли уделы владельцев гербов. Этот принцип сохранился, хоть и частично, и для других русских гербов. Так, к примеру, в гербы родов, не являющихся исконно русскими, старались помещать эмблемы, которые хотя бы отчасти указывали на происхождение рода, вместе с этим при составлении гербов особое внимание уделялось личным заслугам. Именно так, а не иначе миру явилась русская система гербов, среди историков носящая название смешанная система

Будучи наукой прогрессивной и постоянно требующей развития геральдика остро нуждалась в новых и порою самых смелых шагах. Именно такие шаги и были сделаны в период царствования Петра Первого. Создание герольдии — учреждения, ведающего толкова-

нием и составлением гербов, привело в порядок существующие гербы и учредило регламент получения новых. В 1705 году по указу императора в Амстердаме была напечатана книга «Символы и эмблемата», которая содержала более 800 символов и эмблем, послуживших впоследствии примером для создания многих российских гербов. [4] Осознавая, что, как и любая наука, геральдика требует изучения, правители России многое делают, чтобы постичь и развить эту науку. Следующим шагом для развития геральдики в России становится образование кафедры геральдики при Петербургской академии наук в 1726 году. Прогрессируя огромными шагами, геральдика покоряет новые вершины. Следствием этого является составление с 1797 года «Общего гербовника дворянских родов Российской империи», который включал в себя около 5 тысяч гербов, не затрагивая неутвержденные дворянские гербы, которые существовали параллельно с официальными. Их можно обнаружить на многих вещественных памятниках той эпохи: на вещах, на предметах личного пользования и в письменных источниках. К сожалению, не всегда удается опознать подобное изображение, и поэтому процедура установления владельца герба становится невозможной. Доподлинно известно, что среди неутвержденных гербов встречаются такие громкие фамилии как Кваренги, Голенищевы — Кутузовы, Сперанские. Оставаясь неутвержденными, они по сей день хранят тайну своих хозяев.

Со сменой политического вектора, обусловленного сменой власти, пришли изменения и в геральдику, если ранее геральдика представляла собой отдельную науку, то теперь стала частью весомого блока, именуемого не иначе как вспомогательные исторические дисциплины. Несомненно, кругозор науки расширился, но в этом были и свои минусы. Рассмотрим более подробно, какие положительные и отрицательные стороны развития геральдики пришлось на этот временной отрезок. К плюсам можно было смело относить то, что кроме государственных гербов СССР, союзных и автономных республик, являвшихся образным выражением советской идеологии, символизирующих основные принципы и устои социалистического государства, было создано огромное количество советских эмблем. К сожалению, минусы на этом фоне выглядели куда весомее и заключались в следующем: полная утрата гербов дворянских родов, отдельная утрата гербов областей и городов, потеря информации о неутвержденных и неизвестных гербах. Складывая плюсы и минусы, мы явственно можем за-

метить, что гербоведение данного периода находится в упадке.

Однако не все так плохо как может показаться на первый взгляд, как мы можем наблюдать из вышеперечисленного геральдика в России имеет особенность развиваться не плавно исходя из требований эволюции, а скачками в частности сопряженных со сменой власти. Испытывая упадок в советское время, геральдика естественно не смирилась с таким положением, а заняла выжидательную позицию с целью ожидания лучшего времени для витка нового развития. Такая тактика возымела успех, как только была зафиксирована смена власти, геральдика устремилась вперед по пути своего развития. «Но каким же образом?» — спросите вы. Что бы ответить на этот вопрос достаточно взять любую юбилейную монету серий Древние города России, Российская Федерация, Города воинской славы, перевернуть ее с аверса на реверс и рассмотреть на оборотной стороне герб города или области. Когда смотришь на эти монеты, то видишь обилие гербов и различие их форм и, именно, тогда приходит осознание, что за каждым из них идет своя история, в которой были победы, поражения; радости и горести. Находя монету со своим городом или областью, ты словно снова оказываешься в Средневековье, когда герольды под звук труб вызывали рыцарей на турнир, и они в латах с гербами на щитах с мечами и копьями шли в бой за своих прекрасных дам.

Нам, поколению XXI века этого не понять, мы успели потерять все: любовь, дружбу, надежду. К сожалению, сейчас важны только деньги, ни талант, ни упорство не могут соперничать с ними. И среди этого темного царства есть то, что как портал связывает два поколения. Имя ему — юбилейная монета. Осознание того, что ты держишь в руках немного больше чем просто монету бесценно. Я склонен считать, что именно геральдика, заключенная в монетах в дальнейшем не позволит забыть нам про города, обладающие огромным историческим наследием, заставит каждого жителя мегаполиса считать себя рыцарем, которых хранит верность своей истории, заставит поменять свою точку зрения о том месте, где родился каждый из нас, независимо от размера города и удаленности от центра страны. Геральдика была, есть и будет ценным накопителем информации о древности. Имея эту информацию на руках, о будущем истории беспокоиться не стоит, так как оно надежно защищено. Каждый, кто проявит хоть небольшой интерес, обретет нечто большее чем информацию, он станет частью истории.

Литература:

1. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Геральдика>
2. <http://lib.ru/PRIKL/SKOTT/ivangoe.txt>
3. <http://fb.ru/article/162559/gerb-ryitsarya-i-deviz-byili-li-devizyi-u-srednevekovyih-ryitsarey>
4. <http://www.booksgid.com/esoterics/29880-kniga-simvolov-jemblemata.html>

К проблеме формирования и изучения филокартических коллекций в рамках музейного дела

Сучкова Евгения Викторовна, старший научный сотрудник
МУК «Районный краеведческий музей им. Н.С. Цехновой» (пгт. Кондинское, ХМАО)

Ключевые слова: филокартия, коллекция, почтовая карточка, открытка музейный предмет, научное описание

В последнее время наметилась тенденция к теоретическому осмыслению филокартии. Зародившись как собирание иллюстрированных почтовых карточек (открыток), филокартия претендует на отдельную отрасль знаний. Уже в 1970-е годы было отмечено, что «филокартия, имеющая свой объект изучения, свои методы, как и филателия, станет прикладной отраслью исторической науки» [1, с. 3]. На начальном этапе практические и теоретические вопросы, связанные с собиранием открыток рассматривались преимущественно коллекционерами, которые, отмечая важность исследований, приписывали открытке значение уникального документа. Сегодня интерес к изучению открыток демонстрируется наличием диссертационных работ, узкоспециализированных научных статей в различных областях наук. В одних исследованиях рассматривается «специфика открытки как феномена художественной культуры», где в большей степени изучается изобразительная составляющая почтовых карточек с точки зрения их художественной ценности [2]. Другие наделяют открытку свойствами социокультурного феномена и исследуют лингвокультурологический компонент, заложенный в ней, причем как в особенностях изобразительных форм, так и текстов [3]. Актуальным является использование открытки в изучении самых различных тем. Так, например, в памятниковедении видовые открытки служат источником для изучения утраченных объектов культурного наследия [4] или изображения на карточках помогают проследить историю агрономии [5] и многих других отраслей. Ведь в открытке зафиксированы многие аспекты общественной жизни. И спрос на этот источник будет расти и в дальнейшем, особенно в междисциплинарных исследованиях. Поэтому важным становится вопрос самого сохранения, изучения и учета коллекций открыток.

Рассмотрение открытки в рамках музейного дела началось не так давно, а отношение к таким музейным предметам неоднозначно. Работа с почтовыми карточками в рамках музейной практики вызывают определенные трудности. В первую очередь коснемся вопроса комплектования. Для сравнения рассмотрим, как отбирается открытка коллекционером и как комплектуется в музее.

Для филокартиста принципы отбора открыток в коллекцию рассматриваются индивидуально (как и в других видах коллекция). Это может быть определенная тематика изображений (для изобразительных открыток), кол-

лекционер может ограничиться определенным хронологическим периодом, местом издательства и т.п. В любом случае, происходит целенаправленный отбор. Для музея же филокартические коллекции или отдельные открытки являются специфичным материалом. Конечно, мы не имеем в виду музеи, для которых открытки являются профильным предметом — будь то, собственно, музей открытки или художественный музей, где открытка комплектуется как вид печатной продукции или часть изо-фонда.

В комплексные (краеведческие) музеи открытки зачастую попадают стихийно и случайно. И, тем не менее, главным критерием является музейное значение предмета — то обоснование, по которому целесообразно хранить этот предмет в музее. Распространённой практикой является принятие открыток в основной фонд музея по причине привязки к личности человека, по которому комплектуются личные фонды. Отдельно почтовые карточки не рассматриваются и в отдельные коллекции не формируются. В данном случае открытка приобретает музейное значение, прежде всего как мемориальный предмет. Ярким примером служат фронтовые открытки, музейное значение которых как реликвий бесспорно. Кроме того, подключаются и такие важные свойства для дальнейшего использования на тематических выставках и занятиях как уникальность и экспрессивность (текст, почерк и т.п.).

Помимо единичных открыток, попавших в музей в ряде других личных вещей той или иной персоналии, бывают поступления целых коллекций. В данном случае происходит музеефикация самого вида коллекционирования. Коллекция попадает к музейным работникам как есть. И начинает работать негласное правило ее неделимости — даже если многие открытки дублируют друг друга или достались уже в плохой сохранности.

Ярким примером указанных выше положений является история формирования филокартической коллекции в МУК «Районный краеведческий музей». Целенаправленного комплектования открыток в музее не велось. В 2009 году была получена в дар крупная коллекция открыток (более 2000 ед.) от Селиванова Георгия Владимировича. Согласно легенде коллекция принадлежала его матери Татьяне Михайловне Орестовой-Селивановой (1907–1976 г.), которая всю жизнь собирала открытки. Она была врачом по специальности (окончила Томский медицинский институт), а ее отец был профессором Томского университета.

Большую часть этой коллекции составляют тиражированные иллюстрированные открытки 1950-х годов. Многие экземпляры повторяются, многие в удовлетворительной ли сохранности, определенной тематики не выявлено — представлены самые разные сюжеты. Однако, весь массив был включен в основной фонд и поставлен на учет. Это и является примером неделимости коллекции и музеефикации филокартии как вида коллекционирования, которое, как выяснилось, было очень популярным хобби в Кондинском районе. Приобретение коллекции Селивановой-Орестовой спровоцировало выставку «Лети с приветом вернись с ответом», которая получила хороший общественный отклик, привлекла 28 коллекционеров — по окончании работы выставки они дополнили собрание музея предметами своих филокартических коллекций.

В связи с приобретением большого объема открыток было решено перевести их в отдельный фонд. Предстоит длительный этап научного описания, систематизации и классификации.

В рекомендациях будущим филокартистам указывается необходимость составления описи коллекции, в которую вносят все открытки по мере собирания. «В опись вносят фамилию и инициалы художника, годы жизни, название картины, краткое содержание, если эта картина на какой-либо сюжет, год ее написания, музей, где находится, названия издательства и номер открытки, если есть» [6, с. 121.]. Научное же описание открытки как му-

зейного предмета предполагает более детальное изучение предмета.

Сложность описания открыток заключается в том, что разные экземпляры могут быть отнесены к разным видам музейных предметов. Большинство тиражированных открыток мы определяем к предметам печатной продукции. Исключения составляют почтовые карточки, имеющие важные пометки, подписи штампы, а также открытки выполненные кустарным фотографическим способом в единственном экземпляре (фотоколлажи с личной фотографией). Их мы относим к разделу документов. Часто открытки являются иллюстрированными, поэтому при научном описании и составлении схем научного описания следует учитывать особенности описания как документальных, так и изобразительных источников.

На опыте работы с коллекцией МУК «Районный краеведческий музей» был выработан определенный шаблон, по которому создаются инвентарные карточки (Рис. 1.).

Классификационная схема еще не достаточно проработана, поэтому на данном этапе все открытки находятся в одной группе. Первым пунктом схемы описания является наименование «Почтовая карточка» (открытка). Далее указывается название карточки. Можно поступить следующим способом:

— если на открытке изображена репродукция — то на первое место ставим фамилию и инициалы художника, затем название оригинального произведения,

Муниципальное учреждение культуры "Районный краеведческий музей имени Инны Степановны Цезновой"

Инвентарная карточка

ККМ/ОФ-5005/133	Фонд "Открытки"	Лист 1
Время и документы поступления: "18.04.2009 от Селиванова Г.В. передача. Акт приема в пост.пользование № 23/1 от 18.04.2009"		
Почтовая карточка "Н. Тансыкбаев. Высокогорный каток" Материал: картон Техника: печать типографская, цветная Размеры: 10,5 x 14,5 см		
		
Описание: Почтовая карточка (открытка) прямоугольной формы. На лицевой стороне помещена цветная репродукция картины «Высокогорный каток» работы художника Н. Тансыкбаева. Горный зимний пейзаж. В реалистической манере изображены заснеженные склоны гор. Местами виднеются хвойные деревья. В центре композиции у подножья гор показан круглый в плане каток, по периметру которого размещены стаффажные изображения людей. Колорит картины холодный с преобладанием белого цвета. Обратная сторона карточки поделена на две половины вертикальной линией (не доходящей до краев). В верхнем правом углу помещена прямоугольная рамка для марки. Правую половину карточки занимают строки для заполнения адресов. Ниже под чертой размещены печатные реквизиты: «Ш 04556 27.V-58 г. Тир. 50 т. 3. 762. Тип. изд-ва «Советский художник» Москва, Мало-Московская ул., д. 42. Цена 25 коп.». На левой половине в верхнем левом углу изображена эмблема «Советский художник» в прямоугольнике, окруженном штриховым фигурным орнаментом, помещено изображение книги с буквами «С» и «Х», палитра с кистями и снизу подпись объемным шрифтом «СОВЕТСКИЙ ХУДОЖНИК». Далее - пустое место для написания личного обращения. Ниже подпись — «Художник Н. Тансыкбаев Высокогорный каток». Цвет печати текста и эмблемы — серо-зеленый		
Сохранность: картон по углам расслаивается		
Хранитель: Филимонова Л.В.		
Составитель карточки: Сучкова Е.В. 13.08.2015		

Рис. 1. Инвентарная карточка (создана с помощью АИС «КАМИС»)

— если это оригинальная открытка (изображенный рисунок создавался специально для открытки), то на первое место ставим название, затем информацию о художнике.

Аналогично поступаем и с фотографическими открытками. Всю необходимую информацию можно найти на обороте почтовой карточки.

Следующим элементом схемы является определение внешней характеристики открытки, ее отличительные признаки. Внешнее описание дается кратко и четко, так, чтобы при отсутствии изображения (открытки) можно было в общих чертах представить, как выглядит описываемый предмет. Для открытки обязательно описание лицевой и оборотной стороны. Для лицевой стороны следует указать наличие и характер изображений, текстов, раз-

личных украшений. В описании оборотной стороне обязательно охарактеризовать такие элементы, как эмблема издательства, разлиновка и другие особенности бланка, печатные реквизиты (фиксируются полностью).

Следующий элемент схемы описания — расшифровка надписей, подписей, штампов, печатей и других помет. Их необходимо конкретизировать. Сохранность источника фиксируется подробно, с точным описанием дефектов. Далее указывается место и время создания, материал и техника исполнения, источник поступления.

Конечно подобная схема описания не совсем полное, но она дает основу для дальнейшего изучения коллекции, ведь до тех пор, пока музейные предметы не изучены, их использование остается поверхностным.

Литература:

1. Белецкий, Я. М., Грейзер Г. Н. О чем поведала открытка. Москва, «Связь» — 1978 г. — 104 с.
2. Родионова, А. Е. Открытка как феномен художественной культуры (на материале русской открытки конца XIX — начала XX в.). Диссерт. на соискание степени канд. филос. наук. М., 1995.
3. Бутыльская, Л. В. Социокультурные аспекты изучения русской новогодней открытки // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2013. № 4 (36). С. 141–148.
4. Яшный, Д. В. Досоветские видовые открытки в изучении иконографии утраченного культурного наследия (на примере Крыма) // Пространство и Время. 2014. № 2 (16). С. 170–174.
5. Цаценко, Л. В., Лиханская Н. П. Петровна, Цаценко Н. А. Почтовая открытка как ресурс визуальной информации по истории агрономии // Научный журнал КубГАУ — Scientific Journal of KubSAU. 2015. № 107. С. 1533–1547.
6. Твоя коллекция. Монеты, марки, этикетки, открытки. Москва, «Молодая гвардия» — 1963 г. — 122 с.

Глиптика и сфрагистика Древней Маргианы бронзового века

Тиркишова Язгуль Коссековна, соискатель ученой степени кандидата искусствоведения
Институт истории Академии наук Туркменистана

В древности *Маргианой* называли земли, расположенные в дельте реки Мургап (древнее название *Марг*). В древнейшем письменном источнике Авесте Маргиана упоминается как *Моуру*, *Моурв*. Самое раннее упоминание об этой стране есть и в Бехистунской надписи Ахеменидского царя Дария I (I тыс. до н.э.). Греческие историки, открывшие для себя Центральную Азию во время восточных походов Александра Македонского, эту область стали называть удобным для произношения словом *Маргиана*. В средние века под воздействием арабского языка эти земли называли *Мервом*, а сейчас это *Марыйский* велаят Туркменистана.

Последовательные археологические исследования в нижнем течении реки Мургап за последние 40 лет открыли неизвестные доселе глубины древней культуры. По мнению ученых, это пятый центр мировой цивилизации, наряду с Египтом, Месопотамией, Индией и Китаем. В результате археологических работ обнаружено множество произведений древнего изобразительного искусства.

Искусство бронзового века особое явление в развитии общечеловеческой культуры. Сотни этих произведений выставлены в экспозициях и хранятся в фондах музеев Туркменистана.

Во время раскопок среди находок можно видеть древние печати. Они украшены геометрическими и астральными символами, а иногда и целыми композициями, включающими людей, животных, рептилий, птиц и насекомых.

Самые первые из известных нам печатей использовались в IV тысячелетии до н.э., когда возникли первые имущественные различия, в Древнем Египте и Месопотамии. В других местах социально-экономические условия для использования печатей возникли позже.

Печати и амулеты являются важным информационным материалом культурного наследия Маргианы бронзового века. Исследование печатей имеет большое значение в изучении большого круга исторических проблем, таких, как имущественные различия, возникновение классового общества и государства, торгово-экономические и куль-

турные связи в древнем обществе. В то же время печати являются произведениями искусства.

Древние печати изготавливались из цветных камней (сердолика, агата, халцедона, хрусталя и др.), стекла, керамики и др. Они различны по периоду и месту изготовления. Маргианские мастера часто использовали удобный для обработки стеатит, называемый “мыльным камнем”, темного, часто черного цвета как основной материал. А также различные мраморовидные породы, белый, с прожилками алебастр; реже — красный сердолик, агат, синий лазурит и голубую бирюзу. Некоторые печати и амулеты, изготовленные из твердых материалов и украшенные художественной резьбой и миниатюрами, являются истинными шедеврами мирового искусства. На них с высоким мастерством нанесены различные узоры, а иногда и целые сюжеты. Они все относятся к памятникам *глиптики*.

В древности печати использовались очень широко. Они выполняли в основном три функции, печать, а также украшение и амулет. Каждый человек, владеющий имуществом, имел свою личную печать. Печатами утверждали документы, опечатывали двери домов и складов, а также различные товары и продукты. Кроме того, медно-бронзовые печати были символами власти, показателями высокого положения и наличия собственности своего хозяина.

Печати прижимали или прокатывали по мягкому материалу (глина, воск и т.п.), получая оттиск. Во время археологических работ такие оттиски встречаются на кусках глины. Эти находки называются *буллы*. Оттиски печатей обнаруживаются на керамических сосудах. Часто это печати мастера, изготовившего сосуд или человека, заказавшего его. Оттиск ставился на сырую глину еще до обжига. Большое количество таких печатей говорит также о том, что они использовались и для более простых целей, т.е. как защита от “плохого глаза”. Изображения на печатях и амулетах не были произвольным желанием изготовившего их мастера, а использовались как оберег от несчастий. А их оттиски не только подтверждали ответственность, но и защищали содержимое сосудов от сглаза.

Амулеты изготавливались преимущественно из камня, были прямоугольной, квадратной, круглой формы и украшались с обеих сторон. Обычно они имели отверстие для шнура, чтобы носить на шее.

Среди большой коллекции маргианских печатей выделяются *цилиндрические* печати. В них имеется продольное отверстие для шнура. Оттиски таких печатей получали путем прокатывания. На них вырезаны различные мифические животные, например, целая праздничная композиция с участием людей с бычьими головами. Подобные сюжеты были широко распространены в Маргиане.

Человеку всегда хотелось понять строение мира, найти объяснение непонятным явлениям. Он стремился притянуть добрые силы природы к себе, а от злых сил защититься. Несомненно, что население Древней Маргианы поклонялось Огню, Воде и Земле [7, с.21]. Свои понятия об устройстве мира древние люди излагали простыми символами: прямая горизонтальная линия — земля, вол-

нистая горизонтальная линия — вода, вертикальные линии — дождь; огонь, солнце изображалось при помощи креста или кружочка с точкой в центре. Из этих символов и их сочетаний складывался орнамент.

Некоторые изображения были связаны с древними культами. Например, треугольник вершиной вниз — женское начало, а треугольник вершиной вверх — мужской символ, мужское начало [4, с. 42; 9, с. 29–31]. В совокупности они символ новой жизни. Если у них общее основание, получается ромб, который, по мнению одних ученых, женский символ [7], по мнению других — солярный знак [9, с. 442].

Кульм неба и небесных тел занимает важное место в системе древних верований. Они возникли на определенном этапе общественно-экономического развития и были присущи в разной степени всем земледельческим и скотоводческо-рыболовным племенам. Развитие “небесных” культов в Западной Европе, на Кавказе, в Азии, в том числе и на территории Туркменистана, в основном совпало с бронзовым веком. Правда, зачатки их встречаются и в неолите, но только в бронзовом веке они распространяются, часто в очень сложном и отличном друг от друга виде, повсеместно. Вместе с тем, несмотря на территориальные и хронологические различия, схожесть религиозных взглядов, связанных с небесными телами, привела к созданию единой системы их материального изложения, символов-идеограмм. Их изучение способствует лучшему пониманию общих характеристик и особенностей космических культов, широко распространенных среди древних племен.

“Небесные” религиозные понятия племен, проживавших на территории Туркменистана, в том числе и в Маргиане, также вылились в своеобразную систему символов-идеограмм, которые занимают важное место в ее орнаментике. Эти символы возникли в глубине веков и с изменением религиозных представлений претерпели изменения внешние и по содержанию. Несмотря на это, основной вид и содержание этих символов были сходны во всех местах, где развивались астральные культы.

Изображение Солнца как древний астральный символ было одним из самых распространенных знаков. В Маргиане оно изображалось как кружочек с точкой в центре, звезда, крест, колесо, свастика. Эти символы можно видеть на керамике, мелкой пластике, изделиях из камня и кости, художественном металле, украшениях, произведениях мозаики, сфрагистики и глиптики. У индоевропейских и индоиранских народов, одомашнивших лошадь и придумавших колесницу, солнце изображалось и в виде солнечного коня и солнечной колесницы. В их мифологии основной характеристикой Солнца и солнечной колесницы было определение “быстроходное”. Часто образ солнечной колесницы передавался только через колесо.

Этот символ передавал не только внешние характеристики этого природного объекта, но и впитал в себя всю систему понятий о нем изображавшего его человека. А это доказывает, что в основе этих древнейших солярных сим-

волов лежит не опыт одного человека, а опыт поколений, разработавших эти сложносоставные изображения одного из важнейших созидających начал древнего космоса — Солнца. Эти символы оказались очень устойчивыми и в наши дни они остались в узорах вышивки и ковров.

В произведениях искусства Маргианы бронзового века часто встречаются и изображения растений. Среди них выделяется изображения так называемого “древа жизни” или “древа всех семян”. С древнейших времен дерево — символ царства растений. Его ветви, обозначающие многообразие, соединяются в одном стволе, означающем единение. Зеленое, цветущее дерево — символ жизни; высохшее дерево — означает смерть. Цветок — знак рождения, жизни, умирания и воскрешения. Цветы олицетворяют красоту (особенно женскую), чистоту, невинность, счастье, молодость, а также быстротечность жизни.

В древности люди верили, что некоторые растения, их листья, семена, плоды имеют сакральную силу. Бусы, составленные из косточек, зерен, даруют своей хозяйке много детей, здоровье, богатство, уберегут от сглаза [2, с. 285–288].

Некоторые печати и амулеты были украшены целыми композициями, включающими в себя изображения животных, пресмыкающихся, птиц и насекомых, поэтому эти сюжеты очень разнообразны по содержанию: мирно пасущиеся джейраны или бегущие звери, убегающий олень или настигающая архара хищная птица, охотничьи сцены. Восхищает мастерство камнерезов, сумевших так точно передать стремительные движения и различные позы тел, их анатомическую правильность в миниатюрном масштабе.

Использование изображения птиц в качестве символов было присуще всем народам. Часто птицы выполняют функции волшебного вестника или помощника, или являются посланниками духов и ангелов. Например, орел — хозяин воздуха, символ силы и скорости, знак Солнца, воинов, правителей. Считают, что орел способен долететь до Солнца, поэтому его называют посланцем небес. Ассоциируется с величием, властью, господством, отвагой, вдохновением.

Очень интересны амулеты с изображением различных (в том числе и фантастических) животных. На них часто можно видеть змей, ползущих в сторону животных или птиц, или драконов. По древним верованиям, змея является в первую очередь магическим символом сил, породивших жизнь. Змея, кусающая себя за хвост, — символ вечности. Змея находится в постоянном контакте с силами земли, вод, тьмы и загробного мира.

В глиптике древней Маргианы одной из основных тем является борьба обычных змей с фантастическими драконами за право владения “живительным семенем”. Если змеи изображаются внизу или сзади животного, фантастические драконы изображены с крыльями, часто

с рогом на носу, с выпученными глазами и с раскрытой пастью. Их борьба олицетворяет собой общую идею борьбы Света и Тьмы, Добра и Зла, а это является дуалистической основой зороастризма. Эта главная тема встречается и на каменных амулетах, и на медно-бронзовых печатях. Это сквозные *ажурные* или *перегородчатые* печати, на лицевой стороне которых есть изображения, а с тыльной стороны обычно расположена ручка-печелька. Такие изображения создаются на лицевой стороне печати при помощи перегородочек, поэтому их называют “*перегородчатые печати*”. Они были распространены только в Центральной Азии и не встречаются на территории Ирана и Месопотамии, поэтому их можно считать местным изобретением [6, с. 258].

Богатая и разнообразная глиптика и сфрагистика Маргианы дает веские основания предполагать наличие в бронзовом веке отдельного пантеона божеств. Иногда на печатях изображаются религиозные сцены, божества, алтари, образы, передающие черты растений и животных. Выполненные с большим изяществом и искусно расположенные эти образы сближаются со сложными узорами и иногда их трудно объяснить.

Для декоративно-прикладного искусства древней Маргианы, в том числе и для печатей, характерно изображение фантастических животных, занимательного мира мифологических и сказочных образов: грифонов, крылатых сфинксов, людей с орлиными головами. Образы существ, объединяющих в себе облик птиц и человека, становятся более понятными, если рассматривать их в сравнении с произведениями искусства других регионов. Божества с головами животных характерны для сиро-хеттского искусства [5, с. 17–24; 8, с. 136]. Очень интересны образы крылатых *гениев* (мифических ангелов-хранителей дома), антропоморфных изображений с птичьей головой и крыльями. В человеческом сознании такие существа наделены необычными возможностями.

В свете археологических открытий последних лет искусство Маргианы бронзового века представляется крупным художественным явлением. Оригинальность этого искусства предстает перед нами как ярко выраженная художественная система со своими стойкими принципами, обнаружившими себя в преемственности образов и форм, а также связей с другими передовыми художественными школами Древнего Востока. Высокое мастерство в использовании материалов (например, некоторые печати вырезаны из очень твердых пород камней), искусное умение резьбы, внутренняя экспрессия и подвижность характеризует лучшие произведения глиптики и сфрагистики Маргианы бронзового века. Они не только показывают высокий уровень местного искусства, но и дают возможность понять богатый духовный мир жителей этой древней страны.

Литература:

1. А. К. Амброс. Раннеземледельческий культовый символ (ромб с крючками). — Советская археология, 1965, № 3;

2. Н. Г. Борозна. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии. — Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975;
3. С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М. — Л., 1963;
4. В. М. Массон, В. И. Сарианиди. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973;
5. В. И. Сарианиди Сиро-хеттские божества в Бактрийско-Маргианском пантеоне. — Советская археология. М., 1989, № 4;
6. W.I. Sarianidi Marguş. Murgap derýasynyň köne hanasynyň aýagyndaky gadymy gündogar şalygy. — Aşgabat, 2002;
7. В. И. Сарианиди. Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т 2. М., 2008;
8. Sarianidi, W.I. Goňurdepäniň arheologiýasy we Awesta. — Türkmenistanyň taryhy we medeni ýadygyrlikleri ýygındysynda. — Aşgabat., 2011;
9. А. А. Серкина. Опыт дешифровки древнейшего китайского письма. М., 1973.

Научное издание

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

III Международная научная конференция
Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *М.В. Голубцов*

Подписано в печать 24.12.2015. Формат 60x90 ¹/₈.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 7,88. Уч.-изд. л. 10,97. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии Издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25